

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОГО «ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ»

ЭНН РАЙС
ЛЭШЕР

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАМЕНИТЫХ
«МЭЙФЕЙРСКИХ ВЕДЬМ»

В мире продано более 100 миллионов книг Энн Райс!

Annotation

Таинственное исчезновение главной распорядительницы наследия семьи и потомственной ведьмы Роуан Мэйфейр повергло в шок весь колдовской клан. Слухи, пересуды, домыслы, туманные сообщения отнюдь не проливают свет на истинное положение вещей. И только юной Моне достоверно известно, что произошло в Рождественскую ночь, ибо она тоже унаследовала дар ведьмовства. К загадочным событиям, происходящим в фамильном особняке, самым непосредственным образом причастен призрак Лэшер – неизменный спутник и покровитель Мэйфейрских ведьм. Так кто же он – дьявол или святой? Вечное проклятие Мэйфейров, тот, кто в течение многих веков преследовал это семейство, наконец-то раскрывает свою тайну.

Роман продолжает знаменитую трилогию о семейном клане Мэйфейрских ведьм, которая имеет тысячи поклонников во всем читающем мире.

С глубочайшей любовью посвящаю эту книгу Стэну Райсу, Кристоферу Райсу и Джону Престону.

А также моей крестной, Патриции О'Брайен Харберсон, женщине с большим любящим сердцем, которая обратила меня к церкви, и сестре моей матери Алисе Аллен Давио, которой я многим обязана.

Выражаю благодарность Вики Вильсон за мужество, мировоззрение и душевную теплоту.

*Свинья в ермолке вошла через дверь,
Смешной поросенок качает колыбель.
Тарелка прыгает на столе, как блошка,
Смотрит, горшок проглотил ложку.
Из-за двери вдруг вертел возник
И на пол сбросил пудинг-стик.
«Дриль-дриль, – крикнул гриль. —
Кто не слушает меня?
Пузырек-констебль я,
Ну-ка все ко мне, друзья!»*

Сказки Матушки Гусыни

Copyright © 1993 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust

© Т. Кадачигова, гл. 1–13, перевод, 2015

© Е. Большелапова, гл. 14–40, перевод, 2015

© Издание на русском языке, ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Для Энн Райс нет ничего невозможного.

Time

Энн Райс обладает удивительным даром создавать напряженную атмосферу тайны.

The New York Times Book Review

Описания в книге Райс поражают... Воображение никогда не подводит писательницу.

Kirkus Reviews

Тонкое словесное кружево, наполненное чувственностью и музыкой, воистину чарующая история...

The New York Times Book Review

Я верю в абсолютное право женщин фантазировать и читать о том, о чем они желают читать.

Энн Райс, из интервью журналу «Плейбой»

Глава 1

Вначале был голос отца.

– Эмалет...

Шепот раздавался где-то неподалеку от живота матери, когда та спала. Потом тот же голос запел длинные песни о стародавних временах. Они повествовали о горной долине Доннелейт и замке, о тех местах, куда отец с дочерью когда-нибудь придут вместе, а также о том, как однажды она родится на свет – родится, уже зная все, что знает ее отец. Рассказывая ей о предстоящем пути, он тараторил так быстро, что никто, кроме них двоих, при всем желании не смог бы разобрать ни слова из его речи.

Со стороны она весьма смахивала на жужжание или свист. Быстро сменявшие друг друга слоги для постороннего уха представляли собой непонятную скороговорку, меж тем как для отца с дочерью это был тайный язык общения. Казалось, что они умели в этих песнях изливать друг другу душу. Было похоже, что Эмалет подпевала отцу, будто на самом деле умела говорить...

«Эмалет, дорогая моя Эмалет, доченька моя и моя возлюбленная». Отец с нетерпением ожидал ее появления на свет. Ради него ей нужно было поскорее расти и набираться сил. Когда наступит положенный срок, к ней на помощь придет мама и начнет вскармливать ее своим молоком.

А пока мама спала. Плакала. Видела сны. Болела. Порой они с отцом ссорились, и в эти минуты весь мир Эмалет сотрясался от дикого ужаса.

Но вскоре после этого кошмара к ней всегда приходил отец и затягивал свою песнь, не уставая напоминать, что его речь слишком быстра, чтобы ее могла разобрать мать. От этой мелодии маленький круглый мир Эмалет как будто расширялся и постепенно превращался в безграничное пространство, в котором она парила на крыльях отцовской песни.

Кроме того, отец читал ей чудесные стихи, в особенности прекрасные своей рифмой, заставлявшей маленькое тельце Эмалет содрогаться от волнения. Она вытягивала ножки и ручки, вертела головкой в разные стороны – уж очень приятно было внимать музыке слов.

В отличие от отца мать с Эмалет никогда не разговаривала. Подчас создавалось такое впечатление, что она даже не подозревает о существовании своей дочери. Однако, несмотря на то что Эмалет была совсем крошкой, ее тельце, как утверждал отец, уже было сущим совершенством. А на маленькой головке успели вырасти длинные волосы.

Тем не менее Эмалет понимала все, что говорила мать, и даже видела слова, которые та писала на бумаге. Она часто слышала, как мать что-то шепчет, и знала, что матери страшно. Порой они вместе видели одни и те же сны. Лицо Майкла. Сцены борьбы. Эмалет взирала на лицо отца глазами матери и при этом ощущала ее невыразимую печаль.

Отец любил мать, но порой она доводила его до белого каления. Будучи не в силах совладать с собой, он нередко распускал руки, причем подчас колотил ее так сильно, что она не могла удержаться на ногах. Мать страдала, и Эмалет при этом визжала, вернее сказать, пыталась визжать. А ночью после таких побоищ, когда мать забывалась сном, всегда являлся отец. Он успокаивал дочь, говорил, что ей не следует ничего бояться. Говорил, что они вместе придут к каменному кругу Доннелейта. И всякий раз завершал свой разговор с дочерью рассказами о тех далеких временах, когда все люди были прекрасны и жили на одном острове, который был сущим раем. Это замечательное время длилось до тех пор, пока

на остров не явились другие люди, в том числе и низкорослые.

Невозможно было без грусти и жалости слушать о слабостях и трагической судьбе этих маленьких человеческих созданий. И невольно напрашивался вопрос: а не лучше бы им вообще исчезнуть с лица земли?

«Я расскажу тебе все, что знаю сам. Все, что когда-то было поведано мне», – говорил отец.

И перед взором Эмалет явственно вырисовывался каменный круг, а посреди него – высокая фигура отца. Он представлял перед ней таким, каким он был в те далекие годы. Отец играл на арфе, и все танцевали. Она видела, как в тенях деревьев прятались низкорослые люди. Сердитые и злорадные, они были ей неприятны, и ей очень не хотелось, чтобы они прокрались в город. Отец говорил, что эти люди испытывают к ним врожденную ненависть. Еще бы! Можно ли ожидать от них чего-то другого? Но все это теперь не имело никакого значения. Ведь эти людишки остались лишь в обрывках несбыточных снов.

Теперь наступал их час. Час Эмалет и ее отца.

Она вновь видела отца в те давние времена. Он протягивал к ней руки. Это было на Рождество, когда горная долина вся утопала в снегу. Шотландские сосны подступали совсем близко. Слышались рождественские гимны, и Эмалет с упоением внимала мелодичным голосам, то словно взмывавшим ввысь, то опускавшимся до самых низких нот. Сколько всего ей предстояло увидеть и узнать в будущем!

– Радость моя, если нам придется разлучиться, приходи в долину Доннелейт. Ты обязательно ее найдешь. Уверен, ты сможешь это сделать. Люди, которые разыскивают твою мать, могут нас разлучить. Но ты должна всегда помнить главное. Придя в этот мир, ты будешь знать все, что тебе необходимо. Ну а теперь скажи, можешь ли ты мне что-нибудь ответить?

Эмалет сделала над собой усилие, но тщетно. Она не смогла выдать из себя ни звука.

– Талтос, – произнес отец, целуя живот матери. – Я слышу тебя. И люблю тебя.

Эмалет была счастлива, только пока мать спала. Потому что, просыпаясь, та всегда начинала плакать.

– И почему ты, интересно знать, считаешь, что я не прикончу его на месте? – грозился отец, когда у них с матерью разгорались ссоры из-за Майкла. – Как бы не так! Убью – и глазом не моргну. Сама подумай, что меня может от этого удержать, если ты меня покинешь.

Эмалет видела человека, которого называли Майклом и которого любила мать, но не любил отец. Майкл жил в большом доме в Новом Орлеане. Отец хотел вернуться в этот дом и вновь стать его хозяином, потому что это был его дом. Он приходил в ярость от одной мысли, что в нем жил Майкл. Но отец знал, что его время еще не пришло. Он ждал, когда Эмалет станет большой и сильной и сможет присоединиться к нему. Это будет их Началом. Он хотел, чтобы они вошли в долину Доннелейт вместе. Хорошее начало – залог будущего. Без хорошего начала нельзя рассчитывать на успех какого бы то ни было дела.

Расти и расцветай, моя доченька.

Талтос.

Долина Доннелейт уже давно опустела. Но они – отец, Эмалет и их дети – поселятся в ней и будут жить. У них родятся сотни детей. Это станет их блистательным началом.

– Это место будет нашим храмом, святилищем нашего Начала. Нашим Вифлеемом, – шепотом вещал дочке отец. – Началом всех времен.

Было темно. Мать плакала, уткнувшись в подушку, снова и снова повторяя лишь одно

имя: «Майкл. Майкл. Майкл!»

Эмалет всегда знала, когда начинало всходить солнце.

В это время все краски становились ярче, и Эмалет уже могла разглядеть перед собой тонкую руку матери, которая выглядела в ее глазах огромным темным пятном, заслонявшим собой весь мир.

В доме было темно. Машины разъехались, и только в одном окне продолжал гореть свет. Это была старая комната Майкла Карри. Та самая, в которой умерла Дейрдре. Мона вполне отдавала себе отчет в том, что произошло сегодня вечером. Более того, она размышляла о случившемся с явным удовольствием. И неудивительно, потому что она сама, можно сказать, все спланировала...

Она сказала отцу, что вернется в Метэри вместе с дядей Райеном и кузинами Джен и Клэнси. Однако дядя Райен ни сном ни духом об этом не ведал. Покидая дом, он был уверен – как, впрочем, и все остальные, – что она отправилась на Амелия-стрит с отцом, меж тем как Мона ни с кем никуда не поехала.

В ночь на Марди-Гра они с Дэвидом были на кладбище. Мона поспорила с ним, заявив, что он не решится с ней кое-что сотворить перед могилой Мэйфейров, – и проиграла. Он сделал это. Не то чтобы это оказалось потрясающе здорово, но не так уж плохо для пятнадцатилетнего парня. Во всяком случае, Моне данное действие пришлось весьма по вкусу. Ей нравилось то, что они вместе сбежали от взрослых. Нравилось видеть в глазах юноши неподдельный страх и ощущать собственное возбуждение. Нравилось перелезть с ним через побеленный кладбищенский забор и крадучись пробираться меж высоких мраморных надгробий. Нравилось, расправив под собой юбку, чтобы не испачкать трусики, бесстрашно раскинуться на одной из мощеных дорожек и, невзирая на холод и сырость, которые источала земля, наконец сделать то, к чему подстрекал ее инстинкт.

– Ну давай же, давай, – подстегивала она Дэвида, хотя он к этому времени уже не нуждался в том, чтобы его подбадривали и направляли.

Ее взгляд был устремлен не на него, а на холодное, затянутое облаками небо, в котором горела только одна звезда. Потом глаза Моны скользнули вверх по стене, по укрепленным на ней небольшим прямоугольным плитам, пока не остановились на высеченной на одной из них надписи: «Дейрдре Мэйфейр».

Наконец Дэвид кончил. Все оказалось очень просто.

– А ты бесстрашная девушка, – сказал он, когда все было позади.

– А кого мне бояться? Уж не тебя ли? – Она приподняла голову и села.

Разгоряченная от возбуждения, плутовка напустила на себя безразличный вид, будто данное занятие не доставило ей ни малейшего удовольствия. Пусть двоюродный брат далеко не был предметом ее мечтаний, тем не менее случившееся не оставило ее равнодушной.

Спустя некоторое время после того, как ее миссия была выполнена, Мона внесла запись об этом в свой компьютер – там в секретной директории WS\MONA\AGENDA хранились ее самые сокровенные тайны и признания в собственных победах, которыми она не делилась ни с единым человеком на свете. Компьютерная система Моны была никому не доступна. В нее не могли попасть даже дядя Райен и кузен Пирс, которых она время от времени заставляла на месте преступления, когда они рыскали по чужим файлам. Ее электронный друг считался наиболее быстродействующим из имеющихся в продаже аналогов IBM-386, обладал самым большим объемом памяти и самым емким жестким диском. Мона не переставала поражаться тому, как мало люди знают о компьютерах. Сама же она с каждым днем открывала в нем все новые и новые возможности.

Да, с ней произошел один из тех случаев, свидетелем которого являлся разве что

компьютер. Правда, если ее родители будут продолжать напиваться до потери сознания, не исключено, что подобные события приобретут регулярный характер. Тем более что ей предстояло покорить еще не одного Мэйфейра. Что же касается представителей прочих фамилий, то они ее практически не интересовали. Во всяком случае, она не имела на них никаких видов, если не считать Майкла Карри. Впрочем, он тоже не был исключением, потому что в сущности уже стал Мэйфейром и вся семья приняла его в свои крепкие объятия.

Дело происходило в ночь на Марди-Гра. Было десять часов вечера. Три часа назад закончилось карнавальное шествие. Кроме Майкла Карри, в доме никого не было. Мона Мэйфейр в гордом одиночестве стояла на углу Первой улицы и Честнат-стрит и смотрела на дом. В легком, почти воздушном платье она очень смахивала на привидение. Ночь была темной и ласковой, как раз такой, какие более всего нравились Моне.

К этому времени ее отец уже успел изрядно набраться, и, очевидно, кто-то отвез его домой. Во всяком случае, если бы он самостоятельно одолел тринадцать кварталов до Амелия-стрит и Сент-Чарльз-авеню, это можно было бы считать за настоящее чудо. Он был пьян еще до начала карнавального шествия, иначе бы не уселся прямо на траву на Сент-Чарльз-авеню с полупустой бутылкой «Саузерн Комфорт» в руках, из которой продолжал отхлебывать на глазах у дяди Райена и тети Беа, а также всех остальных, кто удостоивал его своего внимания. При этом он то и дело отмахивался от Моны, недвусмысленно давая ей понять, чтобы она оставила его в покое.

Однако Моне здорово повезло. Майкл Карри подхватил ее на руки и во время всего шествия носил на плечах – благо она весила не больше пушинки. Ей же было приятно ощущать себя верхом на сильном мужчине. Запустив пальцы в копну его черных курчавых волос, она другой рукой – так крепко, как только могла осмелиться, – обняла его за голову, прижала ладонь к щеке и не без удовольствия сжимала колени, чтобы ощутить бедрами его лицо.

До чего потрясающий мужчина этот Майкл Карри! А ее собственный родитель до того затуманил свой взор алкоголем, что даже не замечал, чем занимается его дочь.

Что же касается матери, то она отключилась еще в полдень. Если бы ей удалось встать, чтобы взглянуть на карнавальное шествие по Сент-Чарльз-авеню и Амелия-стрит, этот подвиг тоже можно было бы причислить к несусветному чуду. Конечно же, от матери не отходила ни на шаг молчаливая Старуха Эвелин. Она всегда начеку и может позвать на помощь, если вдруг Алисия по неосторожности подожжет собственную постель. Оставлять Алисию одну было небезопасно.

Итак, как говорится, все было схвачено. В доме на Первой улице не было даже тети Майкла, Вивиан. Вместе с тетей Сесилией она отправилась на всю ночь гулять куда-то в город. Мона видела, как они уезжали вскоре после праздничного шествия. Эрон Лайтнер, этот таинственный ученый муж, удалился вместе с тетей Беа. Мона слышала их разговор, когда они обсуждали, чьей машиной лучше воспользоваться – его или ее. Мона всегда радовалась тому, что Беатрис Мэйфейр проводит время с Эроном Лайтнером. В ее обществе Эрон как будто сбрасывал с себя по меньшей мере лет десять. Сама же Беатрис относилась к тому типу женщин, которые, несмотря на свой почтенный возраст, не перестают пользоваться мужским расположением. Когда бы она ни появлялась на пороге «Уолгрин»,^[1] из всех подсобок к ней навстречу спешили мужчины, предлагая руку помощи. Джентльмены не упускали случая поинтересоваться ее мнением относительно качества шампуня от

перхоти. Казалось, тетьа Беа привлекала к своей особе внимание мужчин играючи, исключительно ради шутки. Но если говорить об Эроне Лайтнере, то здесь дело обстояло иначе. Он был тем единственным, которого она по-настоящему желала, и это обстоятельство явилось совершенно новым поворотом в ее судьбе.

То, что в доме на Первой улице осталась старая служанка Эухения, вряд ли могло испортить дело, потому что она обитала в самой дальней комнате и, как говорили, стоит ей принять на ночь стакан портвейна – и ее уже никто не добудится.

Другими словами, все складывалось как нельзя лучше. В доме практически никого не было – никого, за исключением мужчины, о котором мечтала Мона. Теперь, когда она узнала историю Мэйфейрских ведьм, вернее, когда она наконец добралась до длинного повествования, составленного Эрном Лайтнером, тайна Первой улицы безудержно манила к себе. Конечно, у Моны возникло множество вопросов по поводу прочитанного. Она узнала о том, что тринадцать ведьм происходили родом из шотландской деревушки под названием Доннелейт. В тысяча шестьсот пятьдесят девятом году там была привязана к столбу и сожжена первая из них – несчастная хитроумная колдунья. О такой колоритной истории рода другие могут только мечтать. А Моне довелось принадлежать к такому семейству.

В истории Мэйфейров, которая создавалась на протяжении нескольких веков, был целый ряд фактов, которые имели для Моны особое значение. Но более всего ее заинтриговало жизнеописание дядюшки Джулиена.

Даже самая близкая Моне тетьа Гиффорд в этот вечер находилась вдалеке от Нового Орлеана – она скрывалась от всего и от всех в собственном доме в Дестине, штат Флорида. Тетьа Гиффорд, которая вечно беспокоилась о судьбе клана, умоляла семью не собираться на Первой улице в канун Марди-Гра. Бедная тетушка Гиффорд. Она и слышать не желала об истории Мэйфейрских ведьм и расследовании Таламаски. «Я в это не верю!» – категорично заявляла она.

Жизнь тети Гиффорд была буквально насквозь пропитана страхом. Она затыкала уши, не желая слушать рассказы о прошлом, и только в последнее время смогла сблизиться со своей бабушкой, древней Старухой Эвелин, потому что та практически перестала говорить. Тете Гиффорд было неприятно даже упоминать о том, что она доводилась внучкой Джулиену.

Подчас Моне становилось так жаль тетю Гиффорд, что она была готова расплакаться. Казалось, тетьа Гиффорд обрекла себя на страдания за весь род. Никто из семьи не был опечален исчезновением Роуан Мэйфейр так, как она. Никто, даже Райен. У нее воистину была добрая и нежная душа и исполненное любви сердце. В чисто практических вопросах – когда, например, речь заходила о наряде для школьных танцев, духах, которые больше подойдут тринадцатилетней девочке («Лаура Эшли», ^[2] номер один), или о том, не пора ли начать брить ноги, – лучшего советчика, чем тетьа Гиффорд, было не найти. О подобных банальных вещах вслух обыкновенно не говорят, однако Мона зачастую не могла принять решение без посторонней помощи.

Итак, вернемся на Первую улицу. Любопытно, что же было у Моны на уме в ту ночь на Марди-Гра, когда она, никем не замеченная, оказалась у небезызвестного особняка? Что она собиралась делать? Этого никто не знал. Вернее сказать, вряд ли на это мог кто-нибудь дать ответ, кроме нее самой. Все было готово. Первая улица была полностью в ее распоряжении! «Мона, Мона, входи! – казалось, шептал ей большой мрачный дом с белыми колоннами, в котором когда-то жил и умер дядя Джулиен. – Это дом ведьм, а ты, Мона, такая же ведьма, как и все остальные. Поэтому твое место здесь».

Уж не сам ли дядя Джулиен говорил с ней? Нет, это невозможно. Стоит дать волю своему воображению – и начинаешь видеть и слышать все, что тебе заблагорассудится.

Хотя все может быть. Во всяком случае, не исключено, что, оказавшись внутри, она встретит призрак дяди Джулиена. Вот было бы здорово! Особенно если он окажется таким же веселым и добродушным, каким всегда рисовался в ее воображении.

Перейдя улицу, осененную сводом ветвистого дуба, она перебралась через ограждавшую дом кованую решетку и спрыгнула в заросли кустарника, ощутив, как холодные влажные листья неприятно полоснули ее по лицу. Затем поправила розовую юбку и, благополучно миновав на цыпочках участок рыхлой земли, выбралась на выложенную плитами дорожку.

В замочную скважину было видно, что за входной дверью едва теплился тусклый свет. Терраса утопала во мраке ночи, и стоявшие на ней кресла-качалки было почти невозможно рассмотреть. Под стать ставням они были окрашены в черный цвет. Сад, окружавший дом, казалось, обступил его плотным кольцом и прижался так близко, будто слился в единое целое со зданием.

Сам особняк виделся Моне, как всегда, прекрасным, таинственным и гостеприимным. Правда, в глубине души она была вынуждена признать, что гораздо милей он был ей в своем прежнем обличье – полуразрушенным и в паутине. Таким, каким оставался в течение многих лет до того, как Майкл взялся за его переустройство. Ей нравился дом в добрые старые времена, когда на террасе в кресле-качалке сидела тетушка Дейрдре, а вокруг буйствовал дикий виноград, готовый, казалось, заполнить весь дом.

Хотя Майкл, несомненно, спас особняк от разрушения, тем не менее Моне хотелось бы вновь увидеть древнюю полуразвалину. В свое время она много чего слышала о том, что в нем происходило, и даже знала о трупе, который однажды нашли на чердаке. Этот факт был на устах матери и тетушки Гиффорд на протяжении многих лет. Матери едва стукнуло тринадцать, когда она родила Мону. И сколько Мона себя помнила, рядом с ней всегда была тетушка Гиффорд.

Порой Мона даже затруднялась сказать, кто же был ее матерью – Алисия или Гиффорд. Кроме того, ее часто держала на руках бабушка Эвелин, которая мало о чем говорила, а в основном пела старые заунывные песни. Если рассудить здраво, то тетушка Гиффорд гораздо больше подходила на роль матери, чем Алисия, которая к тому времени уже стала горькой пьяницей. Но Мона считала иначе и твердо придерживалась этого мнения долгие годы. Недаром же она выросла в доме на Амелия-стрит.

Прежде родственники Моны то и дело обсуждали происшествие с трупом. Не менее часто темой их бесед становилась и Дейрдре, прикованная к постели и медленно приближающаяся к своей кончине. Говорили они также и о тайнах дома на Первой улице.

Когда Мона впервые попала в этот особняк – это было незадолго до свадьбы Роуан и Майкла, – ей показалось, что она чует запах тлена. Она попросила разрешения подняться на чердак, чтобы дотронуться до места, где нашли мертвое тело. Как раз тогда Майкл занимался реконструкцией дома и наверху полным ходом шли малярные работы. Но тетушка Гиффорд сказала:

– И думать не моги!

И всякий раз, когда Мона порывалась осуществить свое навязчивое желание, та удостоивала ее строгим и предупредительным взглядом.

То, что сотворил с родовым особняком Майкл, казалось сродни чуду. Мона мечтала, чтобы нечто подобное когда-нибудь произошло с ее родным жилищем, находившимся на углу

Сент-Чарльз-авеню и Амелия-стрит.

Итак, войдя в дом, Мона прежде всего собиралась подняться на третий этаж. Из истории семьи она узнала, что некогда обнаруженное на чердаке тело принадлежало молодому исследователю из Таламаски по имени Стюарт Таунсенд. Однако оставался вопрос: кто его отравил? Мона была готова побиться об заклад, что это сделал дядя Кортланд, который на самом деле приходился ей не дядей, а прапрадедушкой. Во всяком случае, эта фигура в семейной биографии была окутана самыми невероятными тайнами.

Запахи. Внимание Моны привлек странный запах, который преследовал ее в коридоре и жилых комнатах дома на Первой улице. Он появился вместе с несчастьем, которое случилось на Первой улице на Рождество, и не имел ничего общего с тем зловонием, которое источает мертвое тело. Если верить тетушке Гиффорд – по крайней мере, она так говорила племяннице, – этот запах никто, кроме Моны, не чувствовал.

И все-таки тетушка Гиффорд соврала. Как и всегда, когда речь заходила о каких-нибудь подозрительных явлениях вроде видений или запахов. «Я ничего не вижу! И ничего не слышу!» – раздраженно заявляла она, явно не желая продолжать данную тему. Не исключено, что она говорила чистую правду, потому что Мэйфейры обладали виртуозной способностью не только читать чужие мысли, но и отключать свои собственные ощущения.

Мона желала увидеть все собственными глазами. Хотела найти знаменитую виктролу.^[3] Драгоценности вроде жемчуга ее ничуть не интересовали, а вот старая виктрола пробуждала в ней неподдельное любопытство. Но больше всего ей не терпелось проникнуть в БОЛЬШУЮ СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ, чтобы наконец узнать: что случилось на Рождество с Роуан Мэйфейр? Почему Роуан бросила своего мужа Майкла? И как он, полумертвый, оказался на дне бассейна с ледяной водой? Когда его вытащили, никто не верил, что он выживет. Никто, кроме Моны.

Наряду с прочими Мона могла лишь строить предположения по поводу происшедшего, однако догадки ее не устраивали. Ей хотелось узнать правду. Узнать из уст самого Майкла Карри. Насколько ей было известно, до сего дня его версию случившегося никто никогда не слышал. Если он кому-то и рассказал о событиях того злосчастного Рождества, то только своему другу Эрону Лайтнеру из Таламаски, а из того, как известно, слова лишнего не вытянешь. Остальные же пребывали в таком же неведении, как и Мона. Поскольку Майкл не изъявлял никакого желания откровенничать, его никто не принуждал. Очевидно, люди не решались ворошить прошлое из чувства такта и сострадания – все были уверены, что Майкл чудом выжил после покушения на его жизнь.

В ночь после случившегося Моне удалось пробраться в палату интенсивной терапии. Она коснулась руки Майкла и поняла, что он выживет. Конечно, длительное пребывание в холодной воде не прошло бесследно для его здоровья: у него явственно наблюдались нарушения сердечной деятельности из-за слишком долгой остановки дыхания. Но прощаться с жизнью Майкл отнюдь не собирался. Чтобы оправиться от потрясения, его организму требовался всего лишь отдых. Мона поняла это сразу, едва только прощупала его пульс. Однако когда она это делала, то испытала те же ощущения, что и от прикосновения к другим Мэйфейрам. В нем было нечто такое, чем обладали прочие представители ее рода. Чутье подсказывало ей, что он так же, как они, видит призраков. И хотя история Мэйфейрских ведьм не упоминала ни Майкла, ни Роуан, Мона знала наверняка, что он по сути такой же, как они. Но захочет ли он рассказать ей правду? Во всяком случае, если верить дошедшим до нее безумным слухам, то у нее были все основания рассчитывать на удачу.

Сколько ей предстояло узнать! Сколько открыть тайн! Быть тринадцатилетней девочкой казалось Моне сущим издевательством. Насколько она помнила, Жанне д'Арк или Екатерине Сиенской тоже было не больше тринадцати, но разве их можно сравнить с ней. Конечно, они святые, но это еще как посмотреть. С одной стороны, святые, а с другой – едва ли не ведьмы.

Или взять, к примеру, Детский крестовый поход.^[4] Если бы Моне довелось принять в нем участие, они бы наверняка отвоевали себе Святую землю. А может, ей стоит подумать об этом серьезно? Скажем, развернуть общенациональное восстание гениальных тринадцатилетних детей. И выдвинуть требование о получении права голоса в зависимости от уровня интеллекта, а не возраста. И неплохо бы давать водительские права всем тем, кто умеет хорошо водить машину. Главное, чтобы он мог разглядеть дорогу из-за руля. Но все это мелочи. Во всяком случае, они могут пока подождать.

Сейчас Мону волновало другое. А именно: удастся ли сегодня затащить Майкла в постель? Когда они возвращались с праздничного шествия, она поняла, что он уже достаточно окреп и вполне в состоянии исполнить свои мужские функции. Другое дело, сумеет ли она его к этому склонить.

Майкл еще пребывал в том возрасте, когда мужчина довольно ловко умеет балансировать между зовом плоти и голосом разума. Люди более почтенного возраста, как, например, ее двоюродный дядя Рэндалл, являли собой более легкую добычу. Не говоря уже о таких желторотых юнцах, как кузен Дэвид, который вообще достался ей без всякого труда.

Но поход на Майкла, да еще когда тебе всего лишь тринадцать, представлялся Моне чем-то вроде покорения Эвереста. Тем не менее уже одна только мысль о такой возможности доставляла ей удовольствие. «Я буду не я, если этого не сделаю!» – беспрестанно твердила она себе. А после того как это свершится, она непременно выудит из Майкла правду о Роуан. В конце концов, должна же Мона узнать, что произошло в то роковое Рождество и почему исчезла Роуан. Вряд ли со стороны той это выглядело предательством в полном смысле этого слова. Однако то, что Роуан ушла не одна, ни у кого не вызывало сомнений. Именно поэтому вся семья за нее ужасно волновалась, хотя далеко не все желали признаться в этом вслух.

Почему-то никто не верил, что Роуан умерла. Создавалось такое впечатление, что она просто ушла, забыв закрыть за собой входную дверь. Но не успела она выйти за порог, как ей на смену поспешила Мона. Та самая, которая давно изнывала по Майклу Карри. Сильный и волосатый, как мамонт, он в буквальном смысле сводил ее с ума.

На мгновение Мона задержала взгляд на огромной входной двери, перебирая в памяти всех членов семьи, которые входили через нее в дом. На Амелия-стрит до сих пор висел большой портрет двоюродного дяди Джулиена. Правда, перед приездом тети Гиффорд мать Моны, Алисия, всегда его снимала, что глубоко задевало чувства бабушки Эвелин. Почти всегда молчаливая, та, казалось, постоянно пребывала в плену собственных мечтаний, от которых ее могло отвлечь только беспокойство за Мону и Алисию – за последней нужен был глаз да глаз, чтобы она не упиалась до смерти. Патрик, отец Моны, уже давно потерял человеческий облик и, верно, позабыл даже, как его зовут.

Когда Мона взглянула на входную дверь, ей почудилось, будто в проеме возник седовласый и голубоглазый дядя Джулиен. В эту минуту она почему-то вспомнила о том, что он когда-то танцевал в этом доме с бабушкой Эвелин. Однако семейная история об этом умалчивалась, равно как и о самой Эвелин, ее внучках Гиффорд и Алисии, а также о единственном ребенке Алисии – Моне.

Но видение оказалось всего лишь плодом воображения. Никакого дяди Джулиена в

дверях не было. Мона поняла, что ей нужно соблюдать осторожность и быть постоянно начеку. Что бы ей ни привиделось, это было за гранью реальности – той самой реальности, на пороге которой она стояла.

Мона направилась по выложенной плитками дорожке к торцу дома, где находилась терраса. На ней в течение многих лет сидела в своем кресле-качалке тетушка Дейдре. Бедная тетушка Дейдре! Мона много раз видела ее из-за забора, но ни разу девочке не удалось проникнуть в дом. Теперь она знала, что тетю Дейдре безбожно накачивали лекарствами.

Теперь терраса была приведена в образцовый порядок. Противомоскитную сетку сняли. Правда, Майкл снова поставил здесь кресло-качалку тетушки Дейдре и, подобно ей, часами просиживал в нем на свежем воздухе, словно тоже тронулся рассудком. На окнах жилых комнат висели кружевные занавески и изысканные шелковые портьеры. Одним словом, по всему было видно, что в доме жили состоятельные люди.

Там, где тропинка изгибалась, много лет назад упала и скончалась на месте тетя Анта. Та самая, которой на роду было написано произвести на свет ведьму – Дейдре. Несчастливая Анта разбила голову и поэтому лежала здесь вся в крови.

Поскольку поблизости никого не было, Мона, не опасаясь быть застигнутой врасплох, опустилась на колени, чтобы коснуться камней. На какое-то мгновение ей померещился призрак Анты – восемнадцатилетняя девушка с огромными безжизненными глазами. На ее шее висел перепачканный кровью изумрудный кулон, спутанные волосы переплелись с цепочкой.

Но, как и прежде, видение возникло у Моны лишь перед внутренним взором. И неудивительно, что она едва не приняла его за появление настоящего призрака. Когда всю жизнь только и делаешь, что слушаешь странные рассказы, а потом они не менее удивительным образом воплощаются в снах, можно навоображать себе все, что угодно. Помнится, тетушка Гиффорд, роняя слезу за кухонным столом в доме на Амелия-стрит, умоляла мать Моны:

– Этот дом – средоточие зла! Слышишь, что я тебе говорю?! Сущее зло! Не позволяй Моне переступить его порог.

– Не говори чепухи, Гиффорд. Она всего лишь отнесет цветы на свадьбу Роуан Мэйфейр. Для нее это большая честь.

Еще бы! Это было самое пышное венчание за всю историю семьи. Надо сказать, что Моне оно пришлось весьма по вкусу. Жаль, что тетушка Гиффорд не спускала с нее глаз и лишила возможности досконально осмотреть весь дом на Первой улице еще в тот незапамятный полдень, когда все гости праздновали бракосочетание. Увлеченные шампанским и пустопорожними разговорами – в том числе перемыванием костей мистеру Лайтнеру за то, что он до сих пор не изволил представить на всеобщий суд составленную им историю семьи, – присутствующие вряд ли бы обратили внимание на Мону, шныряющую по тайным закоулкам семейного особняка.

Но своим появлением на свадьбе Мона была целиком обязана бабушке Эвелин. Помнится, она поднялась со своего кресла и, перебив тетушку Гиффорд, сухим шепотом заявила:

– Пусть ребенок пройдет по нефу.

Ей уже шел девяносто первый год. Главное преимущество, которое давало Эвелин практически постоянное молчание, заключалось в том, что, стоило ей заговорить, как все

смолкали и начинали ее слушать. Конечно, это не относилось к тем случаям, когда она бормотала нечто несвязное себе под нос.

Временами Мона почти ненавидела тетю Гиффорд за ее вечные страхи, опасения и выражение непреходящего ужаса на лице. Однако по-настоящему ненавидеть тетю Гиффорд было невозможно, потому что она чрезвычайно по-доброму относилась ко всем, кто ее окружал. В особенности к своей сестре Алисии, матери Моны, которую после троекратного безуспешного лечения от алкоголизма все списали в разряд безнадежных. Каждый вторник Гиффорд приходила на Амелия-стрит, чтобы немного прибраться в доме, подмести пол и посидеть с бабушкой Эвелин. Она также приносила одежду для Моны, которая терпеть не могла ходить по магазинам.

– Знаешь, хорошо бы тебе начать одеваться по моде современных подростков, – как бы между прочим заметила тетя Гиффорд несколько недель назад.

– Спасибо, но меня вполне устраивают мои детские наряды, – ответила Мона. – Они служат чем-то вроде маскировки. К тому же если тебя интересует мое мнение, то большинство современных юношей и девушек выглядят слишком дешево. Ничего не имею против того, чтобы одеваться в соответствии со своим возрастом, но мне кажется, что я еще не доросла до этого уровня.

– Возможно, я бы с тобой согласилась, если бы не твоя грудь. Она выдает тебя с головой! Видишь ли, простеньких детских платьев, рассчитанных на большой бюст, просто не шьют.

– Что-то я тебя не пойму. То тебе хочется, чтобы я поскорее выросла. А то вдруг упрекаешь в безнравственности поведения. Кто я, по-твоему? Ребенок или какая-то социологическая проблема? К тому же я терпеть не могу подстраиваться под какие-то нормы. И вообще... Тебе самой не кажется, что, следуя догмам, мы разрушаем собственную индивидуальность? Ты только посмотри на сегодняшних мужчин. Тех, что показывают по телевизору. За всю историю человечества никогда не было такого, чтобы люди выглядели как из одного инкубатора. Галстуки, рубашки, серые пиджаки... Смотреть противно. Кошмар, да и только.

– Мы говорим о совершенно разных вещах. Я имею в виду лишь необходимость соответствовать своему возрасту: сообразно одеваться и подобающим образом себя вести. Что же касается тебя, то ты не делаешь ни того ни другого и к тому же переводишь разговор в другую крайность. Не стоит воображать себя кем-то вроде заурядной вавилонской блудницы с лентой в волосах. Тебе это не к лицу.

Произнеся слово *блудница*, тетя Гиффорд так испугалась, что тотчас замолкла и, нервно сжав руки, опустила голову. Черная шапка стриженных волос нависла над покрасневшим от смущения лицом.

– О Мона, детка, я тебя люблю.

– Знаю, тетя Гиф. Но прошу тебя, ради бога, ради всего святого, никогда, никогда впредь не считай меня заурядным созданием! Слышишь? Никогда!

* * *

Мона довольно долго простояла на коленях на каменных плитах, пока холод не пробрал ее до самых костей.

– Бедная Анта, – прошептала она, поднимаясь на ноги и в очередной раз поправляя свое

розовое платье.

Потом Мона встряхнула головой, чтобы убрать с плеч волосы, и проверила, хорошо ли сидит на затылке атласный бант. Дяде Майклу он всегда нравился.

– Пока у Моны на голове бант, – заметил он в вечер перед карнавалом, – можно быть уверенным, что ничего дурного не случится.

– В ноябре мне будет тринадцать, – прошептала она в ответ, придвинувшись ближе, чтобы схватить его за руку. – Говорят, мне пора снять с себя эту ленту.

– Тринадцать? Тебе? – Окинув ее взглядом, он на какое-то мгновение задержался на бюсте и, наверное устыдившись своих мыслей, покраснел. – Не может быть! Просто не верится! Но ты все равно не снимай эту ленту. Тебе она очень идет. Я сплю и вижу ее в твоих рыжих волосах.

Конечно, его хвалебная песнь банту была невинной шуткой. Такой же, как он сам. Ведь все знали, что он человек здравомыслящий, благоразумный и очень милый. Тем не менее его щеки покрылись румянцем. Любопытно почему? Некоторые мужчины его возраста обычно смотрят на тринадцатилетних девочек с большой грудью как на злую шутку природы, но Майкл, судя по всему, к таковым не относился.

Так или иначе, но ей не мешало бы тщательно обдумать, как она будет себя вести, когда окажется рядом с ним.

Первым делом Мона решила оглядеть со всех сторон бассейн. Она поднялась по ступенькам и вышла на широкую, выложенную плиткой террасу. Внизу, под водой, горели голубоватые лампы подсветки, а над поверхностью сгустился пар. Странно, что в бассейне не отключили подогрев... Ведь Майкл уже давно в нем не плавал. По крайней мере, он сам так утверждал. Очевидно, он решил не остужать воду до Дня святого Патрика. На этот праздник вне зависимости от погоды обыкновенно приезжает добрая сотня малолетних Мэйфейров. Так что имеет смысл заранее прогреть бассейн.

Мона прошла до конца террасы к душевой кабине, возле которой некогда на снегу была обнаружена кровь. Судя по всему, здесь состоялась жестокая схватка. Сейчас же это место было совершенно чистым, если, конечно, не считать маленькой кучки прелых листьев. Деревья в саду по-прежнему клонились к земле под тяжестью выпавшего в эту сумасшедшую зиму снега, что было крайне необычно для Нового Орлеана. Неожиданное тепло, которое наступило в последнюю неделю, пробудило природу, и из земли показалась ялапа. Мона чувствовала запах ее крошечных цветков. Глядя на них, она никак не могла представить себе это место залитым кровью, а Майкла Карри лежащим на дне – с окровавленным, разбитым лицом и остановившимся сердцем.

Вдруг Мона ощутила запах... Это был тот же странный запах, что преследовал ее раньше – и в прихожей, и в гостиной, где обычно лежал китайский ковер. И хотя он был едва уловим, она не могла его ни с чем спутать. Следуя за ним, Мона приблизилась к балюстраде. В сочетании с благоуханием ялапы запах, привлечший ее внимание, казался Моне весьма соблазнительным. Она бы даже сказала, вкусным – таким же вкусным, каким кажется сладкий аромат карамели или ирисок, но с той разницей, что этот запах имел явно иное, не связанное с пищей, происхождение.

Неожиданно в ней вспыхнул гнев на того, кто избил Майкла. Этот мужчина понравился ей с первого взгляда. Она также восхищалась и Роуан Мэйфейр. И была бы не прочь когда-нибудь остаться с ними наедине, чтобы кое-что у них выведать и в свою очередь кое о чем рассказать. А главное – попросить у них виктролу, если, конечно, они ее нашли. Однако

подобная возможность ей ни разу не представилась.

Мона снова встала коленями на обжигающие холодом плиты и дотронулась до них рукой. Запах точно исходил из этого места, однако ничего подозрительного ей обнаружить не удалось. Она посмотрела на дом, на утонувший во мраке черный ход. Везде было темно. Мона перевела взор на здание бывшего каретного сарая, находившееся за железной оградой, неподалеку от дуба Дейдрре.

Это было небольшое строение, в котором теперь жила прислуга. В его окнах светился единственный огонек. Очевидно, Генри еще не спал. Но Мону это обстоятельство не слишком беспокоило. С кем с кем, а с ним уж она сумела бы справиться. Вечером за ужином она заметила, что Генри до смерти напуган случившимся в особняке и, вероятно, уже серьезно подумывал о том, чтобы сменить место работы. Он лез из кожи вон, чтобы угодить Майклу, а тот в ответ лишь неустанно повторял:

– Понимаете, Генри, я принадлежу к так называемой рабочей интеллигенции. И весьма неприхотлив в своих требованиях. Меня вполне устроит самая обыкновенная пища. Например, красные бобы и рис.

Рабочая интеллигенция... После ужина Мона подошла к Майклу, когда тот собирался удалиться, чтобы совершить свой, как он выражался, вечерний моцион.

– Дядя Майкл, – обратилась к нему она, – а что это еще за чертовщина такая – рабочая интеллигенция?

– Ну у тебя и выражения! – прошептал он с нарочитым удивлением в голосе, непроизвольно поправляя ленту в ее волосах.

– О, простите, – пробормотала она в ответ. – Видите ли, я считаю, что всякая девушка из высшего общества должна непременно обладать большим запасом слов.

Он одобрительно рассмеялся. Казалось, такой ответ пришелся ему по вкусу.

– Рабочий интеллигент – это такой человек, которого меньше всего заботит благосостояние среднего класса, – объяснил он. – Достаточно ли ясно я выразился, чтобы меня могла понять девушка из высшего общества?

– Вполне. Ваш ответ чрезвычайно последователен и точен. Должна вам заметить, что я терпеть не могу соглашательство в какой бы то ни было форме.

И снова он разразился мягким, обворожительным смехом.

– А как вы стали рабочим интеллигентом? – продолжала расспрашивать Мона. – Не могла бы и я записаться в ваши ряды?

– Записаться, Мона, нельзя, – ответил он. – Чтобы стать рабочим интеллигентом, надо родиться рабочим. Например, сыном пожарного, склотившего небольшое состояние. Рабочий интеллигент, если захочет, может сам косить траву. Может самостоятельно мыть свою машину. Или сесть за руль автофургона, несмотря на то что, по мнению окружающих, ему больше подошел бы «мерседес». Рабочий интеллигент свободен в выборе своих занятий.

Господи, как он улыбнулся при этих словах! Безусловно, в них сквозила ирония над самим собой, возможно даже несколько горькая. Но это было не главное. В его взгляде она прочла, что одним своим видом доставляет ему удовольствие. Ну конечно, в этом не могло быть сомнений. Она определенно вызывала у него интерес, и только некоторая усталость и благовоспитанность заставляли его держать себя в рамках.

– Ну что же, мне это кажется весьма привлекательным, – одобрительно заключила она. – Любопытно только узнать: вы снимаете рубашку, когда косите траву?

– Мона, сколько тебе лет? – игривым тоном осведомился он, склонив голову набок. Его

взгляд оставался по-прежнему совершенно невинным.

– Я же говорила, тринадцать, – простодушно бросила она в ответ.

Поднявшись на цыпочки, она быстро чмокнула его в щеку, своим порывом заставив в очередной раз покраснеть. Он не мог не заметить очертания ее груди, талии и бедер – всей фигуры в целом, откровенно угадывавшейся под свободным розовым ситцевым платьем. Майкла тронуло такое проявление внимания, но, несмотря на невинность, ее поцелуй пробудил в нем совершенно иные чувства. Взгляд его на минуту словно остановился. Чуть придя в себя, он сказал, что ему нужно выйти на воздух. Помнится, он что-то бормотал насчет ночи на Марди-Гра и вспоминал, как в детстве, направляясь на карнавальное шествие, каждый раз проходил мимо этого дома.

Хотя врачи продолжали пичкать Майкла всевозможными лекарствами, с сердцем у него было все в порядке. Правда, время от времени он жаловался Райену на легкие боли, и тот неустанно напоминал ему, что можно, а чего нельзя делать. Однако в вопросе разрешений и запретов Мона предпочла разобраться сама.

Она долго стояла возле бассейна, перебирая в памяти все подробности давнего злосчастного происшествия: бегство Роуан, что-то вроде выкидыша, кровавые следы, избитый Майкл в ледяной воде... Может быть, запах как-то связан с прерванной беременностью? Мона поинтересовалась у Пирса, чувствует ли он этот запах. Тот ответил, что нет, не чувствует. Тетя Беа тоже. Равно как и Райен. Ладно, хватит ходить вокруг, выискивая всякие таинственные явления! Вдруг в памяти Моны всплыло мрачное лицо тети Гиффорд в больничном коридоре в ночь на Рождество. Тогда все думали, что Майкл не выживет. Вспомнила Мона и взгляд тети Гиффорд, обращенный на дядю Райена.

– Ты знаешь, что там произошло! – заявила ему тетя Гиффорд.

– Чушь, – отрезал ей в ответ Райен. – Это все твоя маниакальная подозрительность. Не желаю это даже обсуждать. Тем более в присутствии детей.

– И я не хочу, чтобы наш разговор слышали дети, – дрожащим голосом продолжала тетя Гиффорд. – Им не следует знать об этом! Поэтому, умоляю, увези их отсюда. Слышишь, увези! Я давно тебя об этом прошу.

– Ты так говоришь, будто во всем виноват я! – прошептал дядя Райен.

Бедный дядя Райен! Семейный юрист и адвокат, он являл собой великолепный пример того, что может сделать с человеком желание «соответствовать определенным нормам». Вообще-то, дядю Райена можно считать во всех отношениях шикарным самцом: широкий квадратный подбородок, голубые глаза, хорошо развитая мускулатура, плоский живот, изящные, как у музыканта, руки... Но эти его качества мало кто замечал, потому что, когда люди смотрели на дядю Райена, им в глаза прежде всего бросались безупречно сидящий костюм, отлично сшитая рубашка и сияющие блеском ботинки. Ему под стать выглядели и все прочие сотрудники фирмы «Мэйфейр и Мэйфейр». Странно, что их примеру совершенно не следовали женщины. Правда, у них тоже были свои стереотипы: жемчуга, пастельные тона и каблуки всевозможной высоты. Мона считала этих дам ненормальными. На их месте и с их миллионами она непременно стала бы родоначальницей собственного стиля.

Что же касается того спора, который разгорелся между дядей Райеном и тетей Гиффорд в коридоре больницы, то он вовсе не хотел каким бы то ни было образом причинить ей боль, а всего лишь выказал свое отчаяние. Ведь он, как и все остальные, был чрезвычайно обеспокоен состоянием Майкла Карри.

Положение спасла тетюшка Беа, которая подросла вовремя и успокоила их обоих.

Помнится, Моне очень хотелось тогда сообщить тете Гиффорд, что Майкл Карри не умрет, но она боялась еще сильнее напугать ее своим пророчеством. В разговорах с тетушкой Гиффорд лучше вообще не касаться подобных тем.

Поскольку мать Моны практически не просыхала от запоев, то говорить с ней тоже не имело никакого смысла. Равно как с бабушкой Эвелин – та, как правило, отмалчивалась, когда Мона о чем-нибудь ее спрашивала. Правда если она все же удосуживалась что-то изречь, то это было нечто весьма разумное. По словам ее врача, с головой у нее все было в полном порядке.

Мона никогда не забудет того времени, когда дом пребывал в страшном запустении, почти на грани разрушения, а Дейдрре сидела в своем кресле-качалке. Мона неоднократно просила разрешения посетить дом, но каждый раз нарывалась на категорический запрет.

– Прошлой ночью мне приснился странный сон, – как-то сказала она матери и тетушке Гиффорд. – Мне привиделся дядя Джулиен. Он велел мне перелезть через ограду и посидеть на коленях тети Дейдрре. И добавил, что я должна это сделать независимо от того, будет с ней рядом тетя Карлотта или нет.

Она сказала чистую правду. Но от этой правды у тети Гиффорд случилась истерика.

– Не смей никогда даже приближаться к Дейдрре. Слышишь, никогда! – кричала она.

Алисия вдруг разразилась нездоровым смехом. А Старуха Эвелин спокойно наблюдала за ними со стороны.

– Скажи, пожалуйста, проходя мимо, ты кого-нибудь видела возле тети Дейдрре? – вдруг осведомилась Алисия.

– Си-Си, как ты можешь?! – укоризненно воскликнула тетушка Гиффорд.

– Только молодого человека, – ответила матери Мона, – всегда одного и того же. Он постоянно с ней рядом.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Гиффорд. Моне пришлось поклясться, что она будет держаться подальше от пересечения Первой улицы и Честнат-стрит и на этот дом никогда даже глаз не поднимет. Откровенно говоря, Мона без зазрения совести нарушала данное обещание и впредь по-прежнему не упускала случая лишний раз пройти мимо запретного места. Двое ее друзей из школы при монастыре Святого Сердца жили неподалеку от дома на Первой улице. Под предлогом оказания им помощи в выполнении домашнего задания Мона частенько возвращалась с занятий вместе с ними. Им очень нравилось то, что она взяла их на поруки, девушка же в свою очередь делала это не без удовольствия, ибо втайне преследовала совсем иные цели. К тому же друзья рассказывали ей всевозможные истории о таинственном доме.

– Этот молодой человек – призрак, – прошептала мать Моны, несмотря на присутствие Гиффорд. – Никогда никому не говори, что ты его видела. Но ко мне это не относится. Мне можно рассказывать все. Как он выглядит?

С этими словами Алисия залилась пронзительным смехом и хохотала до тех пор, пока Гиффорд не расплакалась. Старуха Эвелин не проронила ни слова, хотя все слышала, о чем свидетельствовало настороженное выражение ее маленьких голубых глаз. Одному богу было известно, что она тогда думала о своих внучках.

Чуть позже, по дороге к своей машине («ягуар»-седан весьма соответствовал образу Гиффорд и мог считаться вполне достойным средством передвижения для любого обитателя Метэри), тетя решила поговорить с Моной с глазу на глаз:

– Прошу тебя, поверь мне на слово. Не нужно даже близко подходить к этому дому. От

него исходит одно только зло.

Мона выдавила из себя обещание. Но какое это могло иметь для нее значение, если она была отмечена судьбой! А значит, должна была узнать об этом месте все, что можно.

Теперь же, когда между Роуан и Майклом случилась ссора, девушка считала своей первостепенной обязанностью докопаться до причин странного происшествия.

Еще больше раздражило ее любопытство составленное в Таламаске досье Мэйфейрских ведьм, на которое она как-то наткнулась, копаясь среди бумаг на столе у Райена. Чтобы подробно ознакомиться с документом, она вытащила бумаги из папки и поспешила в буфетную, где поудобнее устроилась возле стойки, моля лишь о том, чтобы ее не застали на месте преступления. Шотландия... Доннелейт... А ведь семья, кажется, до сих пор владеет собственностью в тех краях. Потрясающая история! Что же касается некоторых подробностей относительно Анты и Дейдре, то они были поистине скандальными. Кроме того, Мона поняла, что история семьи не завершена: в ней отсутствовали сведения о Майкле и Роуан Мэйфейр.

Эрон Лайтнер прервал свое, как он его называл, повествование на периоде, предшествовавшем рождению нынешнего поколения Мэйфейров. Ибо считал непозволительным вмешиваться в частную жизнь здравствующих представителей рода, несмотря на то что в ордене рассуждали иначе и полагали, что семья имеет право знать собственную историю, если таковая где-нибудь существует в устной или письменной форме.

Да-а-а... Удивительные люди в этой Таламаске! Мона вспомнила о том, что тетушка Беа собирается замуж за одного из них, и в голову ей вдруг пришло странное сравнение: ей представилось, будто большая жирная муха запуталась в липкой паутине.

Ох уж эта Роуан Мэйфейр! И как она только сумела ускользнуть из цепких рук Моны? Но факт остается фактом: Моне ни разу не доводилось и пяти минут побыть с Роуан наедине. Столь трагическое обстоятельство стоило запечатлеть в файле под именем WS\MONA\DEFEAT.^[5]

* * *

Однако Мона все же сделала одно верное наблюдение: Роуан очень боялась той силы, которой обладала. Впрочем, боялась не только она, но и все остальные.

Как ни странно, но Мону эти силы ничуть не пугали. Она чувствовала себя кем-то вроде виртуоза-танцора, приближающегося к вершине своего мастерства. Ее рост составлял пять футов и один дюйм, и, судя по всему, выше она уже не будет, а тело ее созревало буквально на глазах.

Ей нравилось ощущать свою силу и непохожесть на других. Нравилось читать чужие мысли и видеть то, чего не видят другие. То обстоятельство, что человек, который находился при тете Дейдре, оказался призраком, сильно ее взволновало, но не слишком удивило. Как будто она об этом уже знала. Жаль, что ей так и не удалось попасть в дом в те дни!

Но они ушли безвозвратно в прошлое. Что было, то было. И нужно уповать только на то, что имеется в распоряжении в настоящее время. Надо заметить, некоторые обстоятельства просто наводят ужас. После исчезновения Роуан Мэйфейр, которое взбудоражило всю семью, стали всплывать весьма нелицеприятные подробности происшедшего. Но Мона должна выяснить все сама. Ради этого она оказалась в эту ночь перед небезызвестным домом, в

котором никого, кроме Карри, не было.

Она не заметила, как перестала ощущать запах, преследовавший ее у бассейна. Возможно, она к нему привыкла. Тем не менее он никуда не исчезал.

Все складывалось как нельзя лучше.

Мона прошла вдоль задней террасы, проверив одну за другой многочисленные двери, ведущие с улицы в кухню. Хоть бы одну из них забыли запереть! Но не тут-то было. Генри исполнял свои обязанности с особой тщательностью, запирая все замки и засовы, словно это был не дом, а крепость. Ну да ладно, это пустяки. Мона знала, каким образом можно проникнуть внутрь.

Она тайком прокралась к задней части дома, где находилась старая кухня, которая теперь служила ванной, и взглянула вверх, на окно. Вряд ли кому пришло бы в голову его запереть – ведь оно находится достаточно высоко от земли. Оставалось решить, как до него добраться. Тогда Моне пришло в голову воспользоваться одним из больших, но довольно легких мусорных баков, сделанных из пластмассы. Она спустилась вниз по аллее, взяла один из баков за ручку и – о чудо! – без особого труда подтащила его к стене дома. Поставив бак под окном, Мона вскарабкалась на черную крышку, которая затрещала у нее под ногами, и дернула зеленые ставни. Они поддались, хотя и не сразу...

Мона надавила снизу вверх на раму. Сначала та поднялась легко, но на половине дороги застряла. Тем не менее образовавшегося отверстия оказалось вполне достаточно, чтобы пролезть. Мона рисковала лишь испачкать платье о запылившийся подоконник, однако на это можно махнуть рукой. Подтянувшись на руках, она проскользнула внутрь и буквально свалилась на покрывавший пол резиновый ковер.

Наконец-то! Она внутри дома на Первой улице!

Конечно, ее появление сопровождалось немалым шумом, и потому Мона на секунду замерла посреди ванной комнаты и прислушалась. Озираясь по сторонам, она сумела разглядеть блеск старого фарфорового унитаза и мраморный бортик душевой. На память ей вдруг пришел давний сон – последний из тех, в которых являлся дядюшка Джулиен. Он привел ее в этот дом и вместе с ней поднимался по лестницам.

Сейчас Мона уже наверняка позабыла бы подробности этого сна, если бы не записала его содержание в свой компьютерный дневник – в файл WS\DREAMS\JULIEN.^[6] Там же были зафиксированы и все другие сны, связанные с дядюшкой Джулиеном. Теперь она вспомнила этот файл, который перечитывала много раз, однако воссоздать подробности самого сна никак не удавалось.

Дядюшка Джулиен включил виктролу, ту, которую так хотелось заполучить Моне, и начал танцевать. На нем был длинный стеганный атласный халат. Дядюшка говорил, что Майкл для их семьи чересчур хорош. Но даже совершенство ангелов имеет свои пределы.

– Понимаешь, Мона, абсолютное добро передо мной почти всегда было бессильно, – произнес он со своим очаровательным французским акцентом. Во всех снах он разговаривал с ней по-английски, несмотря на то что она прекрасно знала французский. – Но для окружающих людей, за исключением себе подобных, идеальный человек всегда является помехой.

Идеальный человек... В файл MICHAEL она записала: «Великолепен и восхитителен до чрезвычайности. Исключительное совершенство».

И далее сделала комментарий: «Мысли о Майкле Карри: после сердечного приступа он стал привлекательнее прежнего. Теперь он похож не то на огромное чудовище с раненой

лапой, не то на рыцаря со сломанной рукой, а больше всего, пожалуй, – на хромонового лорда Байрона».

Она всегда находила Майкла парнем что надо, так сказать, стоящим того, чтобы за него побороться. И не нуждалась в дополнительных указаниях на этот факт. Правда, слушая дядюшку Джулиена во сне, она лишней раз утверждалась в своей решимости завоевать Майкла. Кроме того, Джулиен рассказывал ей о собственных любовных похождениях. О том, в частности, как на чердаке особняка на Первой улице соблазнил бабушку Эвелин, которая тогда была не старше теперешней Моны. От их незаконного союза появилась на свет бедная Лаура Ли – мать Гиффорд и Алисии. Перед смертью дядюшка Джулиен отдал бабушке Эвелин виетролу.

– Убери ее из этого дома, пока не явились они, – сказал он. – Унеси ее подальше отсюда и сохрани...

– ...Это был безумный план, – продолжал рассказывать он Моне во сне. – Понимаешь, Мона, я никогда не верил в колдовство. Но нужно было что-то предпринять. Мэри-Бет начала сжигать мои книги. Она делала это прямо на улице, точнее, на лужайке, унижая перед всеми мое человеческое достоинство. Виктрола была для меня чем-то вроде маленького колдовства. Маленьким чудом, средоточием всей моей воли.

Пока Джулиен рассказывал о своем «безумном плане», Моне было все ясно и понятно, но когда она на следующий день попыталась восстановить в памяти их разговор, то поняла, что почти все забыла. Ну да ладно. Итак, виетрола. Дядюшка Джулиен хотел, чтобы она оказалась у Моны. Ей всегда было по душе разного рода колдовство.

Любопытно было бы узнать, что же произошло с этой проклятой виетролой.

Джулиен навлек на себя все неприятности (если считать неприятностью то, что он спал с тринадцатилетней Эвелин) в тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда отдал виетролу Эвелин. Когда же та попыталась передать реликвию Моне, между Гиффорд и Алисией разгорелась страшная ссора. Девочке тогда думалось, что наступил самый черный день в ее жизни.

Она никогда не видела такой ожесточенной схватки между сестрами.

– Ты не отдашь ей виетролу! – в запале кричала Гиффорд.

Подбежав к Алисии, она влепила той несколько пощечин. Затем начала выталкивать ее из спальни, в которой находилась виетрола.

– Ты не имеешь никакого права вмешиваться. Она моя дочь, а не твоя. Старуха Эвелин велела отдать эту вещь ей! – в свою очередь орала Алисия.

Несмотря на то что они дрались с ожесточением девчонок-подростков, бабушка Эвелин, которая все это время находилась в гостиной, просила Мону не обращать на них внимания:

– Гиффорд ничего дурного с виетролой не сделает. Рано или поздно она все равно станет твоей. Никто из рода Мэйфейр не способен ее уничтожить. Что же касается жемчуга, то пусть он пока хранится у Гиффорд.

Что-то, а жемчуг интересовал Мону меньше всего.

Своей непродолжительной речью бабушка Эвелин исчерпала запас красноречия на три или четыре недели вперед.

После этого скандала Гиффорд тяжело заболела и провалялась в постели несколько месяцев. Ссора истощила ее жизненные силы, чего, впрочем, и следовало ожидать. Дяде Райену пришлось увезти ее в Дестин, во Флориду, чтобы дать возможность отдохнуть на взморье. Приблизительно то же самое произошло и после похорон Дейдре. Здоровье тети

Гиффорд вновь так сильно расшаталось, что Райен в очередной раз отправил ее в Дестин. В тяжелые минуты жизни она всегда сбегала в свое прибрежное жилище – современный дом, никоим образом не связанный ни с какими таинственными историями. Там на белом песчаном пляже под плеск прозрачных волн ее душа находила покой и умиротворение.

Но самое ужасное для Моны было то, что тетя Гиффорд так и не отдала ей виктролу! Однажды Мона поставила вопрос ребром и потребовала сказать, где находится вожделенный предмет, на что тетушка Гиффорд ответила:

– Я отнесла ее на Первую улицу. Вместе с жемчугом. Не волнуйся, они спрятаны в надежном месте – там же, где хранятся остальные памятные вещи дядюшки Джулиена.

Услышав это, Алисия возмутилась, накричала на Гиффорд, и сестры снова сцепились в драке.

В одном из снов дядюшка Джулиен танцевал под музыку с пластинки, стоявшей на виктроле. «Это вальс из „Травиаты“, дитя мое, – сказал он Моне, – весьма подходящая музыка для куртизанки». Джулиен кружился в танце под щемяще-проникновенное звучание высокого сопрано.

Хотя обычно редко удается воспроизвести приснившуюся мелодию, на этот раз девушка на удивление хорошо ее запомнила и слышала достаточно отчетливо. Как очаровательно она звучала! Позже, когда Мона стала ее напевать, бабушка Эвелин узнала знакомую музыку и сказала, что это вальс Виолетты из знаменитой оперы Верди.

– Я слышала ее на пластинке Джулиена, – сообщила тогда ей бабушка Эвелин.

* * *

– Как же мне заполучить виктролу? – помнится, спросила Мона в своем сновидении.

– Ну хоть бы кто-нибудь в нашей семье решал свои проблемы самостоятельно! – чуть не плача, сетовал дядюшка Джулиен. – Я так устал! Разве ты не видишь? Я становлюсь все слабее и слабее. *Chérie*,^[7] пожалуйста, носи фиолетовую ленту. Я ничего не имею против розовых тонов, но они выглядят вульгарно в рыжих волосах. Носи фиолетовый цвет ради своего дядюшки Джулиена. Ах, как я устал...

– Почему? – спросила она, но дядюшка Джулиен к этому времени уже исчез.

Это был последний раз, когда Мона видела его во сне. Позже она купила несколько фиолетовых лент, однако Алисия, убежденная в том, что этот цвет приносит несчастье, забрала их у дочери. Поэтому у Моны на голове по-прежнему красовался розовый бант в тон ее ситцевому с кружевами платью.

Бедная Дейрдре, кажется, скончалась в мае прошлого года, вскоре после того, как Моне привиделся этот сон. Дом на Первой улице перешел в собственность Роуан и Майкла, и в нем началась великая реставрация. Каждый раз, проходя мимо, Мона заставляла Майкла за работой. То он что-то делал на крыше, то взбирался на лестницу, то перелезал через высокое железное ограждение или шел по парапету с молотком в руке.

– Тор!^[8] – как-то окликнула его она, но он не расслышал, поэтому в ответ лишь улыбнулся и помахал ей рукой. Да, этот парень просто умопомрачителен.

* * *

Она не могла точно сказать, когда именно ей впервые приснился дядюшка Джулиен. Поначалу она, конечно, не догадывалась, что он будет появляться так часто. Возникло ощущение, будто он постоянно присутствовал в окружающем пространстве. Ее не сразу осенила идея записывать даты снов и соотносить их с хронологией событий, происходивших в семействе Мэйфейр. К этому она пришла позже, когда начала заносить информацию обо всем случившемся во сне и наяву в файл WS\MAYFAIR\CHRONO.^[9] С каждым месяцем она открывала для себя все новые возможности компьютерной системы, все больше способов проследить свои мысли, чувства и планы.

* * *

Открыв дверь ванной, Мона вышла в кухню. Через стеклянные двери было видно, как от порыва своенравного ветра всколыхнулась, словно живая, поверхность воды в бассейне. Девочка сделала несколько шагов вперед, при этом на сигнальном датчике загорелся красный огонек. Мона бросила взгляд на расположенную в кухне контрольную панель и обнаружила, что сигнализация отключена. Вот почему она не сработала, когда девушка открыла окно! Выходит, ей просто повезло, тем более если учесть, что Мона начисто забыла об этой чертовщине, а ведь именно сигнализация спасла Майклу жизнь. Дело в том, что он мог бы умереть, не приходя в сознание, в ледяной воде, если бы вовремя не подоспели пожарные. Кстати сказать, они прибыли из того самого отделения, где когда-то работал его отец, уже давно ушедший из жизни.

Майкл... Мону неодолимо тянуло к нему с первой минуты их встречи. Это было нечто вроде рокового влечения. Не последнюю роль в этом деле играла его внушительная комплекция, в частности крепкая, мощная шея. Мона питала особую слабость к этой части мужской фигуры. Она могла пойти в кино только ради того, чтобы увидеть крупным планом шею Тома Беренджера.^[10]

Кроме того, ей нравилось присущее Майклу чувство юмора. Пусть он редко одаривал ее улыбкой, зато не упускал случая разок-другой игриво ей подмигнуть. А какие у него были глаза! Огромные, голубые и поразительно невинные. Однажды тетя Беа, очевидно желая сделать ему комплимент, сказала во всеуслышание:

– Люди такого типа всегда обращают на себя внимание!

Даже Гиффорд не могла не согласиться с таким утверждением.

Обычно мужчины хорошего сложения редко блистают умом. Однако Мэйфейры являлись приятным исключением из этого правила. От природы интеллектуалы, они всегда отличались правильными пропорциями. Если на ком-то из них плохо сидела одежда от братьев Брукс или от «Барберри», значит он не был чистокровным Мэйфейром. От таких можно было ждать чего угодно. И глазом не моргнут, подложат вам яду в чай. А ведут себя точно заводные куклы, вышколенные в Гарвардском университете. Загорелые, аккуратно причесанные, они только и делают, что направо и налево пожимают всем руки.

Даже кузен Пирс, гордость и радость Райена, не избежал этой участи и превратился в глянцевого двойника своего отца. Ему под стать была очаровательная кузина Клэнси, которая являла собой уменьшенную копию тети Гиффорд, хотя в отличие от нее обладала крепким здоровьем. Пирс, Райен и Клэнси, адвокаты корпорации, выглядели так, будто были сделаны из винила. Главной задачей в их жизни было изыскивать всевозможные способы избежания

любого рода внешнего беспокойства.

Юридическая контора «Мэйфейр и Мэйфейр», казалось, кишела виниловыми людьми.

– Не обращай внимания, – сказала однажды мать в ответ на критические замечания Моны. – Они денно и нощно пекутся о деньгах. Благодаря им мы избавлены от необходимости отягощать себя заботами о собственном благосостоянии.

– Не уверена, что подобное распределение ролей мне по душе, – ответила Мона, наблюдая за тем, как мать проносит сигарету мимо рта, после чего пытается нащупать рукой стакан вина на столе.

Мона подтолкнула стакан к ней. Она ненавидела себя за этот жест, но ей было мучительно больно видеть, что мать не в состоянии самостоятельно справиться даже с таким элементарным делом.

Однако Майкл Карри отличался от прочих представителей мужской половины Мэйфейров. Этому уравновешенному, невозмутимому лохматому здоровяку явно недоставало своеобразного лоска, свойственного мужчинам типа Райена, – лоска нестарящего выпускника частной школы. Тем не менее, когда Майкл надевал очки в темной оправе и садился читать Диккенса, от него невозможно было глаз оторвать – до того притягательно он выглядел в чисто физическом плане. Именно таким Мона застала его, когда сегодня в полдень поднялась к нему в комнату. Предстоящее праздничное шествие Майкла несколько не интересовало. Он даже не хотел спускаться вниз. Судя по всему, ему до сих пор не удалось до конца оправиться от удара, нанесенного Роуан. Время для него ничего не значило, вернее, он сознательно от него отмахивался, поскольку следом за размышлениями о сменявших друг друга днях и ночах сразу же приходили мысли о Роуан, точнее, о том, как давно она его покинула.

– Что ты читаешь? – спросила его Мона.

– «Большие надежды», – ответил он. – Тебе знаком этот роман? Я часто беру его в руки. Особенно мне нравится глава о жене Джо, миссис Джо, – о том, как она писала букву Т на доске. Обожаю перечитывать книги. Это все равно что снова и снова слушать любимую песню...

В его теле скрывался восхитительный неандерталец, который ждал подходящего случая, чтобы схватить вас за волосы и утащить в свою пещеру. Неандерталец с мозгом кроманьонца. Он мог быть самой любезностью и блистать хорошими манерами, владеть всеми имеющимися в арсенале современного человека улыбками и соответствовать всем требованиям семьи. Мону восхищала его эрудиция. У него был очень богатый запас слов, хотя он не всегда считал нужным им пользоваться. Что же касается самой Моны, то ее лексический уровень вполне соответствовал старшему курсу колледжа. Однажды в школе кто-то даже недоуменно заметил, что самое большое число слов выходит из самого маленького в мире тела.

Подчас Майкл начинал говорить как новоорлеанский полицейский, а через минуту его речь могла стать не менее благообразной, чем речь директора школы. «Необычное сочетание свойств и качеств», – записала Мона в свой компьютерный дневник. И тотчас вспомнила замечание дядюшки Джулиена: «Этот парень чересчур хорош».

– А что, если я каким-то образом причиню ему зло? – шепотом задала сама себе вопрос Мона, вглядываясь в темноту дома. – Ерунда!

Честно говоря, Мона ни на миг не сомневалась в том, что не несла в себе никакого зла. И вообще, подобные мысли казались ей старомодными. Они были больше свойственны

дядюшке Джулиену, во всяком случае тому Джулиену, который виделся ей во сне. Она совсем недавно узнала, что склонность к подобным раздумьям называется самокопанием. Поэтому это слово она не преминула занести в компьютер в поддиректорию WS\JULIEN\CHARACTER,^[11] в файл под именем DREAM.

Пройдя через кухню, Мона оказалась в узкой кладовой. С террасы струился мягкий белый свет, его отблески лежали пятнами на полу. Она сделала еще несколько шагов и очутилась в огромной столовой. Майкл считал, что полы из твердых пород дерева были настелены здесь в тридцатых годах двадцатого века, но, если верить дядюшке Джулиену, это сделали еще в последнем десятилетии века девятнадцатого. Такой пол получил название деревянного ковра, правда с течением времени он слегка покоробился. От дядюшки Джулиена Мона узнала о доме много интересного, хотя, откровенно говоря, она не имела понятия, для чего могут ей пригодиться все эти сведения.

Удивительно, но она сумела разглядеть в полутьме настенную роспись – изображение Ривербенда, плантации, на которой родился Джулиен: причудливый мир сахарных заводов, повозок с невольниками, конюшен и фургонов, движущихся по старой дороге вдоль реки. Даже подумать страшно, и как это она сумела увидеть все это во мраке ночи, словно обладала зрением кошки. И вообще, темнота была очень по душе Моне. Именно во тьме она всегда чувствовала себя уютно, как дома. Никто и не догадывался о том, насколько приятно ей было бродить во мгле в полном одиночестве. У нее даже возникало желание петь.

Она обошла вокруг длинного стола, до блеска отдраенного и вымытого, хотя всего несколько часов назад он ломился от всевозможных яств, выставленных по случаю празднования Марди-Гра. Среди них был и замороженный «Королевский торт», и наполненная шампанским огромная серебряная чаша, которая некогда использовалась для пунша. Собираясь в особняке на Первой улице, Мэйфейры практически каждый раз обжирались до колик в желудке.

И все-таки счастье, что Майкл не уехал из этого дома, после того как при весьма странных обстоятельствах его покинула Роуан. Интересно, известно ли ему, где она находится?

– Она разбила его сердце! – со слезами на глазах как-то сказала тетя Беа.

Но вот на арену действий выходит девушка, совсем еще ребенок, обладательница чудодейственного клея, способного скреплять разбитые сердца. Остановись, мир, и дай дорогу малышке Моне.

Через высокие двери она вошла в переднюю и остановилась, прислонившись к дверному косяку, – точь-в-точь как дядюшка Джулиен. На старых портретах его почти всегда изображали в проеме какой-нибудь из дверей дома. Всем своим существом она пыталась впитать в себя тишину и величие старинного особняка, вдохнуть аромат дерева, которым тот был отделан изнутри.

И вновь Мона ощутила прежний запах, едва не пробудивший в ней чувство голода. Что же он ей напоминает? Откуда бы ни исходил этот аромат, в приятности ему не откажешь. Казалось, он являл собой композицию доброй сотни ароматов – нечто среднее между сливочной помадкой, карамелью, шоколадом... А вернее, нечто похожее на них и в то же время ни на что из них не похожее... Он вызывал такое же неповторимое ощущение, как то, которое обычно испытываешь, впервые пробуя на вкус шоколадную конфету с вишневым ликером. Или шоколадное пасхальное яйцо от «Кэдбери».

Нет, пожалуй, ни одно из этих сравнений не соответствует истине. Мона попыталась

найти другие, более подходящие, никак не связанные со съестным. Как насчет запаха горячей смолы? Когда-то она считала этот запах весьма соблазнительным, но в какой-то момент вдруг ощутила в нем легкий оттенок бензина, который испортил все дело. Пожалуй, в данном случае сравнение с ним более всего уместно.

Она прошла по прихожей, мимолетно бросив взгляд на мерцающие лампочки сигнализационного устройства. Кстати сказать, оказалось, что и здесь сигнализация отключена: устройство находилось в режиме ожидания. У подножия лестницы запах усилился.

Мона знала, что, после того как смыли кровь и убрали из комнаты китайский ковер, дядя Райен еще раз тщательно обследовал все помещения и закоулки дома. При этом он использовал вещество, которое вызывало свечение оставшейся крови в темноте. Теперь везде царил идеальный порядок и чистота. Райен лично позаботился о том, чтобы все уборочные работы были завершены до возвращения Майкла из больницы, и был готов поклясться, что никакого странного запаха в доме больше нет и быть не может.

Мона глубоко вдохнула, пытаясь полнее ощутить неизвестный аромат. Да, пожалуй... Да. Он будил в душе страстное желание. Нечто подобное она испытала во время одной из своих сумасбродных выходов, когда однажды с карманами, полными денег, дерзнула в одиночестве отправиться на автобусе в центр города. Это было одно из самых запоминающихся приключений в ее жизни. За окном уже мелькали большие дома, и вдруг до нее донесся аппетитный запах жаренного на углях мяса. Она тут же вышла, решив во что бы то ни стало разыскать его источник. Им оказался небольшой ресторанчик, уютившийся в полуразрушенном здании на Эспланейд-авеню во Французском квартале. Однако вкус барбекю обманул ее ожидания.

Ладно, хватит говорить о еде, тем более что, как было уже замечено ранее, к пище данный запах не имел никакого отношения.

Она заглянула в комнату и в очередной раз поразилась переменам, произведенным Майклом в особняке после исчезновения Роуан. Китайский ковер, разумеется, убрали, потому что он был весь залит кровью. Но что заставило его переделать старую систему смежных гостиных? Мэйфейры дружно сочли это кощунством.

Тем не менее он их реконструировал, и теперь они представляли собой одно большое помещение с необъятным мягким диваном, стоявшим под арочным сводом, и множеством французских стульев, некогда принадлежавших лично дядюшке Джулиену, о чем Майкл не уставал напоминать. Правда, теперь они были обиты парчой с золотистым узором или дорогой полосатой тканью, что придавало им чертовски богатый вид. В комнате также стоял стол, через стеклянную столешницу которого просвечивал старинный ковер. Ковер был длиной не меньше двадцати пяти футов и покрывал пол целиком – от камина до камина. Выглядел он ужасно старым – наверное, лет ему было не меньше, чем той рухляди, что хранилась на чердаке. Да и этот ковер Майкл, скорее всего, достал оттуда же, вместе с позолоченными стульями.

Ходили слухи, что, вернувшись из больницы, он отдал одно-единственное распоряжение: перестроить смежные гостиные, изменив их вид до неузнаваемости, и разместить там мебель Джулиена.

Что ж, вполне разумно. Уничтожая комнаты, в которых они с Роуан провели счастливейшие минуты жизни, он таким образом стирал едва ли не последние следы ее присутствия. Обивка некоторых кресел была изрядно потерта, деревянные детали местами

крошились. Ковер на полу, сделанном из добротной сосны, истончился и залоснился до блеска.

А что, если мебель тоже была запачкана кровью? Моне никто никогда не рассказывал подробностей происшедшего, если, конечно, не считать дядюшки Джулиена. Но затуманенное сном сознание не позволяло собраться с мыслями и задать ему самые главные вопросы. А дядюшка Джулиен о чем-то рассказывал и рассказывал или беспрестанно танцевал.

Однако виктролы в гостиной не было. Вот было бы здорово, если бы ее спустили сюда вместе с прочими вещами Джулиена! Но, увы, этого не произошло. Более того, Мона ни от кого не слышала о том, что виктролу кто-то нашел.

Каждый раз, приходя в этот дом, Мона обследовала первый этаж. Майкл слушал музыку в библиотеке, где стоял магнитофон. Огромный рояль фирмы «Бёзендорф» в зале гостиной скучал в своем углу напротив камина и воспринимался скорее как предмет мебели, чем как инструмент, способный издавать звуки.

Гостиная и сейчас производила прекрасное впечатление. А как приятно было в прежние времена удобно устроиться здесь на большом диване, с которого отлично просматривались и все зеркала, и симметрично расположенные по боковым стенкам мраморные каминные, и две двери в противоположной выходу на старую террасу Дейдре стене. Да, думала Мона, великолепная комната. А сколько в ней преимуществ! Часто, танцуя на голом полу зала на Амелия-стрит, она мечтала о зеркалах и о том, что однажды возьмет кредит у «Мэйфейр и Мэйфейр» и сделает на нем себе целое состояние.

«Дайте мне всего один год, – размышляла про себя она, – и я взорву рынок. Если удастся найти азартного игрока в этой скучнейшей юридической конторе, то...» Дом на Амелия-стрит уже давно нуждался в ремонте, но до этого никому не было дела. Бабушка Эвелин всегда отсылала прочь плотников и рабочих, ибо свое спокойствие ставила превыше всего. Да и какой смысл приводить в порядок дом, хозяева которого, Патрик и Алисия, не просыхают от пьянства, тем более что саму Эвелин вполне устраивал сложившийся быт.

У Моны был свой уголок – большая спальня на втором этаже. Здесь находился ее компьютер со всем содержимым, а также книги. Она знала, что ее день еще придет. А пока у нее было достаточно времени, чтобы в свободное от учебы время изучать денежные фонды, ценные бумаги, способы управления материальными средствами и тому подобное.

Она мечтала стать во главе собственного фонда «Мона-1». Для этого она собиралась попросить Мэйфейров вложить начальный капитал, с тем чтобы потом прибрать к рукам все инвестируемые ими компании под предлогом борьбы за охрану окружающей среды.

Читая «Уолл-стрит джорнал» и «Нью-Йорк таймс», Мона была в курсе всего, что происходило на рынке. Компании, делающие ставку на природоохранные технологии, зарабатывали неплохие деньги. Кто-то изобрел микроорганизмы, поглощающие разлитую нефть, которые могли очистить изнутри даже кухонную плиту. Но их время еще не наступило. Фонд «Мона-1» увековечит ее имя. Он станет таким же легендарным, как «Фиделити Магеллан» или «Николай II». Мона была бы не прочь заняться бизнесом хоть сейчас, найдись кто-нибудь, готовый в нее поверить. Если бы царство взрослых на секундочку приоткрыло дверь и позволило ей войти!

Да, ее планы изумили и даже потешили дядю Райена. Казалось, он был заинтересован и заинтригован, а возможно, даже несколько смущен, однако не изъявил ни малейшего желания помочь в претворении этих планов в жизнь.

– Тебе нужно еще учиться, – заявил он. – Хотя, не скрою, я глубоко поражен твоим знанием рынка. Откуда такая осведомленность?

– Ты что, издеваешься надо мной? Оттуда же, откуда и у тебя, – ответила Мона. – Из «Джорнал» и «Бэррон».^[12] Кроме того, я получаю последние статистические данные в режиме онлайн в любое время дня и ночи. – Она имела в виду модем и множество информационных служб, с которыми имела возможность связываться. – Хочешь узнать, какой курс акций на рынке? Не звони в офис, звони мне.

Помнится, услышав это, Пирс смеялся до упаду: «Просто позвоните Моне!»

Однако дядя Райен был в самом деле поражен. Сыграла ли свою роль усталость после праздника Марди-Гра или нет, но перед уходом он весьма неосмотрительно заметил:

– Я искренне рад, что ты этим интересуешься.

– Интересуюсь! – фыркнула Мона. – Да я жду не дожусь, чтобы поскорее приступить к делу! Но почему, дядя Райен, ты становишься таким занудой, когда речь заходит о быстром росте капитала? А что ты думаешь насчет Японии? Разве тебе не известно, что, уравновесив рынок ценных бумаг США внешними инвестициями, можно получить мировую...

– Хватит, – оборвал он ее. – Скажи, кто будет инвестировать фонд «Мона-1»?

Ответ Моны не заставил себя ждать:

– Все!

Самым приятным и утешительным в этом разговоре было то, что дядя Райен, от души рассмеявшись, пообещал подарить ей на пятидесятилетие черный «порше-карьер». Заручившись этим обещанием, она ни на секунду не позволяла дяде о нем забыть. Мона никак не могла понять, почему при тех деньгах, которые водились у Мэйфейров, нельзя купить фальшивые водительские права, чтобы она уже сейчас могла давить на педали. О машинах она знала все. «Порше» был ее машиной, и всякий раз, заметив его на какой-нибудь парковке, Мона начинала рыскать вокруг, ожидая появления владельца. Три раза ей посчастливилось покататься на машине своей мечты с совершенно незнакомыми людьми. Естественно, для ее родных такие поездки оставались тайной. В противном случае их бы хватил удар.

Как будто ведьма не в состоянии себя защитить.

– Да-да, я своего обещания не забыл, – сказал дядя Райен накануне вечером. – Будет тебе черный «порше». А ты сама помнишь, что обещала не ездить свыше пятидесяти пяти миль в час?

– Да ты, верно, опять надо мной издеваешься! – возмутилась она. – С какой радости я стану делать на «порше» более пятидесяти миль?

Пирс чуть не поперхнулся джином с тоником.

– Не вздумай покупать ребенку гроб на колесах! – заявила тетушка Беа. Вечно она во все вмешивается. Да еще наверняка, как всегда, позвонит тете Гиффорд и заручится ее поддержкой.

– Какому ребенку? Что-то я не вижу здесь никаких детей, – хмыкнул Пирс.

Мона продолжила бы обсуждение совместных капиталовложений, если бы не Марди-Гра. От праздничного шествия и банкета все устали, к тому же дядю Райена втянул в политическую дискуссию дядя Рэндалл, а значит, как собеседники они были потеряны для остальных на весь оставшийся вечер. Дядя Рэндалл вообще повернулся к Моне спиной. Он старался не смотреть ей в глаза и всячески избегал встреч с нею, после того как она затащила его в постель. Но Моне было на это наплевать. Для нее это было нечто вроде

эксперимента: сравнить восьмидесятилетнего старика с молодыми парнями.

Теперь же она всеми силами стремилась заполучить Майкла, а потому дядя Рэндалл волновал ее меньше всего. Если он и был ей прежде интересен, то только по причине преклонного возраста: она искренне забавлялась, глядя, как старые мужчины таращатся на молоденьких девочек. Тем более что в противоположность Майклу дядя Рэндалл не отличался добротой. А это качество Мона очень ценила. Она обнаружила в себе эту склонность много лет назад и зачастую даже делила всех людей на добрых и недобрых.

Итак, к вопросу о капитале она еще вернется завтра.

Завтра или в один из ближайших дней она заведет папку под названием «Мона-1», где будут храниться основные сведения о биржевых операциях последних пяти лет. Для такого человека, как Мона, сделать это не составит труда. Она уже видела, как начнет разрастаться ее фонд. Со временем он станет таким большим, что от него сначала отпочкуется совместный фонд «Мона-2», а потом настанет очередь создания и «Моны-3». Она будет путешествовать по всему миру в личном самолете и встречаться с генеральными директорами инвестируемых ею компаний.

Она будет следить за работой заводов в Китае, офисов в Гонконге и научных разработок в Париже. Мона воображала, что в такие поездки она будет отправляться непременно в ковбойской шляпе, хотя пока таковой у нее не было. Вместо шляпы голову Моны украшал бант. Тем не менее девушка не представляла себя иначе и знала, что настанет день и она в ковбойской шляпе спустится по трапу самолета.

Может быть, уже было пора показать дяде Райену распечатку курса ценных бумаг, за которым она следила весь прошлый год. Вложи Мона в них свои деньги, она давно уже сделала бы себе состояние. Да, пожалуй, стоит открыть этот файл и вывести его на печать.

Однако нельзя было терять ни минуты. Мона явилась в дом на Первой улице, чтобы добиться своей главной на сегодняшний день цели. Во-первых, завладеть лакомым куском под названием Майкл. Во-вторых, отыскать таинственную виктролу.

Во мраке тускло блестели позолоченные детали стульев и кресел. На узорчатой обивке дивана выделялись беспорядочно разбросанные гобеленовые подушки. На всем лежал налет безмятежности, словно окружающий мир улетучился как дым. На рояле виднелся слой пыли. Бедная старушка Эухения была уже слишком слаба, чтобы следить за чистотой. А Генри, верно, чересчур хорош, чтобы снизойти до таких мелочей, как подметание полов и уборка пыли. Майкл еще не оправился от потрясения, поэтому не обращал внимания на то, как слуги выполняют свои обязанности.

Выйдя из гостиной, Мона подошла к подножию лестницы. Как и следовало ожидать, наверху царил тьма, и ступени словно растворялись в небесном мраке. Мона коснулась ладонью столбика перил и начала подниматься. Наконец очутившись в вожделенном месте под покровом ночи, она ощутила себя чрезвычайно свободной и даже пропела тоненьким, чуть слышным голоском:

– Дядюшка Джулиен, я здесь.

Поднявшись наверх, она убедилась, что комната тети Вив пуста.

– Бедный Майкл! Теперь ты в моей власти, – тихо проговорила она, а обернувшись, с удивлением обнаружила, что дверь в спальню хозяина открыта. Оттуда в коридор сочился тусклый свет маленького ночника.

«Выходит, ты тут совсем один, мой большой мальчик, – подумала она. – И даже не боишься находиться в комнате, в которой умерла Дейрдре. А помнишь, что говорила бабушка

Мэри-Бет? И все те, кто видел вьющихся возле нее призраков, когда она лежала на этой самой постели. И одному богу известно, что творилось в этой комнате прежде».

Решение Майкла переехать в эту проклятую комнату тетя Гиффорд сочла прискорбным, достойным искреннего сожаления. Но Мона могла его понять. После того как Роуан покинула мужа, ему не хотелось оставаться в супружеской спальне. Кроме того, бывшая северная спальня хозяев была самой красивой и уютной во всем доме. Майкл отреставрировал собственными руками и гипсовый потолок, и медальон. И даже отполировал огромную кровать под балдахин.

О да, Мона прекрасно понимала Майкла. Подобно ей, он тоже любил темноту, но только по-своему. Иначе зачем ему было жениться на женщине из их рода? Тьма для него обладала некой притягательной силой. Так же как и Мона, он хорошо чувствовал себя и в полумраке, и в непроглядной мгле. Она сразу об этом догадалась, увидев его прогуливающимся по ночному саду. Любопытно, нравилось ли ему раннее утро? Если да, то наверняка только самое начало, когда еще едва брезжит рассвет и очертания предметов неясны и зыбки.

«...Чересчур хорош», – снова вспомнились ей слова дядюшки Джулиена. Но это еще нужно проверить.

Неслышно приблизившись к дверному косяку, Мона увидела горевший ночник, шнур от которого тянулся к розетке на противоположной стене. Сквозь кружевные занавески в комнату проникал мягкий свет уличных фонарей. На кровати, повернувшись на бок, лежал Майкл – в безукоризненной белизны пижаме, столь тщательно выглаженной, что виднелась даже стрелка на рукаве. На маленькой подушечке покоилась ладонью вверх его рука. Мона слышала его глубокое, тяжелое, хрипловатое дыхание.

Но Майкл не чувствовал ее присутствия. Он крепко спал и бормотал во сне что-то непонятное.

Мона тихо проскользнула в комнату.

Его дневник лежал на столике возле кровати.

Мона узнала его по обложке. Она видела, как Майкл записывал в него что-то сегодня вечером. Мона сознавала, что читать чужие дневники недопустимо, но ей так хотелось хотя бы мельком увидеть несколько слов.

А что, если только заглянуть в него – всего лишь одним глазком?

«Роуан, вернись ко мне. Я жду».

Тихо вздохнув, Мона закрыла дневник.

Сколько пузырьков с таблетками! Да уж, врачи просто закармливали его лекарствами. Большинство названий были Моне знакомы: такие же препараты довольно часто принимали старшие Мэйфейры – либо для нормализации давления, либо в качестве мочегонного. Правда, многие из этих снадобий давали побочный эффект: выводили из организма кальций, как, например, это случилось с Алисией, когда она однажды решила вдруг привести себя в порядок и начала их употреблять, чтобы похудеть. Некоторые наименования лекарств, однако, Мона встречала впервые. Очевидно, именно из-за них он все время ходил полусонный.

Она бы сделала ему большое одолжение, если бы выбросила всю эту коллекцию в мусорное ведро. Единственное, что ему было нужно, так это напиток Мэйфейрских ведьм. Мона решила, что, как только вернется домой, обязательно залезет в большой фармацевтический справочник, который был у них в библиотеке, и прочтет об этих лекарствах. Взять хотя бы ксанакс. Эта дрянь может кого угодно превратить в зомби, тем

более если принимать ее по четыре раза в день. Помнится, Алисии врачи запретили принимать этот препарат, потому что она поглощала его горстями, запивая вином и пивом.

Да, пожалуй, эту комнату и в самом деле можно назвать несчастливой. Хотя декоративная отделка окон и люстра отличались красотой и изысканностью, тем не менее следует признать, что комната в целом производит весьма унылое впечатление и не способствует созданию радостного настроения. К тому же и здесь ощущается тот странный запах.

Преследовавший Мону запах был очень слабым, но тем не менее, несомненно, присутствовал – изысканный аромат, чуждый духу этого дома и имевший некое отношение к Рождеству.

Мона подошла ближе к очень высокой старинной кровати и взглянула на дядю Майкла. Его голова утонула в белоснежной подушке, но темные ресницы и брови были на удивление отчетливо видны. Этот яркий представитель сильной половины человечества являл собой воплощение воистину совершенной мужской красоты. Чуть больше тестостерона – и он скорее походил бы на обезьяну с мохнатой грудью и кустистыми бровями. Но этой капли как раз не хватало, а потому вышло как раз то, что надо.

– «Да будет славен прекрасный новый мир, – прошептала она, – в котором есть такие люди!»^[13]

Майкл находился под действием лекарств, и будить его бесполезно – в этом Мона не сомневалась.

До Рождества он почти постоянно носил перчатки, объясняя это чрезмерной чувствительностью своих рук. Сколько раз Мона пыталась поговорить с ним об этом! Но сегодня он несколько раз повторил, что больше в перчатках не нуждается. Еще бы! Если каждые четыре часа принимать по два миллиграмма ксанакса вместе со всей прочей дрянью, можно вообще лишиться всяких ощущений.

Именно избыток всяческих снадобий довел Дейрдре до полного отупения и лишил ее жизненных сил. Кто знает, какие возможности были при этом утеряны! Но больше подобного никогда не произойдет.

А это что еще за симпатичная склянка? Элавил? Очередное успокоительное? Ничего себе! Да еще в какой лошадиной дозе! Удивительно, что Майкл вообще сумел спуститься вниз, не говоря уже о том, что во время шествия нашел в себе силы нести Мону на плечах. Бедняга, да и только. Такое обращение с ним иначе как садистским не назовешь.

Мона легонько дотронулась до щеки Майкла. Как она гладко выбрита... Он не проснулся, а лишь протяжно вздохнул, а может быть, зевнул – такие звуки способен издавать только мужчина.

Она не сомневалась в том, что в конце концов сможет его разбудить. Действительно, он же не в коме. Но тут ее точно громом поразило: ведь этим вечером она уже успела переспать с Дэвидом. Какая досада! Все прошло нормально, и секс был вполне безопасным, но все-таки после этого действия Моне было немного не по себе. Словом, прежде чем будить Майкла, нужно обязательно принять теплую ванну.

Как же она не подумала об этом раньше?! Ведь ее платье до сих пор испачкано землей. Быть тринадцатилетней – просто беда. Невозможно постоянно сохранять опрятный вид. То забудешь сделать одно, то другое. И так всегда. Что ни говори, но даже Алисия сумела это заметить:

– То ты маленький компьютерный гений, то начинаешь вопить, что не можешь найти

свою куклу. А ведь я говорила, что все твои куклы в кабинете. Да и кому они нужны, твои чертовы куклы?! Господи, как я рада, что мои тринадцать остались в далеком прошлом! Ты же знаешь, что мне было именно столько, когда я тебя родила.

Нашла кому рассказывать! Да, Моне было всего лишь три года, а матери шестнадцать, когда та потеряла ее в «Мэйсон Бланш»^[14] и не могла найти целых два часа!

– Подумаешь, я просто забыла о ней, – оправдывалась тогда Алисия. – Мне казалось, что я вовсе не брала ее с собой в город.

Только в шестнадцать лет может прийти в голову, что это достаточное оправдание. Хотя для Моны тогда все сложилось не так уж и плохо. По крайней мере, она всласть накаталась на эскалаторах.

– Обними меня, – тихо произнесла Мона, глядя на спящего Майкла. – У меня было такое ужасное детство!

Но он спал, словно заколдованный волшебной палочкой какой-то феи.

Возможно, Мона избрала не слишком подходящую ночь, чтобы заманить Майкла в постель. Да, начинать штурм нужно, хорошо подготовившись, – все должно быть безукоризненным. А между тем Мону уже терзали сомнения. И не только из-за Дэвида, но и из-за юбки, испачканной кладбищенской землей, и из-за того, что к волосам прилипли жухлые листья. Ни дать ни взять Офелия, разве что еще не столь сексуальна.

Возможно, эта ночь больше подходила для тщательного обследования мансарды. А вдруг удастся отыскать виктролу и завести ее? Не исключено, что вместе с патефоном хранятся и старые пластинки – даже та, которую обычно заводила бабушка Эвелин. А что, если в эту темную ночь ей доведется повстречать самого дядюшку Джулиена? Что, если сейчас вовсе не время заниматься Майклом?

Но как великолепен, как хорош был ее рабочий интеллигент Эндимион!^[15] Нос с небольшой горбинкой, неглубокие бороздки на лбу. Вылитый Спенсер Трейси,^[16] мужчина ее мечты. А как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе, что применительно к ее ситуации означает примерно следующее: лучше иметь мужчину наяву, чем двух призраков во сне.

Кстати, о руках... Они у него были большие и мягкие – чисто мужские. Ему никто никогда не скажет: «У вас пальцы скрипача». Прежде Мона находила сексуальными мужчин с изящными руками и чертами лица. Таких, как, например, кузен Дэвид – с гладким, без щетины, лицом и одухотворенным взглядом. Однако вкусы меняются, и с некоторых пор ее в большей мере привлекал так называемый мужественный тип – сильные, мускулистые, грубоватые самцы.

Она коснулась пальцами сначала подбородка Майкла, потом шеи и кончика уха, провела рукой по вьющимся темным волосам. Что в мире могло быть мягче и прекраснее этих легких завитков! У ее матери и у тети Гиффорд были такие же чудесные черные волосы. Рыжая копна Моны никогда не будет столь мягкой. Потом девушка ощутила легкое, но теплое и приятное благоухание его кожи. Не удержавшись, она наклонилась и поцеловала его в щеку.

Внезапно Майкл открыл глаза, но взгляд их казался невидящим. Мона присела рядом с ним на кровать, хотя понимала, что подобное вторжение в его жизнь – поступок, мягко говоря, неблагоприятный. Тем не менее она ничего не могла с собой поделать. Он повернулся. Разве не этого она добивалась?.. Внезапно ее охватило непреодолимое желание, напроць, однако, лишненное эротики. Это было чисто романтическое чувство. Ей хотелось, чтобы он ее обнял, поднял на руки, поцеловал... – в общем, сделал нечто в этом роде. Она хотела ощутить

на себе его руки, оказаться в объятиях не мальчика, но мужа. Все-таки здорово, что он давно уже вышел из юношеского возраста. Сейчас перед ней лежал дикий зверь, могучий, неотесанный, грубый, с бледными губами и непокорными мохнатыми бровями.

Она поняла, что он проснулся и смотрит на нее. В тусклом свете уличных фонарей его лицо выглядело бледным, но виделось вполне отчетливо.

– Мона!.. – прошептал он.

– Да, дядя Майкл. В этой суматохе все про меня позабыли. Можно мне провести у вас ночь?

– Но, милая моя, нужно позвонить твоим папе с мамой.

Он начал подниматься, и его очаровательно взлохмаченные волосы упали ему на глаза. Не было никаких сомнений, что он все еще находится под действием лекарств.

– Нет, дядя Майкл! – сказала она быстро, но мягко, положив руку ему на грудь. Потрясающее впечатление! – Мои папа и мама давно уже спят. Они думают, что я в Метэри, с дядей Райеном. А дядя Райен полагает, что я дома. Не надо никому звонить. Вы только взбудоражите всех, и мне придется брать такси, чтобы ехать домой в одиночестве. А я этого совсем не хочу. Я хочу провести ночь здесь.

– Но они поймут...

– Мои родители? Уверяю вас, они ничего не поймут. Дядя Майкл, вы видели моего отца сегодня вечером?

– Да-а, дорога-а-я, видел. – Он попытался подавить зевок, но безуспешно и от этого почувствовал себя неловко и внезапно напустил на себя участливый вид. Очевидно, он счел неприличным зевать при обсуждении ее отца-алкоголика.

– Он долго не протянет, – мрачным тоном произнесла она. Больше ей не хотелось говорить об отце. – Я не могу оставаться на Амелия-стрит, когда они с матерью напиваются. Там нет никого рядом, кроме бабушки Эвелин. Из-за них она уже давно потеряла сон, потому что все время должна следить за ними.

– Бабушка Эвелин, – пробормотал в раздумье Майкл. – Как приятно звучит. А я ее знаю? Бабушку Эвелин?

– Нет. Она никогда не выходит из дому. Однажды она попросила, чтобы к ней привели тебя, но ее никто не послушал. На самом деле она доводится мне прабабушкой.

– Как же, помню, помню... Мэйфейры с Амелия-стрит, – произнес он. – Ваш дом такой большой, розового цвета. – Он опять оказался не в силах подавить зевету и к тому же с трудом удерживал вертикальное положение. – Мне его показала Беа. Очень милый. Итальянский стиль.^[17] Помнится, Беа говорила, что в нем выросла Гиффорд.

– Верно. Это так называемый новоорлеанский консольный стиль, – уточнила она. – Дом был построен в тысяча восемьсот восемьдесят втором году. Позднее его несколько модернизировал архитектор Салли. Теперь он весь забит всяким хламом с плантации Фонтевро.

Кажется, ее слова пробудили в Майкле любопытство. Но она пришла не за тем, чтобы говорить с ним об истории и архитектуре. Ее интерес был совсем иного рода.

– Ну, так вы позволите мне провести ночь у вас? – вновь осведомилась она. – Мне очень-очень нужно остаться сегодня здесь, дядя Майкл. Понимаете, другой такой возможности может не представиться. Поэтому мне просто необходимо сегодня быть здесь.

Он сел и откинулся на подушку, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми.

Неожиданно она взяла его за руку. Судя по всему, он не осознавал, что означает этот

внезапный жест. А она всего лишь собиралась прощупать у него пульс, как это обычно делают врачи. Его рука оказалась тяжелой и немного холодной, пожалуй даже чересчур. Однако сердце билось достаточно ровно. Значит, все в порядке. Значит, он не так уж болен, по крайней мере не настолько, насколько ее отец, которому жить оставалось от силы месяцев шесть. Но у отца слабым местом было не сердце, а печень.

Стоило Моне закрыть глаза, и перед ее внутренним взором возникало сердце Майкла – она отчетливо видела его во всех деталях. Картина, появлявшаяся в ее воображении, походила на произведение современной живописи: хитросплетение небрежных дерзких мазков, сгустков красок, линий и выпуклых форм! Итак, со здоровьем все было в полном порядке. Стало быть, уложи она его сегодня в постель, он сможет это пережить.

– Знаете, в чем сейчас ваша проблема? – вдруг спросила она. – В этих пузырьках с лекарствами. Выбросьте их в мусорную корзину. От такого количества лекарств даже здоровый сделается больным.

– Ты в самом деле так думаешь?

– Имейте в виду. Вам это говорит сама Мона Мэйфейр, которая принадлежит к числу наиболее одаренных представителей семейства Мэйфейр и которой открыто то, чего другим знать не дано. Дядюшка Джулиен доводился мне трижды прапрадедушкой. Понимаете, что это означает?

– В тебе сходятся три линии родословной, берущие начало от Джулиена?

– Именно. Кроме того, существуют еще жутко запутанные другие линии. Без компьютера их даже невозможно представить и проследить. Но у меня есть компьютер, и я выяснила всю картину в целом. Оказалось, что во мне гораздо больше мэйфейровской крови, чем в ком-либо из других членов семьи. А получилось это потому, что мои родители приходятся друг другу кузенами. Таким близким родственникам в принципе нельзя жениться. Но мать забеременела, так что им пришлось это сделать поневоле. Откровенно говоря, у нас в роду внутрисемейные браки далеко не редкость, так что...

Она остановилась, решив, что слишком разговорилась. Мужчину в его возрасте подобной болтовней не возьмешь. Она лишь утомит его, тем более что он и так с трудом борется со сном. Поэтому нужно действовать более искусно.

– У тебя все хорошо, парень, – сказала она. – Поэтому выбрось эти лекарства.

Он улыбнулся:

– Хочешь сказать, что моей жизни ничто не грозит? И я опять буду лазить по лестницам и забивать гвозди?

– Ты будешь махать молотком, как Тор. Только откажись от всех успокоительных. Не знаю, зачем тебя ими пичкают. Очевидно, чтобы ты не извелся от беспокойства из-за тети Роуан.

Он тихо рассмеялся, пылко схватив ее за руку. Но в этот миг в выражении его лица, в глазах промелькнула мрачная тень, и даже в интонации голоса Мона уловила печальные нотки.

– Неужели ты веришь в меня, Мона?

– Еще как верю. И не только верю, но еще и люблю тебя.

– О нет! – усмехнулся он.

Он попытался отдернуть руку, но Мона лишь крепче ее сжала. Нет, сердце его функционировало вполне нормально. А все неприятности происходили исключительно из-за лекарств.

– Я люблю тебя, дядя Майкл. Но тебе не нужно из-за меня беспокоиться. Просто будь достоин этой любви.

– Вот именно это меня и беспокоит. Достоин ли я любви очаровательной девочки из школы Святого Сердца?

– Дядя Майкл, ну пожа-а-алуйста! – пропела Мона. – Мои эротические приключения начались в восемь лет. Но я не потеряла невинности. Я просто вырвала с корнем все ее следы. Я уже совсем взрослая женщина, хотя и притворяюсь маленькой девочкой, притулившейся на краю твоей кровати. Когда тебе тринадцать лет и все твои родственники знают об этом, невозможно доказать, что ты уже взрослая. Поэтому приходится строить из себя ребенка – исключительно из политических соображений. Этого требуют обстоятельства. Но, уверяю тебя, я совсем не такая, какой кажусь со стороны.

Он рассмеялся, и в его смехе прозвучало понимание и в то же время отчетливо слышалась ирония.

– А что, если Роуан, моя жена, вернется домой и застанет нас вместе? Что, если она услышит, как ты рассуждаешь со мной о политике и сексе?

– Роуан, твоя жена, не вернется домой, – как-то само собой вырвалось у Моны, и она тут же пожалела об этом. Ей не хотелось говорить ему ничего неприятного, ничего такого, что могло бы его расстроить. Судя по выражению лица Майкла, она поняла, что ее слова глубоко задели и больно ранили его душу. – Я хотела сказать... Она...

– Она?.. Что ты имеешь в виду, Мона? Скажи. – Он вдруг стал невероятно спокоен и серьезен. – Что ты знаешь? Поведай мне, что таит твое маленькое мэйфейрское сердце? Где моя жена? Ну же, примени ради меня свое колдовство.

Мона вздохнула. Она старалась, чтобы ее голос звучал так же тихо и спокойно, как и его.

– Этого никто не знает. Все насмерть перепуганы, но пребывают в полнейшем неведении. Я могу сказать только то, что чувствую. А я чувствую, что она жива, но боюсь, что к прошлому возврата нет. – Она посмотрела на него. – Понимаешь, что я имею в виду?

– У тебя нехорошие предчувствия? Думаешь, она не вернется? Ты это хочешь сказать?

– Ну да, вроде того. Я не знаю, что у вас случилось на Рождество. И не хочу расспрашивать тебя об этом. Но кое-что могу тебе поведать. Я держу руку у тебя на пульсе, верно? Мы говорим с тобой о том ужасном происшествии. Однако оно не вызывает у тебя никакого беспокойства. Твой пульс никак на него не реагирует. Стало быть, не так уж ты болен. Тебя одурманили. И как всегда, твои доктора перестарались. В их действиях нет никакой логики. И все, что тебе сейчас нужно, – это хорошее противоядие.

Майкл вздохнул, всем своим видом давая понять, что она победила.

Мона наклонилась и запечатлела у него на губах поцелуй. Казалось, на миг их губы срослись, так что она даже слегка испугалась. Вздрогнул и Майкл. Однако за этим ничего не последовало. Лекарства сделали свое черное дело – так сказать, завернули поцелуй в одеяло.

Какое большое значение имеет возраст! Одно дело целоваться с мальчишкой, который это делает второй раз в жизни, а совсем другое – с опытным взрослым мужчиной. Механизм отлажен. Вся загвоздка в том, чтобы его раскрутить, а для этого нужен мощный толчок.

– Спокойно, дорогая, спокойно, – ласково произнес Майкл, отстраняя девушку от себя.

Ей стало до боли обидно. Вот он, мужчина ее мечты, совсем рядом, а она никак не может заставить его сделать то, что ей хочется. Хуже того, ей, возможно, не удастся добиться этого не только сейчас, но и когда-либо в будущем.

– Я понимаю тебя, дядя Майкл. Но и ты тоже должен понять, что существуют семейные

традиции.

– Неужели?

– Дядюшка Джулиен переспал с моей прабабушкой в этом самом доме, когда ей тоже было тринадцать. Вот почему я получилась такой умной.

– И прехорошенькой, – добавил он. – Но я в свою очередь унаследовал кое-что от своих предков. То, что называется «моральными устоями».

Майкл медленно расплылся в улыбке и, взяв ее руку, принялся поглаживать ее, словно котенка или маленького ребенка.

В такой ситуации лучше было отступить. Сейчас он выглядел еще более вялым, чем в самом начале разговора. Может, зря она затеяла это дело сегодня? Может, нужно было немного подождать? Но Мона изнывала от желания. Ее неумолимо влекло к этому мужчине и к всему миру взрослых, который он олицетворял. Ей снова дали понять, что она ребенок, и от этого ей стало так горько и неловко, что она чуть не расплакалась.

– Почему бы тебе не переночевать в другой спальне? – предложил Майкл. – Она убрана. И с тех пор, как ушла Роуан, там все время поддерживают чистоту. Если хочешь, можешь спать там. Очень милая комната... – Он произнес эти слова хриплым голосом и с закрытыми глазами, продолжая любовно гладить ей руку.

– Хорошо, – согласилась она, – пусть будет в другой спальне.

– Там ты найдешь несколько фланелевых ночных сорочек – из тех, что я когда-то подарил Роуан. Правда, тебе они будут длинноваты. Только... Подожди минуточку. Может быть, тетя Вив еще не спит. Думаю, стоит поставить ее в известность, что ты здесь.

– Тетя Вив с тетей Сесилией поехали гулять куда-то в город, – произнесла Мона, отважившись при этом еще раз пожать его руку, которая стала немного теплее. – Они подружились. Полагаю, тетя Вив стала теперь самым почетным членом семьи Мэйфейр.

– Остается еще Эрон. Он должен быть в соседней спальне, – как бы размышляя вслух, сообщил он.

– Эрон уехал с тетей Беа. У них роман. Они отправились в его гостиничный номер. Потому что честь тети Беа не позволяет ей пригласить Эрона к себе домой.

– Правда? Беа и Эрон? Гм-м-м... Надо же... Кто бы мог подумать? Никогда не замечал.

– Неудивительно. Держу пари, Эрон тоже скоро станет почетным членом семьи Мэйфейр.

– Вот это будет парочка! Для него она просто находка. Ведь Эрону как раз нужна женщина, которая ценила бы в нем джентльмена. Ты со мной согласна?

Он снова смежил веки, словно не в силах был долго держать глаза открытыми.

– Я считаю, дядя Майкл, что на свете нет ни одной женщины, которая бы не ценила джентльменов, – ответила Мона.

Он открыл глаза.

– Неужели тебе все на свете известно?

– Нет, конечно. Разве может кто-то знать все на свете? В таком случае Господу стало бы скучно. Ты со мной не согласен?

– Не знаю, я об этом не думал. – Майкл снова улыбнулся. – Мона, ты маленькая, но очень опасная. Прямо как хлопущка.

– Ты еще не видел меня во фланелевой рубашке.

– И не увижу. Надеюсь, что ты запрешь свою дверь и спокойно уснешь. Эрон может вернуться в любую минуту. И Эухения часто просыпается ночью и бродит по дому...

– Бродит по дому?

– Ну, ты же знаешь, как это бывает у пожилых людей. Мона, я умираю хочу спать. А ты?

– А если мне станет страшно одной в спальне Роуан?

– Не сочиняй.

– Что это значит?

– Это значит, что ты никого и ничего не боишься. Ты сама это знаешь. И знаешь, что я знаю.

– Ты хочешь переспать со мной? Да?

– Нет.

– Неправда.

– В данной ситуации это не имеет значения. Я никогда не сделаю то, что мне не положено делать. И вообще, Мона. Полагаю, мне все же следует кого-нибудь сюда позвать.

– Не надо, – возразила она. – Честное слово, я уже уйду спать. Утром мы позавтракаем. Генри говорит, что великолепно готовит яйца по-бенедиктински.

Майкл слегка улыбнулся. Он чувствовал себя слишком усталым, чтобы спорить с малышкой, и не мог даже собраться с мыслями и вспомнить номера телефонов тех, кому следовало бы сейчас позвонить. До чего же коварны эти лекарства! Из-за них он с трудом подбирал самые обыкновенные выражения. Она ненавидела всякие лекарства. И дала себе слово никогда не прикасаться ни к ним, ни к алкоголю в какой бы то ни было форме.

Моне хотелось, чтобы ее ум оставался блестящим и острым, как коса.

Неожиданно Майкл рассмеялся и шепотом произнес:

– Как коса...

Неужели он услышал ее не высказанные вслух мысли? Мона прервала свои размышления на эту тему, потому что он не понял, что на самом деле она ничего не говорила. Девушка была не прочь поцеловать его еще раз, но боялась, что добром это не кончится, а потому лишь улыбнулась и приготовилась уходить, зная, что через несколько минут он уснет мертвым сном. Она решила принять теплую ванну, а потом поискать на чердаке вибротолу.

К ее удивлению, он скинул с себя одеяло, встал с кровати и пошел впереди нее не слишком твердо и уверенно, однако с поистине рыцарским достоинством.

– Идем, я покажу тебе, где что лежит.

Уже на пороге он еще раз зевнул и глубоко вздохнул.

Спальня Роуан была так же красива, как и в день ее свадьбы. На каминной полке, как и тогда, стоял букет белых и желтых роз. И белое платье Роуан было аккуратно разложено на старинного образца кровати с четырьмя столбиками, покрытой светло-розовым узорчатым покрывалом. Создавалось такое впечатление, что хозяйка ненадолго уехала и должна вскоре вернуться.

Майкл на мгновение остановился, словно забыл, зачем сюда пришел. Но не потому, что его охватили воспоминания. Мона сумела бы почувствовать, если бы он вдруг им предался. Все дело было в том, что он не мог собраться с мыслями. Вот до чего могут довести лекарства! Из-за них можно утратить способность восприятия самых обыкновенных и до боли знакомых вещей.

– Ночные сорочки там, – наконец сказал он, сделав легкий жест в сторону распахнутой двери в ванную.

– Я сама справлюсь, дядя Майкл. Иди и ложись в постель.

– Тебе действительно не будет здесь страшно, малышка? – искренне забеспокоился он.

– Нет, дядя Майкл, – ответила она, – не волнуйся. Возвращайся в свою комнату.

Он долго смотрел на нее, словно не в силах постичь смысл сказанного. Тем не менее было очевидно, что он ощущал ответственность за ее безопасность и считал своим долгом проявить максимальную заботу о неожиданной гостье.

– Если тебе все же станет страшно...

– Не станет, дядя Майкл. Мне просто хотелось тебя подразнить. – Она не могла удержаться от улыбки. – Если кого-то и надо бояться, то, скорее всего, меня.

Он тоже расплылся в добродушной улыбке, после чего кивнул и, бросив на нее прощальный взгляд своих лазурных глаз, очарование которых на миг затмило действие лекарств, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

В ванной Мона обнаружила небольшую, но симпатичную газовую колонку и сразу ее включила. На плетеной полке лежала стопка белых махровых полотенец. На верхней полке туалетного шкафчика девушка отыскала аккуратно сложенные ночные сорочки. Толстые и старомодные, они были сшиты из пестрого материала в цветочек. Мона выбрала ту, которая, по ее мнению, выглядела наиболее вульгарно: розовую с красными розами. Потом открыла кран и начала набирать воду в глубокую и широкую ванну.

Аккуратно отцепив изящный розовый бант из тафты, она положила его на туалетный столик рядом со щеткой и гребешком.

До чего же чудесный дом, думала Мона. Совсем не такой, как на Амелия-стрит. В доме Моны ванны были шершавыми, пол прогнил от сырости, а несколько уцелевших полотенец почти превратились в отрепья. Да и те, кроме Моны, никто не удосуживался постирать. Спасибо, тетя Беа принесла им стопку подержанных полотенец, не то им вообще нечем было бы вытираться. Всем было на такие мелочи наплевать. Правда, надо признать, бабушка Эвелин каждый день подметала дорожку у дома, которую она называла «тротуаром».

Дом же Майкла являл собой яркое свидетельство вложенной в него любви. И пусть белый кафель был старым, зато сливовый ковер с густым ворсом купили совсем недавно, бронзовые детали арматуры были приведены в порядок, а с двух сторон от зеркала висели бра с прозрачными, как пергамент, плафонами. На стуле лежала розовая подушка, из центра медальона на потолке свисала небольшая люстра с четырьмя свечеобразными лампочками из розового стекла.

– А деньги?.. Откуда взять такие деньги? – как-то раз сказала Алисия, когда Мона завела разговор об их доме и выразила желание вновь сделать его красивым.

– Можно было бы попросить денег у дяди Райена. Мы же все Мэйфейры. И деньги достались всем нам по наследству. Черт, я уже достаточно взрослая, чтобы вызвать водопроводчика и нанять рабочих. Почему ты всегда напрочь отметаешь все мои предложения?

В ответ Алисия лишь презрительно махнула рукой. Просить у людей денег – значит позволять им вмешиваться в твою жизнь. А этого на Амелия-стрит никто не хотел. Да и кому придется по душе, если кто-то начнет производить ревизию в его доме? Бабушка Эвелин вообще не переносила шума и чужих людей; отец терпеть не мог, когда кто-нибудь задавал ему вопросы... – в общем, на все всегда находились отговорки.

А вещи продолжали ржаветь, гнить или биться, и никто ни о чем не заботился. Две ванные комнаты вообще уже несколько лет не работали. Оконные стекла были либо разбиты, либо покрашены темной краской. Перечисление можно продолжать до бесконечности.

И тут Мону осенила одна коварная мысль. Точнее, впервые она пришла ей в голову, когда Майкл сказал, что ее дом построен в итальянском стиле. Любопытно, что бы он сказал о его нынешнем состоянии? Возможно, кое-что посоветовал бы? Ведь во всем, что касается реставрации жилых помещений, он большой мастер. Поэтому Мона решила привести его к себе в дом, чтобы он на него посмотрел.

Но если он придет к ним домой, неизбежно случится то, что должно случиться. Он увидит не вяжущих лыка Алисию и Патрика и сообщит об этом дяде Райену. Рано или поздно он обязательно это сделает. А дальше события будут развиваться так, как это уже было множество раз: придет тетя Беа и в очередной раз предложит поместить их в больницу.

К сожалению, сердобольные Мэйфейры не понимают, что в таких случаях госпитализация приносит больше вреда, чем пользы. После очередного курса лечения Алисия возвращалась домой безумнее прежнего и с еще большей алчностью нажимала на спиртное – очевидно, чтобы залить им свое горе. Последний раз она превзошла самое себя и начала крушить в комнате Моны все, что попадалось под руку. Спасти удалось разве что компьютер – Мона заслонила его собой.

– Да как ты посмела посадить под замок родную мать? Я знаю, это твоих рук дело! Вы с Гиффорд заодно! Ах ты, лживая маленькая ведьма! Да как тебе только в голову пришло проделать такое со мной?! Со мной – твоей собственной матерью! Я бы на твоём месте никогда так не поступила! Старуха Эвелин права: ты сушая ведьма. А ну-ка вынь этот розовый бант из своих волос!

Они сцепились. Мона, схватив Алисию за руки, пыталась уговорить мать:

– Ну ладно, ма! Хватит!

Потом Алисия, как всегда, обмякла. Задыхаясь от рыданий, она, словно мешок с картошкой, свалилась на пол и начала бить по нему кулаком. И тут в дверном проеме появилась бабуля Эвелин. То, что она проделала такой большой путь без посторонней помощи, уже само по себе было дурным знаком. Увидев ее, Алисия мгновенно стихла.

– Не тронь ребенка! – сурово приструнила ее Эвелин. – Алисия, ты типичная пьянь. Такая же, как твой муж.

– Этот ребенок доставляет мне одни только неприятности... – заныла Алисия.

Нет, Мона ни за что больше не согласится отправить мать в больницу. Однако это могут сделать другие. Мало ли что вообще может случиться. Поэтому лучше не вмешивать в это дело Майкла, даже если он изъявит желание помочь ей привести дом в порядок. Нет, эта идея положительно никуда не годится. Нужно придумать что-нибудь получше.

К тому времени, как Мона сняла с себя всю одежду, ванную комнату окутал приятный теплый пар. Девушка выключила лампу, оставив в качестве единственного освещения оранжевое пламя газовой колонки, и погрузилась в горячую ванну. Она лежала с распущенными волосами и представляла себя Офелией, отдавшейся воле водной стихии, которая несла ее навстречу смерти.

Вертя головой в разные стороны, Мона начала полоскать свои рыжие волосы, как белье. Они должны быть чистыми. Она вытащила из них все остатки опавших листьев. Господи, да ведь среди них вполне могли оказаться какие-нибудь насекомые! Фу, какая гадость! Именно после такого мытья ее волосы всегда становятся густыми и блестящими. Другое дело – душ. Он начисто лишал их пышности. А Мона всегда мечтала об очень длинных и густых волосах.

Ароматизированное мыло. Подумать только! Флакон густого, переливающегося, как перламутр, шампуня. Что ни говори, а эти люди знали толк в жизни. У них все было как в

лучшем отеле.

Наслаждаясь каждым мгновением, Мона медленно намылила тело и волосы, после чего погрузилась в воду, чтобы смыть пену. Если бы только ей удалось как-нибудь отремонтировать дом на Амелия-стрит, не привлекая к нему внимание своей вездесущей родни. Или уговорить дядю Майкла повернуть это дело без лишнего шума, то есть никому ничего не рассказывая об Алисии и Патрике. Но что делать с бабушкой Эвелин, если она начнет вдруг отсылать рабочих прочь или требовать, чтобы они выключили свои шумные агрегаты?

До чего же приятно чувствовать себя чистой! Она опять подумала о Майкле – могучем гиганте, спящем на кровати ведьм.

Мона встала, достала полотенце и принялась энергично вытирать им волосы, сначала откинув их вперед, потом назад. Покончив с этим, она вылезла из ванны. Ей было приятно ощущать свою наготу. Ночная сорочка оказалась ей немного длинна, однако в ней Мона почувствовала себя очень покойно и комфортно. Она приподняла подол, как это делали маленькие девочки на картинах старых мастеров. Именно такой она себя ощущала, особенно когда на голове ее красовался бант. Ей больше всего нравилось строить из себя маленькую старомодную девочку, и этот образ она всегда стремилась поддерживать. Хотя... Если разобраться, таковой она на самом деле и являлась.

Мона еще раз тщательно растерла голову полотенцем, потом взяла с туалетного столика щетку и, на секунду задержав взгляд на своем отражении в зеркале, принялась расчесывать волосы – от лба к затылку и далее по плечам, чтобы они лежали ровно и аккуратно.

Пламя газовой колонки казалось живым существом, которое вилось и дышало, обдавая Мону своим теплом. Взяв бант, она привязала его так, что два кончика торчали вверх, как рожки дьявола.

– Дядюшка Джулиен, мой час настал, – прошептала она, плотно смежив веки. – Скажи, где мне искать виктролу?

Раскачиваясь из стороны в сторону, как Рэй Чарльз, она старалась выделить из сонма неясных видений единственное, которое ей было нужно.

Вдруг к ровному шуму газовой горелки прибавился еще один звук, едва слышно доносившийся откуда-то издалека. Отдаленно он напоминал игру скрипок, был таким тихим, что определить, какие инструменты его издают, было невозможно. Наверняка Мона знала только одно: их было много и, скорее всего, это... Она открыла дверь ванной. Ну конечно же, это вальс из «Травиаты»! Где-то вдалеке определенно слышалось сопрано. Мона невольно принялась ему вторить, но при этом перестала слышать музыку! О господи, неужели виктрола в гостиной?

Накинув полотенце на плечи, словно шаль, Мона босиком вышла в коридор и, перегнувшись через перила, прислушалась. Песня зазвучала очень отчетливо, намного громче, чем во сне. Веселый женский голос пел по-итальянски, затем вступил хор – его пение, как это обычно бывает на старых заезженных пластинках, больше напоминало птичий гомон.

Неожиданно сердце Моны яростно заколотилось. Она нащупала бант, чтобы убедиться, что он надежно держится в волосах. Потом подошла к ступенькам и сбросила с себя полотенце. Как раз в этот миг из зала большой гостиной в коридор полился тусклый свет. По мере того как она спускалась по лестнице, он становился все ярче. Наконец ее босые ноги ощутили грубоватую поверхность шерстяного ковра. Бросив взгляд вниз, она увидела по-

детски торчащие из-под подола рубашки пальцы – точь-в-точь как у ребенка с картинки.

Мона остановилась. И вдруг обнаружила, что у нее под ногами уже не красный шерстяной ковер, а дорожка с восточным узором, очень старая и чрезвычайно тонкая. Она явственно почувствовала, как изменилась фактура ткани. А точнее, ощутила, что стоит на чем-то изношенном и потертом, и двинулась дальше, ступая по голубым и розовым персидским розам. Стены вокруг нее тоже изменились: теперь их покрывали обои, обильно украшенные темной, потускневшей от времени позолотой. Далеко внизу, в холле, из самой середины медальона в виде гипсовых листьев свисала совершенно незнакомая люстра – нечто венецианское, воздушное, как пена. В люстре горели настоящие свечи.

Мона даже почувствовала запах воска. А сопрано продолжало звучать все в том же неизменном ритме, по-прежнему пробуждая в Моне желание петь. Сердце ее, казалось, было переполнено чувствами.

– Дядюшка Джулиен! – тихо вымолвила она, едва не плача. О, такого грандиозного видения у нее еще никогда в жизни не было!

Мона вновь взглянула в сторону холла. Какие восхитительные вещи там стоят!

Высокие створки двери, ведущей в большую гостиную, были распахнуты. В проеме этой двери когда-то стоял убийца ее родственницы, а спустился он туда по той же лестнице, по которой спускалась сейчас Мона. Зал гостиной тоже выглядел совсем иначе. Теперь в нем над изящными хрустальными подсвечниками плясали тоненькие язычки пламени.

Неизменными остались только ковер и парчовые стулья дядюшки Джулиена.

Спешно сбегая по лестнице, Мона старалась ничего не упустить из виду. Бросая взгляд то влево, то вправо, она все время подмечала интересные детали: старинные газовые канделябры с гофрированными хрустальными поддонами, обрамление из освинцованного стекла вокруг входной двери, которого раньше не было.

Судя по всему, виктрола была включена на полную громкость. На этажерке для безделушек стояло множество фарфоровых статуэток, на одной из каминных полок красовались бронзовые часы, а на другой – греческая статуя. Кроме того, на окнах теперь висели мягкие, переливающиеся портьеры из старинного бархата, отделанные бахромой и каскадом ниспадавшие на начищенный до блеска деревянный пол.

Дверные рамы и плинтуса были выкрашены под мрамор! Такой декор вошел в моду в конце девятнадцатого века. Газовые лампы отбрасывали ровный свет на оклеенный обоями потолок, и казалось, будто брызги этого света танцевали в ритме звучащего вальса.

А ковер? Несомненно, это был тот самый ковер, который она видела раньше, только, естественно, теперь он выглядел более новым. Да, так и должно быть – ведь он принадлежал Джулиену, равно как и стоящие сейчас в самом его центре великолепные кресла, предназначенные для удобства тех из гостей, кто предпочитал танцам спокойную беседу.

Мона подняла руки и, встав на цыпочки, начала вальсировать, вторя льющемуся с пластинки сопрано. Она так закружилась в танце, что узкая ночная сорочка раздулась, образовав вокруг тела колокол. Как ни странно, девушка без труда понимала итальянский, хотя учить этот язык начала совсем недавно. Захваченная ритмом, она неистово раскачивалась из стороны в сторону, то позволяя волосам рассыпаться по лицу, то отбрасывая их назад. Взгляд ее сделался блуждающим, а перед глазами попеременно мелькали детали интерьера: поблекшая желтая бумага, которой был оклеен потолок, неясные очертания большого дивана, похожего на новый, купленный Майклом, с той только разницей, что обит он был не бежевой парчой, а золотистым бархатом, довольно потертым, но зато

гармонизировавшим с тоном портьер. В свете мерцающих фонарей он выглядел особенно роскошным и теплым.

На кушетке в простой хлопковой пижаме неподвижно сидел Майкл, устремив на нее застывший взгляд. Замерев на полутакте, она опустила красиво изогнутые, как у балерины, руки, ощутив при этом, как вспорхнули вверх ее распущенные волосы. Майкл глядел на нее, как на несусветное чудо. Музыка продолжала звучать. Набрав в грудь побольше воздуха, чтобы восстановить дыхание, Мона направилась к кушетке. Никогда в жизни она не видела перед собой более пугающего зрелища, чем то, что предстало сейчас перед ее глазами: совершенно ошарашенный, растерянный, находящийся, казалось, на грани безумия Майкл.

Не то чтобы Майкл был испуган – страх вообще не был ему свойствен, так же как, впрочем, и самой Моне, – а скорее взволнован, расстроен, потрясен происходящим. Судя по всему, он видел то же, что и Мона, и слышал ту же музыку. Приблизившись, Мона опустилась на кушетку рядом с ним. Он не шелохнулся, а лишь поднял на нее круглые от удивления глаза. Едва она прильнула к его губам поцелуем и, притянув к себе, откинулась назад, на кушетку, как свершилось неожиданное. Майкл оказался бессилен перед ее чарами и всецело отдался во власть инстинкта, и тогда свершилось то, что должно было свершиться. Она его покорила.

На мгновение он отпрянул назад, словно хотел еще раз удостовериться в том, что рядом с ним действительно Мона. Его взор все еще был затуманен лекарствами, хотя, если говорить откровенно, их действие было только ей на руку. Не иначе как они помогли усыпить его благочестивую католическую совесть. Мона снова поцеловала его в губы, на этот раз немного поспешно и небрежно, одновременно просовывая руку ему между ног. Знак мужского достоинства был тверд как скала. Было бы странно, если бы Майкл оказался в состоянии сопротивляться.

Она ощутила ответные объятия и услышала свойственный ему жалобный вздох. Дескать, уже слишком поздно и он не властен ничего с собой сделать, разве что уступить искушению, уповая на то, что Господь простит ему эту слабость. Однако расслышать, что он на самом деле при этом пробормотал, Мона не сумела.

Под звуки вальса Мона буквально затащила его на себя и еще глубже утонула в мягкой кушетке, от которой пахло пылью. Потом Майкл слегка приподнялся, и она, вытянувшись, почувствовала, как его дрожащая рука скользнула под ночную сорочку. Слегка приподняв подол, его пальцы нащупали обнаженный девичий живот и бедро.

– Знаешь, а там еще кое-что есть, – промурлыкала она, изо всех сил прижимая его к себе.

Опережая мысленный посыл, рука Майкла мягко и нежно пробиралась все дальше и дальше, все сильнее разжигая в Моне страсть и постепенно отключая ее внутренний сигнал тревоги. Она почувствовала, как увлажнились с внутренней стороны ее бедра.

– Давай же, я больше не в силах ждать, – поспешно пробормотала она, чувствуя, как жар разливается по лицу. – Сделай мне этот подарок.

Возможно, ее слова прозвучали несколько диковато, но она больше не могла изображать из себя маленькую девочку. Он вошел в нее, и тело пронзила до боли приятная судорога, а когда он начал ритмично двигаться, она, в блаженстве откинув назад голову, слегка приоткрыла рот, из которого, казалось, был готов сорваться крик: «Да! Да! Да!»

– Твоя взяла, маленькая соблазнительница! – хриплым шепотом произнес Майкл.

Она отдавалась страсти алчно и неистово, скрипя зубами и едва сдерживая рвавшийся

наружу стон. Невыносимо сладостное ощущение овладело обоими с такой невероятной силой, что противостоять ему не было никаких сил.

Наконец Мона в сладостной истоме повернулась на бок. Покрытая испариной и почти бездыханная, она походила на Офелию, которую только что нашли в усыпанной цветами реке. Вдруг в комнату ворвался жуткий пронзительный звук, который заставил ее открыть глаза.

Как будто кто-то резко сорвал иглу с пластинки на винтболе. Мона повернулась. Майкл тоже. Взгляд девушки выхватил маленький силуэт: Эухения, темнокожая служанка, с суровым видом стояла возле стола, недовольно скрестив руки и вызывающе вскинув вверх подбородок.

Винтбола тотчас исчезла, диванное покрывало стало вновь парчовым, а тусклые свечи превратились в обыкновенные электрические лампочки.

Стол, возле которого стояла Эухения, тоже словно куда-то вмиг испарился, и теперь она оказалась прямо напротив кушетки, на которой они занимались любовью.

– Мистер Майк, скажите на милость, чем это вы занимаетесь с этим ребенком?!

Майкл был настолько выбит из колеи, расстроен, пристыжен, смущен, что, кажется, был готов провалиться сквозь землю. Тем не менее, собрав силу воли в кулак, он поспешно вскочил и принялся завязывать тесемки на пижаме, попеременно поглядывая то на Эухению, то на Мону.

Кажется, настало время показать, на что способны Мэйфейры, по крайней мере праправнучка Джулиена. Мона поднялась и, подойдя почти вплотную к дерзкой старухе, произнесла:

– Послушайте, Эухения. Вы дорожите работой в этом доме? Если да, то сейчас же возвращайтесь в свою комнату и поплотнее закройте за собой дверь.

На мгновение мрачное морщинистое лицо служанки застыло, искаженное гримасой оскорбленного достоинства, но под пристальным взглядом юной особы вскоре смягчилось.

– Ну же, выполняйте приказание, – повторила Мона. – Вам не о чем беспокоиться. Мона всегда делает только то, что хочет. И ничего дурного дяде Майклу не желает. Вы сами это прекрасно знаете. А теперь ступайте.

Любопытно, что подействовало на прислугу больше: чары Моны или испытанное потрясение? Впрочем, какая разница? Так или иначе, она не нашла в себе силы вымолвить хоть слово в ответ. Мона владела силой ведьмы, а старая женщина всего лишь ей подчинилась. Этой девушке повиновались все и всегда, однако она сама считала малодушием прибегать к подобным мерам воздействия на людей. В данном же случае ничего другого ей не оставалось.

В нерешительности потупившись, Эухения наконец повернулась и поспешила прочь, быстро семеня ногами по полу. Потом шуршание юбок донеслось с лестницы. Походка у нее была какой-то странной, но на удивление проворной!

Майкл сидел на диване, сощурившись и вперив в Мону пристальный взгляд. Выглядел он при этом неожиданно спокойным и, казалось, никак не мог взять в толк, что, собственно говоря, произошло. Внутреннее смущение выдавало лишь легкое подергивание век.

– Господи Иисусе! Мона! – прошептал он.

– Это свершилось, дядя Майкл, – торжественно провозгласила Мона и вдруг почувствовала, что голос ей изменил и она готова вот-вот упасть в обморок. – А сейчас позволь лечь рядом с тобой в постель, – уже совсем другим тоном добавила она, – потому

что теперь мне и в самом деле страшно.

* * *

Они лежали в темноте на большой кровати. Мона разглядывала собранный в сборки атласный балдахин. Когда-то на него вот так же смотрела Мэри-Бет. Интересно, какой узор она предпочитала? Опьяненный лекарствами, обессиленный Майкл тихо сопел рядом. Дверь в комнату была заперта на замок.

– Спишь? – шепотом осведомилась она.

Ей ужасно хотелось расспросить его насчет видения. Но она не осмеливалась. В памяти остался образ большой гостиной, и Мона старалась его сохранить – словно драгоценный рисунок сепией. Ведь именно эти канделябры и кресла она видела на старых картинах и фотографиях.

– Это никогда не должно повториться, милая, – не слишком твердым тоном произнес Майкл. – Никогда, слышишь, никогда!

Потом ласково обхватил ее рукой и слегка притянул к себе. Его неумолимо одолевал сон, а сердце билось очень медленно и тихо. Но ровно.

– Как скажешь, дядя Майкл, – тихо пробормотала она в ответ. – Но мне бы хотелось тебя кое о чем спросить.

Она лежит в кровати Мэри-Бет, в кровати Дейрдре!

Мона уютно свернулась калачиком и придвинулась еще ближе к Майклу, с удовольствием ощущая его руку на своей груди.

– Милая, – прошептал он. – Что это был за вальс? Из Верди? Кажется, «Травиата»? Но...

Он не закончил фразу и затих, окончательно сморенный сном.

Глядя в темноту, Мона улыбалась. Майкл слышал! Он был там, в этом видении, вместе с ней. Потом она повернулась и осторожно, чтобы не разбудить, коснулась губами его щеки. Пальцы ее скользнули под пижаму спящего рядом мужчины, дабы полнее насладиться теплом его кожи.

Вскоре и она забылась сном.

В Сан-Франциско зарядил противный зимний дождь. Вода стекала по крутым улицам Ноб-хилл, а пелена тумана, размывая очертания, заволокла здания, объединенные в единое целое по каким-то немислимым законам. Так, рядом с готическим собором Милости Господней и импозантными, украшенными лепниной фасадами домов возвышались похожие на башни современные постройки, выросшие на фундаменте старого отеля «Фэйрмонт». Небо мрачнело с невероятной быстротой, и дорожное движение уже в пять часов вечера становилось просто невыносимым.

Доктор Сэмюэль Ларкин медленно миновал отель «Марк Хопкинс» – кажется, так он назывался прежде; во всяком случае, теперешнего его названия доктор не знал. После этого он поехал вниз по Калифорния-стрит, как всегда не отставая от переполненного вагона канатного трамвая, набитого промокшими до нитки туристами. Глядя на них, Ларкин не уставал поражаться энтузиазму этих людей, подвигшему их отправиться на экскурсию в такой холодный и мрачный день. Сам Ларкин был человеком достаточно осторожным, поэтому никогда не стремился угнаться за легковыми автомобилями, за рулем которых сидели неместные водители. На светофоре он всегда уступал дорогу трамваю, только потом трогался с места сам.

Следуя по своему обычному маршруту, который был, на его взгляд, несколько небезопасным, но зато весьма живописным, Ларкин спустился к Маркет-стрит и через несколько кварталов в который уже раз любовался симпатичным, выглядевшим весьма экзотично деревянным въездом в Китайский квартал. Давно ставший привычным путь напоминал доктору о первых годах пребывания в этом городе. В те времена в канатном трамвае можно было спокойно ездить на работу, шпиль собора Святого Марка являлся самой высокой точкой города, а манхэттенских небоскребов не было и в помине.

«И как только Роуан решила покинуть эти места?» – удивлялся он. В Новом Орлеане Ларкин был всего несколько раз, тем не менее этого оказалось вполне достаточно, чтобы составить о нем собственное мнение. Переехать туда из Сан-Франциско – все равно что променять Париж на глухую провинцию. Впрочем, что касается Роуан, то это был далеко не единственный ее поступок, мотивов которого Ларкин не мог понять.

Доктор едва не проехал мимо неприятельного вида ворот Института Кеплингера. Круто свернув, он быстрее обычного спустился по пандусу в подземный гараж, сухой и темный. Часы показывали десять минут шестого. Самолет на Новый Орлеан вылетает в восемь тридцать. Нельзя терять ни минуты.

Ларкин показал пропуск охраннику на первом посту, тот сразу куда-то позвонил, очевидно, чтобы проверить его достоверность, и, быстро получив удовлетворительный ответ, разрешил ему пройти.

Во второй раз засвидетельствовать свою личность Ларкину пришлось у входа в лифт – перед встроенным под видеокамерой маленьким динамиком, вещавшим женским голосом. Ларкин всегда терпеть не мог, когда не видел в лицо того, кто его рассматривал.

Быстро и беззвучно лифт поднял его на пятнадцатый этаж в лабораторию Митчелла Фланагана. Довольно скоро отыскав нужную дверь и увидев, что за ее дымчатым стеклом горит свет, Ларкин громко постучал.

– Митчелл, это Ларкин, – произнес он в ответ на бормотание, раздавшееся из-за двери.

Митчелл Фланаган выглядел как обычно: подслеповатый увалень, взиравший на все и вся сквозь толстые очки в металлической оправе. Копна его волос соломенного цвета больше подошла бы огородному чучелу. Лабораторный халат был явно несвежим, но, по непонятному стечению обстоятельств, без единого пятнышка.

«Гений, которого так ценит Роуан, – пронеслось в голове у Ларкина. – Но разве не я ее любимый хирург? Уж не ревную ли я?» Когда-то Ларкин был без ума от Роуан Мэйфейр, но теперь прежнее увлечение изрядно поистощилось. А потому, что бы с ней ни случилось, ему не было до того никакого дела. Какая, собственно говоря, разница, уехала она на юг или нет, выскочила замуж или нет? Так почему сейчас его должен волновать тот факт, что Роуан впуталась в какой-то кошмарный медицинский эксперимент? Да, в свое время Ларкин был не прочь уложить ее в постель, но ведь до этого их отношения так и не дошли.

– Входи, – произнес Митчелл, с трудом сдерживая желание силой затащить Ларкина в застеленный ковром коридор, в котором струи белого света мягко очерчивали пол и потолок.

«Это место меня с ума сведет, – подумал Ларкин. – Все время кажется, будто откроется какая-нибудь дверь, а за ней в резервуарах с антисептиком лежат человеческие тела».

Митчелл шел впереди, ведя Ларкина мимо стальных дверей с маленькими смотровыми окошками, из-за которых доносились различные шумовые сигналы, издаваемые электронными приборами.

Ларкин знал, что бесполезно просить о разрешении посетить эти лаборатории, считавшиеся в данном заведении святой святых. Генетические исследования в Институте Кеплингера проводились под грифом «совершенно секретно» и поэтому были недоступны для большинства медицинского персонала. Ларкину же предстояло взять нечто вроде частного интервью у Митчелла Фланагана, за которое Роуан Мэйфейр – или ее семья, что, собственно говоря, одно и то же – назначила весьма высокую цену.

Митчелл привел Ларкина в просторный кабинет с большими, распахнутыми настежь окнами, выходившими на оживленную, наводненную народом Калифорния-стрит. Из них открывался весьма захватывающий вид на Бэй-бридж. Прозрачные занавески, больше похожие на противомоскитную сетку, были прикреплены по периметру окон длинными хромированными рейками. С одной стороны, они маскировали и смягчали уличную темноту, но с другой – усиливали впечатление замкнутого пространства и вызывали у Ларкина неприятное ощущение, от которого ему становилось не по себе. Его воспоминания о Сан-Франциско до наступления эры высоких зданий были еще слишком свежи и отчетливы. Мост выглядел непропорциональным и явно находился не на своем месте.

По одну сторону от большого стола из красного дерева возвышалась стена, сплошь состоявшая из компьютерных экранов. Митчелл сел на стул с высокой спинкой лицом к Ларкину, жестом указав гостю на более удобное мягкое кресло возле стола, обитое тяжелым темно-красным шелком и по стилю отдаленно напоминавшее что-то восточное, хотя, возможно, никакого стиля у него и вовсе не было.

Под подоконниками громоздились выдвижные ящики с дискетами, снабженные замками с цифровым кодом. Ковер по тону совпадал с цветом кресла, в котором вольготно устроился Ларкин. Прочие же беспорядочно стоявшие в кабинете кресла тоже были темно-красными и почти терялись на фоне пола и обитых темными панелями стен.

Стол, перед которым они сидели, был пуст. Позади лохматой головы Митчелла висела огромная абстрактная картина, на которой, судя по всему, был изображен сперматозоид, спешивший оплодотворить яйцеклетку. Тем не менее цветовая гамма картины была

удивительной: ярко-синие, пылающие оранжевые и неоновозеленые тона. Создавалось впечатление, будто картину написал какой-то гаитянский художник, почерпнувший сюжет из научного журнала. Увидев в нем изображение спермы и яйцеклетки, он вряд ли понял, а скорее всего, и не стремился понять, что это означало на самом деле.

Офис в целом отличался избытком роскоши, как, впрочем, и весь Институт Кеплингера. Не вписывался в общую картину разве что сам Митчелл. Неряшливый и даже грязноватый на вид, он являл собой образ типичного самоотверженного ученого, которого ничто, кроме науки, не интересует. Судя по всему, на внешние приличия ему тоже было наплевать. Во всяком случае, он явно не брился вот уже по крайней мере два дня.

– Господи, до чего же я рад, что ты наконец пришел! – начал Митчелл. – Я чуть было не свихнулся. Когда ты мне две недели назад без всяких объяснений подсунил это дело, я думал у меня ум за разум зайдет. Ты сказал, что действуешь по поручению Роуан Мэйфейр. И что я должен выяснить все, что смогу. Не так ли?

– И что же ты выяснил? – спросил Ларкин.

Он начал было расстегивать плащ, потом передумал и потянулся к портфелю, собираясь его раскрыть. В нем находился магнитофон, но Ларкину не хотелось его использовать. Это могло только помешать делу и, чего доброго, до смерти напугать Митчелла.

– А чего ты хочешь за две недели? Чтобы получить изображение человеческого генома, [18] пришлось затратить пятнадцать лет. Надеюсь, ты об этом слышал?

– Мне хотелось бы узнать, что ты вообще по этому поводу думаешь. Ты же понимаешь, что даешь интервью не научному редактору «Нью-Йорк таймс». Все, что мне от тебя нужно, – это характеристика ситуации в целом. Что все это значит? С чем мы имеем здесь дело?

– Хочешь увидеть своего рода гипотезу? – Митчелл жестом показал на компьютер. – То, как это должно выглядеть в трехмерном пространстве? Так сказать, раскрашенное в натуральные тона?

– Давай для начала просто поговорим. Терпеть не могу компьютерные версии.

– Послушай, прежде чем я смогу что-либо сказать, я должен получить дополнительные образцы. Кровь, ткань, все, что только возможно. Мой секретарь звонил тебе каждый день, вплоть до сегодняшнего, но безрезультатно – тебя не поймать. Почему ты мне не перезвонил?

– Видишь ли, больше ничего не удалось раздобыть. Так что в твоём распоряжении были все имеющиеся у нас материалы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А то, что ты получил все образцы, все, чем я располагаю. Кое-что еще есть в Нью-Йорке, но мы вернемся к этому позже. К сожалению, я не могу прислать тебе ни дополнительное количество крови, ни ткани, ни околоплодную жидкость, ни что-либо еще. В твоих руках все, что прислала мне Роуан Мэйфейр.

– Тогда мне нужно поговорить с Роуан Мэйфейр.

– Это невозможно.

– Почему?

– Ты не мог бы выключить этот противный мигающий свет? Он действует мне на нервы. Надеюсь, в твоих хорамах найдется самая обыкновенная лампочка?

Поначалу Ларкину показалось, будто его просьба застала Митчелла врасплох. Он отпрянул словно в испуге, так что Ларкин даже решил, что тот не понял смысла обращенных к нему слов. Однако Митчелл быстро пришел в себя и наконец произнес:

– О да.

Он коснулся панели, встроенной с нижней стороны крышки стола, у самого ее края. Свет под потолком мгновенно погас, а на столе зажглись две маленькие лампы, источающие мягкий, приятный для глаз желтый свет. И только теперь Ларкин обратил внимание на лежавший на столе журнал для записей в темно-зеленой обложке.

Поначалу Ларкин даже не заметил этот безукоризненно чистый, великолепный журнал с кожаными уголками. Равно как и черный, антикварного вида телефонный аппарат с огромным количеством таинственных кнопок, который почему-то напомнил ему ритуальную китайскую жабу.

– Вот так-то лучше. Терпеть не могу белый свет, – заметил Ларкин. – А теперь расскажи, что тебе удалось узнать.

– Нет, сначала ты мне ответь. Почему я не могу поговорить с Роуан Мэйфейр? И почему я не могу получить дополнительные образцы? Почему она не прислала тебе фотографии этого субъекта? Я должен поговорить с ней сам.

– Ее никто не может найти. Несколько недель подряд я только и делал, что пытался ее разыскать. Ее семья безуспешно этим занимается еще с самого Рождества. С того самого дня, когда она исчезла. Сегодня вечером, в восемь тридцать, я улетаю в Новый Орлеан. Хочу повидаться с ее родными. Я был последним, с кем говорила Роуан. Это случилось две недели назад. Она позвонила мне, что уже само по себе было очень важно, потому что свидетельствовало о том, что она жива. Всего один телефонный звонок, а потом вот эти образцы. По ее просьбе я связался с Мэйфейрами, чтобы переговорить с ними насчет денежных средств. И только тогда я узнал о ее исчезновении. После Рождества, кажется, ее встречали только раз – в Шотландии, в городке под названием Доннелейт.

– А как же курьерская служба, доставившая образцы? Откуда они были посланы? Это же можно проследить.

– Пытались. Но не добились ровным счетом никакого успеха. Курьер получил образцы у консьержа женевского отеля. Ему, в свою очередь, передала их некая дама, которая как раз выезжала из этого отеля. Судя по описанию, это была Роуан. Однако нет никаких доказательств того, что Роуан останавливалась в этом отеле, по крайней мере под своим именем. Вся эта история окутана тайной. Но если верить свидетельствам, именно Роуан сообщила консьержу адрес, по которому следует отправить посылку. Послушай, Митчелл, ее родные разузнали все, что могли. Поверь, они обеспокоены исчезновением Роуан больше других. Когда я позвонил им, чтобы рассказать о ее звонке и посылке с образцами, чувствовалось, что они вне себя от горя. Поэтому я сегодня отправляюсь в Новый Орлеан. Они желают видеть меня лично. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов материальную сторону дела. Поэтому я с радостью окажу им эту услугу. Семья направила своих детективов во все уголки Женевы, но им не удалось обнаружить никаких следов. А уж если это семейство не смогло ничего разузнать, то... Не думаю, что кому-то другому посчастливится больше.

– Но почему?

– Деньги. Все дело в деньгах Мэйфейров. Ты наверняка слышал о крушении планов Роуан в борьбе за Мэйфейровский медицинский центр. Так вот, Митчелл, давай не трати время, скажи мне, что это за образцы. У меня каждая минута на счету. Я рискую опоздать на самолет, а потому прости, но вынужден тебе напомнить, что пора перейти к делу.

Скрестив руки на груди, Митчелл Фланаган какое-то время просто молчал. О

напряженной работе его мозга свидетельствовала лишь подергивающаяся нижняя губа. Потом он снял очки и уставился в пустоту. Затем снова их надел – как будто без них у него не ладился мыслительный процесс – и лишь после этого перевел пристальный взгляд на Ларкина.

– Ладно. Насчет того, что ты сказал... Или того, что, по твоим словам, сказала Роуан...

Ларкин молчал – он боялся, что, начав говорить, может выдать себя с головой, поэтому решил держать язык за зубами. Ему не терпелось услышать, что поведает Митчелл дальше.

– Этот субъект не является *homo sapiens*, – продолжал Митчелл. – Он примат. Млекопитающее мужского пола. Очень жизнеспособен. Имеет уникальную – я бы сказал, сверхъестественную – иммунную систему. Последние тесты показали, что он достиг зрелости. Хотя это еще не доказано. Обладает странным механизмом усваивания белков и минеральных солей. Кроме того, я обнаружил нечто необычное в его костях. А именно, что его костный мозг огромен. Правда, это может быть связано с прогрессирующим слабоумием. Это все, что я могу сейчас сказать. Для того чтобы узнать больше, нужно провести дополнительные исследования.

– А не мог бы ты дать мне его словесный портрет?

– Я могу только основываться на рентгенографических данных. Его вес около ста пятидесяти фунтов. По данным последних, январских, тестов, рост составлял шесть с половиной футов. Надо сказать, что данные о росте, полученные в результате первой рентгенограммы, снятой двадцать восьмого декабря в Париже, существенно ниже тех, которые были получены во второй раз, пятого января в Берлине. Однако между пятым и двадцать седьмым января никаких изменений не произошло. Все параметры остались прежними, что позволило сделать предположение о достижении им зрелости. Хотя это, конечно, всего лишь мои гипотезы и догадки. Его черепная коробка недоразвита, но, возможно, такой и останется.

– На сколько он прибавил в росте в промежуток между декабрем и январем?

– На три дюйма. Рост произошел преимущественно за счет конечностей. Кстати сказать, передние конечности у него очень длинные. Немного увеличился размер головы. Но, возможно, не настолько, чтобы это обратило на себя внимание. Тем не менее его голова стала крупнее обычной. Если хочешь, я покажу тебе его на компьютере. Увидишь, как он выглядит, как двигается...

– Нет, не надо. Лучше расскажи что-нибудь еще.

– Что-нибудь еще? – с вызовом переспросил Митчелл.

– Да, что-нибудь еще.

– А тебе этого недостаточно? Ларкин, это *ты*, а не я должен кое-что объяснить. Например, где проводились все эти тесты? Поскольку эти материалы пришли из разных клиник Европы, хотелось бы знать, кто именно их делал.

– Мы думаем, что сама Роуан. Ее родственники еще пытаются это выяснить. Очевидно, Роуан незаметно проникла в какую-нибудь клинику вместе с этим субъектом. Сделала ему рентгенограмму. И так же незаметно, не вызвав ничьих подозрений, вышла вместе с ним. И ни у кого не возникло сомнений в том, что она является лечащим врачом, а это существо – ее пациентом. В Берлине никто не мог ее вспомнить. Единственным подтверждением ее пребывания там служат записанные на снимке компьютерные данные и время снятия рентгенограммы. Подобным образом были получены результаты сканирования мозга, электрокардиограмма и тест на таллий. Она беспрепятственно проникла в лабораторию

одной из женевских клиник и сделала необходимые анализы. Никто не задал ей ни одного вопроса по самой простой причине: на ней был белый халат. Кроме того, выглядела она весьма представительно и говорила по-немецки. Потом она забрала результаты и ушла.

– Что-то у тебя все выходит чересчур просто. В жизни так не бывает.

– Тем не менее именно так все и было. Оборудование в клиниках практически общедоступно. А Роуан ты знаешь. Кому придет в голову задавать ей вопросы?

– Верно.

– Кстати сказать, все, с кем она встречалась в Париже, запомнили ее очень хорошо. Тем не менее никто не мог оказать нам существенной помощи в ее розыске. Никто не знал, откуда она приехала и куда отправилась. Что же касается ее спутника, то, по словам очевидцев, он был высоким, худым, с длинными волосами и в шляпе.

– У него длинные волосы? Ты уверен в этом?

– Вполне. По крайней мере, так утверждала одна парижанка, с которой беседовали нанятые семьей детективы. – Ларкин пожал плечами. – Те, кто встречал Роуан в Доннелейте, тоже говорили, что ее спутником был высокий худощавый мужчина с длинной черной шевелюрой.

– Выходит, после той ночи, когда Роуан сообщила тебе о посылке, ты больше не получал от нее никаких вестей?

– Совершенно верно. Она пообещала связаться со мной при первой возможности.

– А как насчет этого звонка? Откуда он был? Может быть, сохранилась запись вашего с ней разговора?

– Она сообщила, что звонит из Женевы. И рассказала то, что я только что тебе передал. Потом очень настойчиво выразила желание переправить мне посылку и заявила, что постарается сделать это до утра. Просила, чтобы я отнес ее тебе. Да, еще она сказала, что она родила весьма подозрительное существо. Околоплодными водами были пропитаны обрывки полотенец. Кроме них, она прислала для проведения анализов свою кровь, слюну и волосы. Надеюсь, ты провел необходимые анализы?

– Разумеется.

– Но как она могла родить существо, не являющееся человеком? Я хочу знать все, что ты обнаружил, какими бы невероятными и противоречивыми ни казались твои выводы. Завтра мне придется как-то объяснять происшедшее ее семье. Но сначала я должен постичь это сам.

Митчелл поднес руку ко рту и слегка откашлялся.

– Как я уже сказал, это существо не является *homo sapiens*, – прочистив горло и глядя Ларкину прямо в глаза, начал он, – хотя внешне вполне может выглядеть как обыкновенный человек. Однако кожа у него гораздо эластичнее, чем у нас. Вернее говоря, она такая же эластичная, как у человеческого зародыша. Похоже, это ее качество сохранится и в дальнейшем. Впрочем, время покажет. Череп у него такой же мягкий, как у грудного ребенка. И вполне вероятно, тоже может оставаться таковым на протяжении всей его жизни, хотя утверждать что-либо наверняка в данном случае нельзя. И еще. У него до сих пор не закрылся родничок. Более того, если верить последним рентгенограммам, тенденция к его зарастанию отсутствует, а это означает, что он не закроется никогда.

– Боже правый! – воскликнул Ларкин.

Он не мог удержаться, чтобы не пощупать собственную голову. Детские роднички всегда вызывали у него странное беспокойство. У самого Ларкина детей не было. Очевидно, поэтому он никак не мог привыкнуть к столь необыкновенному явлению – в отличие от

матерей, которых ничуть не удивляли затянутые кожей дырки в голове их малышей.

– Кстати говоря, это существо в утробном состоянии развивалось совершенно не так, как обычно растет и развивается обычный человеческий зародыш, – продолжал Митчелл. – Анализ околоплодной жидкости показал, что при рождении он представлял собой маленькое, но полностью развитое существо мужского пола. Вполне возможно, что благодаря своей столь поразительной эластичности он, едва покинув утробу матери, встал на ноги и начал самостоятельно передвигаться, как делают это сразу после рождения жеребят или детеныши жирафа.

– Значит, полная мутация, – предположил Ларкин.

– Нет, выбрось ты это из головы. Никакая это не мутация. А продукт независимого и очень сложного эволюционного процесса. Конечный результат различных мутаций и выборов, продолжавшихся несколько миллионов лет. Если матерью этого создания является не Роуан Мэйфейр – а анализы имевшихся в моем распоряжении образцов заставляют склоняться к мысли, что родила его все-таки она, – то я бы позволил себе предположить, что мы имеем дело с неким существом, которое эволюционировало в полной изоляции на каком-то неведомом нам континенте. По развитию оно далеко превосходит homo erectus или homo sapiens. И в отличие от человека обладает полным набором генетически унаследованных признаков других видов.

– Других видов?

– Именно так. Это существо поднималось по своей собственной эволюционной лестнице. Оно не чужеродно нам, ибо развивалось из той же первичной субстанции. Но состав его ДНК более сложный. Если раскрутить ее двойную спираль, то полученная длина окажется в два раза больше человеческой. Если судить по чисто внешним, лежащим на поверхности факторам, субъект исследования поднимался по эволюционной лестнице, сохраняя все признаки схожести с существами более низких форм. Признаки, которые человек давно утратил. Я только начал их расшифровывать. Вот в чем проблема.

– Ты не мог бы работать побыстрее? Может, удастся выяснить кое-что еще.

– Ларкин, дело здесь не в скорости. Мы только что приблизились к пониманию генома человека, к постижению того, какой ген является настоящим, а какой служит лишь балластом. Как мы можем расшифровать геном этого существа? У него, между прочим, девяносто две хромосомы, то есть в два раза больше, чем у нормального человека. Очевидно также, что вещество клеточных мембран этого существа значительно отличается от человеческого, но, чем именно, я не могу сказать. Потому что нам еще далеко не все известно о собственных клеточных мембранах. Мои знания об этом существе ограничиваются рамками знаний о нас самих. Я могу лишь с достоверностью заявить, что оно не такое, как мы.

– Я никак не могу понять, почему это существо не может быть мутантом.

– Видишь ли, Ларкин. В своем нынешнем состоянии оно находится от нас слишком далеко. Таких различий невозможно достичь посредством мутации. У него очень сложная и высокая организация. И это не может быть случайностью. Кроме того, он, если можно так выразиться, необыкновенно красив. Давай будем рассуждать в процентах сходства хромосом. Человек и шимпанзе схожи на девяносто семь процентов. У этого же существа процент схожести с человеком едва ли дотягивает до сорока. Я уже провел иммунологическое тестирование его крови, которое подтвердило эту цифру. Из этого следует, что данное существо отошло от человеческого пути развития три миллиона лет назад. Разумеется, если

оно вообще когда-либо принадлежало к одной из ветвей человеческого рода, в чем я тоже совсем не уверен. Скорее всего, у него свое собственное древо.

– Но как тогда Роуан смогла стать его матерью? Я хочу сказать, нельзя же просто...

– Ответ на удивление прост. У Роуан тоже девяносто две хромосомы. Одинаковое количество экзонов и интронов. Это подтвердили присланные ею образцы крови, околоплодной жидкости и тканей. Уверен, что она сама уже это определила.

– А как же Роуан проходила обследования? Неужели никто никогда не замечал, что у этой женщины в два раза больше хромосом, чем положено?

– Я заглянул в файлы университета, в котором она проходила обследование. И проверил результаты анализов ее крови. У нее действительно девяносто две хромосомы. Однако нет никаких оснований полагать, что в состоянии покоя ее организма дополнительное количество хромосом было бы задействовано. На это никто никогда не обращал внимания, потому что никто даже не заглядывал в распечатку генетической программы Роуан. Да и зачем, собственно говоря, было это делать? Ведь Роуан никогда не жаловалась на здоровье.

– Но все-таки кто-то...

– Ларкин, расшифровка ДНК находится в зачаточном состоянии. Некоторые вообще выступают против ее изучения на ком бы то ни было. В мире есть миллионы врачей, которые понятия не имеют о том, что заложено в их собственных генах. А некоторые из них даже не желают это знать. Лично я к таковым не отношусь. Мой дедушка умер от хореи Гентингтона. [19] Мои братья не хотят даже выяснить, являются ли и они носителями этого гена. А я хочу. И рано или поздно сделаю себе этот тест. Но все дело в том, что генетические исследования только начались. Если бы это существо появилось лет двадцать назад, его бы не смогли отличить от обыкновенного человека. Или, что гораздо хуже, сочли бы каким-нибудь уродом.

– Стало быть, все сводится к тому, что Роуан не человек?

– Нет, она человек. Совершенно определенно. Как я уже пытался объяснить, все тесты, которые проводились ею на протяжении жизни, были совершенно нормальными. Данные педиатрических обследований, темпы ее роста ничем не отличались от тех, что свойственны обыкновенным людям. Это означает, что до того момента, когда внутри ее зародилась новая жизнь, дополнительные хромосомы не участвовали в процессах развития.

– И что же случилось тогда?

– Я подозреваю, что зачатие послужило катализатором некоторых сложных химических реакций в ее организме. Именно поэтому в околоплодной жидкости было обнаружено много различных питательных веществ, в частности высокая концентрация белков и аминокислот. Есть некоторые основания полагать, что питательная субстанция еще долгое время находилась возле растущего существа после прохождения им стадии эмбрионального развития. А теперь что касается грудного молока. Ты разве не знал, что там было еще и грудное молоко? Его состав и плотность в корне отличались от обычного женского молока. Содержание белка было во много раз выше. И опять же мне понадобятся месяцы, а может быть, даже годы, чтобы все это расшифровать. Мы имеем здесь дело с совершенно новым типом плаценты. И я даже толком не знаю, с какого конца подступиться к изучению этого необычного явления.

– Значит, Роуан была такой, как все, – начал Ларкин. – Хотя у нее в ДНК находились посторонние гены. Когда же произошло зачатие, эти гены включились в работу и привели в движение какие-то процессы.

– Да. Нормальный человеческий геном работал в ее организме нормально и

бесперебойно. А встроенные в ее ДНК дополнительные гены все это время бездействовали, ожидая специальной команды, которая должна была заставить ДНК ввести в работу новые программы.

– И вы сейчас трудитесь на том, чтобы воспроизвести эту ДНК?

– Именно. Но даже если мы не будем уступать в скорости темпам размножения этих клеток, потребуется некоторое время. Кстати, у этих клеток обнаружилась еще одна интересная особенность. Они сопротивляются всем вирусам, которыми я пытался их поразить. Сопротивляются любым видам бактерий. Вдобавок они очень эластичны. Все дело в мембране, как я уже говорил. Это не человеческая мембрана. А когда такая клетка умирает – под действием интенсивного тепла или интенсивного холода, – от нее практически не остается никакого следа.

– Они высыхают? Или исчезают?

– Скажем так, они сокращаются. И здесь мы наталкиваемся на еще одно удивительное свойство, касающееся этого субъекта. Даже если предположить, что мы столкнулись не с единичным случаем, а подобные существа уже давно живут на земле, доказательств их существования в процессе исследования ископаемых нам все равно не удалось бы найти по одной простой причине: их останки разлагаются и исчезают гораздо быстрее человеческих.

– Исследование ископаемых? Почему мы вдруг заговорили об исследовании ископаемых, если речь идет о монстре?..

– Никакой он не монстр. А всего лишь другой вид плацентарного примата, имеющий в своем арсенале огромный набор способностей. Очевидно, его ферменты обладают свойством растворять собственные останки после смерти тела. А что касается костей, то это вообще отдельный вопрос. Такое впечатление, что кости после смерти уплотняются. Хотя я в этом не совсем уверен. Я был бы не прочь получить консультацию других специалистов и поработать над этим вопросом вместе с ними. А еще лучше было бы подключить к исследованиям целый институт.

– Скажи, пожалуйста, насколько схожи спирали ДНК этого существа с человеческими? Я хочу узнать, возможно ли вычленив участок его спирали и соединить с нашей?

– Нет. Ох уж мне этот гениальный хирургический ум! Разумеется, сорока процентов сходства недостаточно. По этой причине нельзя, например, скрещивать крыс и обезьян, Ларкин. Кроме всего прочего, могут возникнуть непредсказуемые последствия. Кто знает, может, ДНК этого существа несет в себе некую несовместимую программу. Чертовски непохоже, чтобы эти спирали обладали способностью к соединению. Я не сумел привить их ни к одному виду человеческих клеток. Тем не менее это не означает, что подобное невозможно в принципе. Организм существа вполне может это проделать благодаря очень быстрым повторяющимся мутациям, происходящим внутри определенных генов.

– погоди, погоди... Чуть помедленнее, пожалуйста, – я не успеваю схватить суть. Как ты справедливо заметил, я ведь не генетик, а всего лишь хирург.

– Не зря я всегда считал, что ваша братия не удосуживается вникать в то, что делает.

– Митчелл, если мы все время будем вникать в суть дела, мы не сможем работать. Если тебе когда-нибудь понадобится наша помощь – не дай бог, конечно, такому случиться, – ты сам возблаговаришь нас за невежество, чувство юмора и крепкие нервы. Итак, это существо... Возможно ли скрестить его с человеческими особями?

– Нет, если ДНК таковых не является подобной той, которая имеется у Роуан. Они должны иметь сорок шесть незадействованных хромосом. Именно по этой причине нам

нужно разыскать Роуан и тщательно ее обследовать.

– Но это существо вполне может совокупляться с Роуан, не так ли?

– Со своей собственной матерью? Теоретически может. Но не думаю, что она совсем выжила из ума, чтобы на это пойти.

– Она сообщила мне, что уже однажды забеременела от него, но у нее был выкидыш. И подозревала, что беременна во второй раз.

– Неужели? Она сама тебе это сказала?

– Да. И мне нужно решить, стоит ли сообщать об этом семейству Мэйфейр. Кстати, они собираются построить уникальный нейрохирургический исследовательский центр в Соединенных Штатах.

– Да. Роуан об этом очень мечтала. Но вернемся к семье. Сколько их всего? Я имею в виду ее братьев и сестер, которых можно протестировать. Кстати, где мать Роуан? Она жива? А ее отец?

– У нее нет братьев и сестер, а отец с матерью давно умерли. Но в этой семье огромное количество двоюродных родственников. И что примечательно, среди них нередки внутрисемейные браки. И не просто браки, а, если можно так выразиться, заранее запрограммированные связи. Правда, об этом они не очень любят распространяться. И вообще эти люди против всяких генетических тестов. Им и прежде предлагали их провести.

– Но среди них могут оказаться те, у которых тоже имеется дополнительный набор хромосом. А как насчет отца этого существа – человека, от которого забеременела Роуан? Он тоже должен обладать девяньюто двумя хромосомами.

– Вот как? Ты уверен в точности своего предположения? Дело в том, что этим человеком был ее муж.

– Абсолютно уверен.

– К мужу мы еще вернемся, но позже. Я собрал о нем много сведений. А пока расскажи мне поподробней о мозге этого субъекта. Ты видел результаты компьютерной томографии?

– Объем его мозга превышает человеческий в полтора раза. Результаты обследований, проведенных в Париже и Берлине, показали, что за этот период произошел феноменальный рост передних лобных долей мозга. Готов поспорить, что этот тип обладает выдающимися лингвистическими способностями. Но пока это всего лишь моя догадка. Еще я отметил некоторую особенность его слуха. Судя по всему, он способен воспринимать звуки, недоступные обыкновенному человеческому уху. Подобно летучим мышам или морским животным. Это очень важный фактор. Кроме того, у него очень сильно развито обоняние. Во всяком случае, данных, позволяющих сделать такой вывод, предостаточно. Хотя, конечно, пока это всего лишь моя гипотеза. И знаешь, что более всего потрясает в этом феномене? То, что его генотип не отличается от других. Представляешь, он развивался по совершенно другому пути. Ему требовалось для этого в три раза больше белка, чем нормальному человеческому существу. Он синтезировал свой собственный вид лактозы, который по сравнению с человеческим в большей степени обладал кислотными свойствами. А в результате его внешний вид практически ничем не отличается от нашего.

– И какой же напрашивается из этого вывод?

– Никакой. Давай лучше поговорим о том человеке, от которого забеременела Роуан. Что тебе о нем известно?

– Вообще-то, много. Он жил в Сан-Франциско. До женитьбы на Роуан был довольно знаменит. Недавно его тщательным образом обследовали в клиниках Сан-Франциско. В

Новом Орлеане он перенес тяжелейший сердечный приступ. Результаты его последних анализов можно получить в любой момент. Причем для этого не обязательно спрашивать его разрешения. Если у него окажется девяносто две хромосомы... ну, то есть если он...

– Иначе не может быть.

– Но Роуан говорила о каких-то сторонних факторах, не имеющих к нему отношения. Она сказала, что отец ребенка был нормальным мужчиной, ее мужем, и что она любила его. Чувствовалось, что воспоминание о нем причиняет ей боль. Но как раз на этом наш разговор прервался. Она лишь успела попросить меня связаться с семьей и договориться насчет денег, после чего сразу повесила трубку. Однако у меня до сих пор остается подозрение, что нас кто-то намеренно прервал.

– О, я знаю, о ком шла речь! Ну конечно же. Все в свое время об этом только и говорили. Муж Роуан – тот самый человек, которого она спасла в море.

– Совершенно верно. Его зовут Майкл Карри.

– Да, да, Карри. Человек, который буквально вернулся с того света и при этом обрел необыкновенные способности – что-то вроде невероятной чувствительности рук... Я читал статьи о нем в газетах. О, как нам тогда хотелось провести с ним несколько тестов. Ради этого я даже пытался связаться с Роуан.

– Да. Это он.

– Значит, он вернулся в Новый Орлеан вместе с Роуан?

– Можно сказать и так.

– И они поженились.

– Да.

– Экстрасенсорные способности. Ты догадываешься, что это может означать?

– Ну, я допускаю, что у Роуан они есть. И всегда считал ее великим хирургом. Другие утверждали, что у нее особый дар целителя, диагноста и еще бог знает кого. Ну так что же означают экстрасенсорные способности?

– Выкинь ты из головы всю эту колдовскую чепуху. Я сейчас говорю о генетических особенностях. Экстрасенсорные способности могут быть их проявлением. Они могут быть связаны с наличием девяноста двух хромосом. Хотя это вопрос о том, что первично: курица или яйцо. Господи, если бы нам удалось заполучить результаты анализов родителей этой парочки! Послушай, не мог бы ты уговорить эту семью пройти некоторые тесты?

– Вряд ли. Они в курсе генетических исследований, проводимых среди меннонитов. Слышали о работах, которые ведут мормоны в Солт-Лейк-Сити. Они также знают, что такое «эффект основателя».^[20] И совсем не в восторге от своих внутрисемейных браков. Напротив, это что-то вроде создания семейной шутки. И в то же время неприятный факт их биографии, о котором они стесняются лишней раз упоминать. Тем не менее это не останавливает их от дальнейшего создания внутрисемейных союзов. Двоюродные братья продолжают жениться на двоюродных сестрах. Помнишь, как было заведено, например, в семье Уилксов из «Унесенных ветром»?

– Но им придется вступить с нами в связь. Это слишком важно. Хотелось бы знать, возможно ли, чтобы эта проклятая особенность не проявилась в каком-либо поколении? Я имею в виду... Черт! Как подумаю о том, какие возможности открываются... Нет, правда, у меня просто голова идет кругом. Но вернемся к мужу Роуан. Не могли бы мы прямо сейчас получить интересующие нас данные?

– Позволь мне его об этом спросить. Никогда не мешает проявить вежливость. Тем не

менее все сведения о нем есть в Центральной больнице Сан-Франциско. Ты можешь позвонить прямо туда сразу после моего ухода. Карри добровольно согласился на обследование. Он хотел выяснить источник своих паранормальных способностей. Возможно, он согласится подвергнуться еще одному тестированию. Если тебе удастся поймать его в подходящий момент. Потому что в свое время пресса вынудила его буквально уйти в подполье. Говорят, у него были видения и, стоило только ему коснуться руками совершенно незнакомого человека, он мог узнать о нем очень многое. Кажется, Карри в конце концов так устал от всего этого, что стал постоянно носить перчатки, пытаясь таким образом избавиться от непрошенных образов, то и дело мелькавших перед его глазами.

– Да-да, я собирал все материалы, касавшиеся этого феномена, – кивнул Митчелл.

Он замолчал и задумался, словно мысленно решая какую-то трудную задачу. Потом выдвинул ящик стола, вытащил оттуда большой желтый блокнот с разлинованной бумагой, небрежно исписанной каракулями, и, достав из кармана ручку, начал царапать в нем нечто непостижимое для постороннего глаза, все время что-то бормоча себе под нос и время от времени покашливая, словно прочищая горло.

Поняв, что Митчелл так глубоко ушел в себя, что стал безнадежен как собеседник, Ларкин решил вернуть его к действительности.

– Роуан говорила о каком-то постороннем вмешательстве во время родов. Не знаю, о каком именно – термическом или химическом. Она толком не объяснила, что имела в виду.

– Ну, – не отрываясь от своей писанины, пробормотал Митчелл, запустив свободную руку в густую гриву прямых волос. – Без термического воздействия, разумеется, не обошлось. Что же касается химического, то оно было просто огромным. На полученных мною обрывках ткани присутствовала еще какая-то жидкость, причем в больших количествах. Она похожа на молозиво. Ну, знаешь, это субстанция, которая предшествует появлению у женщин грудного молока. Однако по составу присланная жидкость отличалась от молозива – она оказалась более густой, с более высокой кислотностью, чем молоко, и, подобно ему, содержала множество питательных веществ, но совершенно другого состава. В этой жидкости оказалось гораздо больше лактозы. Что же касается постороннего вмешательства, то оно и в самом деле имело место. Но трудно сказать, откуда оно исходило.

– А не могло оно иметь паранормальную природу? Нечто вроде психоэнергии?

– Надеюсь, ты задаешь мне этот вопрос в частном порядке? И не сообщишь о нашем разговоре в «Нэшнл инквайер», когда выйдешь отсюда? Тогда я отвечу, что да, вполне вероятно наличие некой психоэнергии. Мы с тобой оба знаем, что можно измерить теплоту, исходящую от ладоней людей, обладающих так называемым даром целительства. Да, это может быть психоэнергия. Господи, Ларкин, мне позарез необходимо найти Роуан вместе с ее ребенком. Я не могу вот так просто сидеть здесь и...

– Именно это от тебя и требуется. Просто сидеть здесь и следить, чтобы с этими образцами ничего не произошло. Продолжай изучать ДНК этого существа. А я позвоню тебе завтра из Нового Орлеана. И сообщу о решении Майкла Карри – даст он согласие на обследование своей крови или нет.

Ларкин встал и взял свой портфель, собираясь уходить.

– погоди минутку, – остановил его Митчелл. – Ты что-то говорил о Нью-Йорке. О том, что там остался еще какой-то материал.

– Ах да, Нью-Йорк. Чуть не забыл. Во время родов Роуан потеряла очень много крови. Потом встал вопрос об исчезновении Роуан. Это произошло на Рождество. Коронер в Новом

Орлеане собрал все возможные судебно-медицинские улики и переправил их в Нью-Йорк, в Международный центр генетических исследований.

– О господи. Наверно, они умом тронутся.

– Не знаю, пытался ли кто-нибудь вообще свести воедино полученные результаты анализов. Пока что семье приходят весьма разрозненные сообщения, в целом подтверждающие то, что ты уже выяснил. А именно: генетические аномалии у матери и ребенка, избыточное количество гормонов роста, другой тип ферментов. Но ты оставил их далеко позади. Потому что в твоём распоряжении были рентгенограммы и результаты исследования костей.

– Ее родные держат тебя в курсе дела?

– О да. С тех пор как убедились, что я действительно разговаривал с Роуан. Она сообщила через меня кодовое слово, чтобы они могли профинансировать твою работу. Так вот, как только они поняли, что я последний человек, который беседовал с Роуан, пусть даже по телефону, они охотно согласились на совместное сотрудничество. Вряд ли они понимают всю глубину проблемы. И боюсь, прекратят сотрудничество, как только я им все изложу. Но пока они готовы на все, лишь бы найти Роуан. Они очень пекутся о ее судьбе. И даже обещали встретить меня в аэропорту. Кстати говоря, мне уже пора выходить, иначе я могу опоздать на самолет.

Торопливо обойдя вокруг стола, Митчелл проводил Ларкина в полутемный коридор, вдоль которого тянулся длинный ряд ламп.

– А что именно находится в Нью-Йорке? То же самое, что и у меня?

– Там намного меньше материала, чем у тебя, – ответил Ларкин. – За одним только исключением. В их распоряжении осталась плацента.

– Я должен ее получить.

– Ты ее получишь. Родственники предоставят тебе эту возможность. Как я уже говорил, в Нью-Йорке пока что никто не собрал разрозненные данные в общую картину. Но над этим вопросом работает группа ученых.

– Что ты имеешь в виду? Где?

Остановившись у двери, ведущей во второй коридор, Ларкин взялся за круглую дверную ручку.

– У Роуан есть друзья в организации под названием Таламаска. Это организация, объединяющая ученых-историков. У них имеются материалы, взятые с места рождения ребенка, а также с места исчезновения Роуан.

– Правда?

– Да. Не знаю, к каким заключениям они пришли. Знаю только, что организация проявляет чрезвычайно большое внимание к истории семейства Мэйфейр. Такое ощущение, что у них к этому делу какой-то особый интерес. С того дня, как я вступил в отношения с семьей Роуан, они стали звонить мне днем и ночью. Завтра утром в Новом Орлеане у меня назначена встреча с одним из их представителей – Эроном Лайтнером. Постараюсь у него выяснить, не узнали ли они что-либо еще.

Ларкин открыл дверь и направился в сторону лифта. Митчелл неуклюже и торопливо засеменил вслед за ним. Выглядел он при этом, по обыкновению, смущенным и рассеянным. Ларкин нажал кнопку вызова лифта, и вскоре перед ними открылись двери кабины.

– Пора, старик, – произнес Ларкин. – Не прочь отправиться со мной?

– Еще чего! Я возвращаюсь в лабораторию. Но если ты мне не позвонишь завтра...

– Непременно позвоню. Обещаю. А пока это все нужно держать...

– За семью замками. А разве в Институте Кеплингера есть что-нибудь, что не является чрезвычайно секретным? Здесь тайна на тайне сидит и тайной погоняет. Так что насчет этого можешь быть совершенно спокойным. К моему компьютеру ни у кого нет доступа, кроме меня. А без доступа никто не сможет прочесть ни одного файла. Так что не волнуйся. Для Института Кеплингера это в порядке вещей. Когда-нибудь я расскажу тебе, какие у нас тут приключались истории, но, разумеется, с измененными именами и датами.

– Вот и умница. Я позвоню тебе завтра.

Ларкин взял Митчелла за руку.

– Не оставляй меня в неведении, Ларкин. Этот тип может спариваться с Роуан! И если это произойдет...

– Обещаю, что обязательно позвоню.

Ларкин поймал на себе прощальный взгляд Митчелла, который стоял по другую сторону дверей лифта и не спускал с него глаз. И невольно на память доктору пришли слова, сказанные Роуан по телефону: «В Институте Кеплингера есть один парень, которому можно полностью доверять. Ты должен с ним связаться. Это Митчелл Фланаган. Передай ему, что его час настал».

Роуан была чертовски права. Митчелл как раз тот парень, который им нужен. В этом Ларкин не сомневался.

Однако по дороге в аэропорт его стали одолевать беспокойные мысли о Роуан. Он вспомнил, как глубоко был изумлен, услышав по телефону ее далекий голос. Вспомнил, как она предупредила его, что их разговор может прерваться в любую минуту.

Все дело в том, что эта история с самого начала чрезвычайно заинтриговала Ларкина. Звонок Роуан, образцы, следовавшая за ними серия открытий... И ко всему прочему эксцентричное семейство в Новом Орлеане. Ничего подобного в жизни Ларкина еще ни разу не было. И чем больше его ожидало волнений и меньше увеселений, тем лучше. Чтобы отправиться на поиски приключений, ему пришлось взять бессрочный отпуск в университетской клинике. Уж очень он хотел встретиться с этими людьми в Новом Орлеане, а заодно взглянуть на унаследованный Роуан дом, а также на человека, за которого она вышла замуж и ради которого принесла в жертву свою медицинскую карьеру.

Когда Ларкин прибыл в аэропорт, дождь зарядил сильнее прежнего. Но Ларкин привык путешествовать в любую погоду, поэтому дождь для него стал столь же привычен, сколь привычен, например, снег в Чикаго или сезон дождей в Японии.

Он поспешил к стойке первого класса, чтобы получить свой билет, и спустя несколько минут уже шел по направлению к выходу. Все было рассчитано со скрупулезной точностью: как раз шла посадка на самолет.

Ларкин понимал, что главную проблему составляет уже само по себе рождение странного существа. И загадка его появления была тесно связана с тайнами семейства Мэйфейр. Однако, размышляя над этим, Ларкин впервые был вынужден признать, что не очень-то верит в то, что этот феномен на самом деле существует. Он знал, что существует Роуан. Но чтобы у нее был какой-то странный отпрыск? Однако вместе с тем Ларкину стало понятно и другое. В существование нечеловеческого ребенка бесповоротно верил Митчелл Фланаган. А также постоянно названивающие ему люди из Таламаски. Не говоря уже о самой Роуан.

Значит, это существо отнюдь не было плодом чьего-то воображения. И доказательств

тому более чем достаточно.

К выходу Ларкин подошел последним. «Вот что значит точно рассчитать время, – с гордостью подумал он. – Ни минуты опоздания, ни стояния в очереди».

Он уже собрался подать свой билет молоденькой стюардессе, когда кто-то дотронулся до его руки.

– Доктор Ларкин.

Обернувшись, Ларкин увидел высокого молодого человека крепкого сложения со светлыми волосами и почти бесцветными глазами.

– Да, я доктор Ларкин, – ответил он, борясь с искушением добавить: «Только не сейчас».

– Эрик Столов, – представился блондин. – Я говорил с вами по телефону.

Мужчина помахал перед Ларкином маленькой белой карточкой. Ларкин отдал билет стюардессе и взял визитку.

– Вы мне сказали, что представляете Таламаску.

– Где образцы?

– Какие образцы?

– Те, которые вам прислала Роуан.

– Послушайте, я не могу...

– Пожалуйста, скажите мне, где они.

– Прошу прощения, но это исключено. Если хотите, можете позвонить мне в Новый Орлеан. Завтра днем я встречаюсь там с вашим другом Эроном Лайтнером.

– Где образцы? – настойчиво продолжал повторять молодой человек, неожиданно преградив Ларкину путь.

Понизив голос до шепота, Ларкин процедил сквозь зубы:

– Убирайтесь с моей дороги.

Внезапно им овладел такой сильный, неодолимый гнев, что он едва удержался, чтобы не размазать парня по стене.

– Прошу вас, сэр, – спокойно обратилась стюардесса к Столову. – Если у вас нет билета на этот рейс, вам придется немедленно уйти.

– Вот именно, – теряя остатки терпения, произнес Ларкин. – Уходите отсюда. И вообще. Какое вы имеете право обращаться ко мне подобным образом!

Оттолкнув молодого человека в сторону, он устремился к трапу самолета. Сердце его бешено колотилось, а пот ручьем тек под одеждой.

– Проклятый сукин сын. Да как он только посмел? – бормотал он себе под нос.

Через пять минут после взлета Ларкин уже звонил по сотовому телефону. Связь была отвратительная. Впрочем, так было всегда: во время телефонных разговоров с борта самолета ему почти никогда не удавалось ничего толком расслышать. Тем не менее дозвониться до Митчелла удалось.

– Ничего никому не рассказывай, – повторял снова и снова Ларкин.

– Не волнуйся, – успокаивал его Митчелл. – Никто ничего не узнает. Поверь мне на слово. У меня пятьдесят сотрудников. И каждый из них работает над одним из пятидесяти фрагментов нашей головоломки. Кроме меня, ни у кого нет ни малейшей возможности представить картину в целом. Ни одна живая душа не сможет проникнуть ни в это здание, ни в офис, ни в мои файлы.

– Я позвоню тебе завтра, Митчелл. – Ларкин отключил связь. – Самонадеянный

кретин, – выругался он, пряча телефон.

В отличие от Столова Эрон Лайтнер произвел на доктора весьма приятное впечатление – во всяком случае, по телефону. Правда, его истинно британская и весьма старомодная манера речи показалась Ларкину излишне официальной. Интересно, что же все-таки за люди работают в этой таинственной Таламаске? Неужели они вправду друзья Роуан? Откровенно говоря, Ларкин в этом сильно сомневался.

Откинувшись назад в кресле, он стал перебирать в памяти сначала всю долгую беседу с Митчеллом, потом телефонный разговор с Роуан. Эволюция молекул, ДНК, клеточные мембраны... Все это его пугало и одновременно увлекало и притягивало.

Он вдруг вспомнил, что в начале беседы Митчелл хотел показать ему трехмерное компьютерное изображение исследуемого им существа. Угроздило же Ларкина отказаться! Скорее всего, однако, он увидел бы на экране лишь некий набросок, неясные контуры или что-то в этом роде. Ну в самом деле, откуда Митчелл может знать, как это создание выглядит? Уродливо оно, например, или, наоборот, красиво?

Ларкин попытался нарисовать его в своем воображении. Ему представилось тонкое, как тростинка, человекоподобное существо с непомерно большой головой и чрезвычайно длинными руками.

Всего час оставался до наступления среды – начала Великого поста. Стоящий на берегу залива маленький дом, двери которого выходили прямо на белый пляж, был погружен в тишину. Звезды усыпали все небо, и казалось, что вдали, у линии горизонта, они спускаются так низко, что почти касаются земли. Их мягкое мерцание служило единственным освещением в ту ночь. Легкий ветерок гулял под невысокими потолками комнат, неся с собой вечернюю прохладу в каждый уголок, в каждую щелку и без того холодного дома.

Но Гиффорд холода не боялась. Облачившись в толстый свитер из чистой шотландской шерсти и теплые шерстяные носки, она наслаждалась свежим дуновением морского ветра, равно как и приятным жаром, исходящим от пылавшего в камине огня. Холод, морской воздух, запах горящих дров – именно такой Гиффорд всегда представляла зиму во Флориде. Это место было ее надежным пристанищем, где она скрывалась от жестокого мира.

Гиффорд лежала на кушетке напротив камина, наблюдая за тем, как световые блики пляшут на белом потолке. Интересно, почему именно здесь она ощущала себя такой счастливой? Почему ее так неодолимо тянуло сбежать сюда от безысходной тоски, которая одолевала ее дома? Дестин был идеальным местом для отдохновения ее души. Этот дом ей достался в наследство от Дороти, прабабушки по отцовской линии, и с ним уже долгие годы у нее были связаны самые приятные мгновения жизни.

Однако именно сейчас Гиффорд отнюдь не была счастлива. Да, здесь она не испытывала такой тоски, которая терзала ее во время празднования Марди-Гра в Новом Орлеане, но это не делало ее более счастливой. Она все равно продолжала страдать. Но какой бы виноватой она себя ни чувствовала из-за своего бегства, она успокаивала себя мыслью о том, что все равно не может пойти на Марди-Гра в старый дом на Первой улице, как бы ей этого ни хотелось.

Марди-Гра она провела в Дестине, во Флориде. Это был самый обыкновенный день, такой же как все остальные. Тихий и чистый, далекий от всякой суматохи, связанной с карнавалом, толпами людей, грязной Сент-Чарльз-авеню, пьяными и вечно о чем-то спорящими родственниками. День, проведенный вдалеке от ее любимого мужа Райена, который продолжал вести себя как ни в чем не бывало, делая вид, будто Роуан Мэйфейр никуда не сбежала и не бросила своего мужа Майкла Карри. И будто в Рождество на Первой улице не было никакой кровавой стычки. Он делал вид, будто то, что тогда случилось, вполне исправимо, нужно только все тщательным образом обдумать, взвесить и принять правильное решение, в то время как на самом деле все безнадежно разваливалось на части.

Майкл Карри в то незапамятное Рождество едва не лишился жизни. Никто до сих пор не знал, что произошло с Роуан. Но ни у кого не оставалось сомнений в том, что случилось нечто ужасное. И тем не менее, несмотря ни на что, родственники все равно изъявили единодушное желание собраться на Марди-Гра на Первой улице. Что ж, рано или поздно они расскажут Гиффорд, как прошел праздничный вечер.

Конечно, великому наследству Мэйфейров ничто не угрожало. Личные трастовые фонды Гиффорд, в которых были задействованы баснословные деньги, тоже оставались вне опасности. Если что и настораживало Гиффорд, так это образ мышления, общий настрой шести сотен Мэйфейров. Практически все они приходились друг другу троюродными или четверюродными братьями и сестрами и в большинстве своем сумели подняться до

нынешних высот совсем недавно – после замужества Роуан Мэйфейр, новой наследницы невероятно огромного состояния семейства, которая незадолго до этого вступила в свои права. Но волею странного происшествия, имевшего место в рождественскую ночь, все они были столь же быстро низвергнуты едва ли не в самые глубины ада. Гиффорд крайне беспокоило и здоровье Майкла Карри, который до сих пор не оправился от сердечного приступа, случившегося как раз двадцать пятого декабря. Увидев его в конце января, она пришла к выводу, что бедняга за один месяц постарел лет на десять.

Конечно, все собрались в семейном особняке на Марди-Гра не ради дани традиции, а исключительно от отчаяния. Они пытались сохранить оптимизм и бодрость духа, которые, казалось, уже невозможно было обрести после того кошмара. Но какую дурную услугу они оказали Майклу! Неужели всем было наплевать на то, что он чувствовал? Нетрудно представить, какво человеку, которого бросила жена, попасть в окружение толпы ее родственников, тем более если они ведут себя так, будто ничего не произошло. Впрочем, это было весьма характерно для семейства Мэйфейр. Неискренние рассуждения, дурные манеры, извращенная мораль – все это представлялось как возвышенные идеалы, достойные всеобщего почитания, и становилось стержнем любого семейного торжества.

«Я родилась не человеком, а членом семейства Мэйфейр, – размышляла Гиффорд. – И замуж я вышла за Мэйфейра, и родила Мэйфейров, и, уж конечно, умру тоже как истинная Мэйфейр. Все придут на мои поминки и будут лить слезы, как это принято у Мэйфейров. Чего же тогда стоит моя жизнь?» В последнее время подобные мысли часто посещали Гиффорд, но исчезновение Роуан отодвинуло их на второй план. Сколько еще ей удастся протянуть? И почему она в свое время не отговорила Роуан и Майкла от женитьбы? Почему хотя бы не убедила их уехать из этого дома и даже из Нового Орлеана?

Особую проблему представлял Мэйфейровский медицинский центр – огромный исследовательский комплекс, который создавался по инициативе и при активном участии Роуан. К его созданию с большим энтузиазмом отнеслись сотни членов их огромного семейства – и особенно старший и любимый сын Гиффорд, Пирс, который теперь страшно сокрушался по поводу того, что медицинский центр, наряду со всем, что имело отношение к Роуан, попал в неизвестно чьи руки. Дочь Шелби тоже пребывала в глубоком расстройстве, несмотря на то что еще училась в юридическом колледже и была довольно далека от этих дел. Даже Лилия, младшая и наиболее отдалившаяся от семьи дочь Гиффорд, которая находилась сейчас в Оксфорде, писала домой, что необходимо любой ценой продолжить создание медицинского центра.

Вспомнив об этом, Гиффорд почувствовала, что ее охватило волнение. Нарисовав себе всю картину целиком, она не на шутку испугалась и пришла к выводу, что необходимо приступить к более активным действиям. Искать, раскрывать, разоблачать!

К тому же ее беспокоила судьба Майкла. Кто знает, что ждет его впереди? Правда, врачи утверждали, что он поправится. Но как сообщить ему, насколько плохо обстоят дела на самом деле? Такие вести могут вызвать у него очередной сердечный приступ. И не исключено, что на этот раз он окажется смертельным.

Итак, наследство Мэйфейров разрушило еще одну невинную душу, с горечью подумала Гиффорд. Неудивительно, что им приходится заключать браки между близкими родственниками. По крайней мере, это позволяет не втягивать в пучину несчастий ни в чем не повинных людей. Чтобы заключить союз с кем-либо из Мэйфейров, нужно быть Мэйфейром самому. Потому что их руки по локоть в крови.

Мысли о том, что Роуан в опасности, что ее заставили бежать в ту рождественскую ночь, что с ней что-то случилось, была слишком невыносимой для Гиффорд. Тем не менее она совершенно не сомневалась, что все обстояло именно так. И что с Роуан случилось нечто очень плохое. Это ощущение испытывали все. А главное, так считала Мона, племянница Гиффорд. А если Мона что-то чувствовала, на это стоило обратить внимание. Девочка не отличалась особой впечатлительностью и никогда не хвасталась тем, что видела призраков на Сент-Чарльз-авеню. Так вот, на прошлой неделе Мона заявила, что не следует рассчитывать на возвращение Роуан и, если кто-то заинтересован в создании медицинского центра, следует продолжать это дело без нее.

«Подумать только, – тогда улыбнулась про себя Гиффорд, – достойнейшая из достойных фирма „Мэйфейр и Мэйфейр“, которая представляет интересы всех Мэйфейров, прислушивается к словам тринадцатилетнего подростка». Как ни странно, но это было истинной правдой.

Больше всего Гиффорд сожалела о том, что в свое время не свела Мону с Роуан. Может быть, Мона сумела бы почувствовать неладное и заблаговременно предупредить об этом остальных. Гиффорд вообще сожалела о многом. Временами ей казалось, что вся ее жизнь состояла из одних только охов и раскаяний. За фасадом ее внешнего благополучия: прекрасный, словно сошедший с картинки дом в Метэри, замечательные дети, красавец-муж, ее собственная привлекательность южной аристократки – не было ничего, кроме сожаления, как будто ее жизнь была построена на фундаменте огромной подземной тюрьмы.

Гиффорд ожидала самого худшего: вести о том, что Роуан мертва. Впервые за сотни лет у семьи не было законной претендентки на наследство. Ох уж это наследство. После того как Гиффорд прочла длинное повествование Эрона Лайтнера, она уже не могла испытывать прежних чувств к наследию семьи. Интересно, где находится драгоценное ожерелье? Наверняка ее предусмотрительный муж Райен припрятал его в надежном месте. Вероятно, там же, где хранил рукопись этой ужасной «истории» семьи. Гиффорд не могла простить ему неосторожности, из-за которой длинное исследование Таламаски, раскрывавшее семейную тайну, попало в руки Моны. Теперь девочке известно о передающемся из поколения в поколение даре ведьмовства.

А может быть, Роуан сбежала вместе с ожерельем? Гиффорд вдруг вспомнила о еще одном, хотя и менее значительном поводе для сожаления: она позабыла отослать Майклу медаль.

Через два дня после Рождества, когда детективы и следователь полиции осматривали дом изнутри, а Эрон Лайтнер и его напарник Эрик... – как бишь его там? – собирали образцы крови, залившей ковер и стены, Гиффорд случайно заметила валяющуюся возле бассейна медаль.

– Ты хоть понимаешь, что они и об этом напишут в своем исследовании? – возмущалась в разговоре с мужем Гиффорд, имея в виду труд Лайтнера.

Но Райен и слушать ее не хотел.

Еще бы! Эрону Лайтнеру доверяли все. А Беатрис, судя по всему, вообще в нем души не чаяла. Чего доброго, она еще и замуж за него выскочит.

Находкой Гиффорд была медаль, а правильнее сказать, орден Святого Архангела Михаила, великолепный старинный серебряный экземпляр на порванной цепочке. Гиффорд украдкой сунула его в свою сумочку и собиралась отдать Майклу, когда он вернется домой из больницы. Ей хотелось избавить его от лишнего расстройств. Однако после Гиффорд

почему-то совершенно об этом забыла. Наверное, надо было перед отъездом отдать орден Райену? Но кто знает, какие воспоминания он мог пробудить в душе Майкла. Не исключено, что орден был на нем в то самое Рождество, когда он чуть не утонул в бассейне. Бедняга...

Дрова в камине громко трещали, и мягкое, умиротворяющее мерцание огня разливалось по пологому потолку. Только сейчас Гиффорд обратила внимание на тихий шум прибоя, который оставался таким на протяжении целого дня. Иногда в Мексиканском заливе царил полный штиль. Интересно, бывало ли такое затишье на побережье океана? Гиффорд любила рокот волн. Ей нравилось, когда они в темноте обрушивались на берег, словно предупреждая о своем намерении завладеть новой территорией – отрезком суши вместе со стоявшими на берегу пляжными домиками, особняками и припаркованными автофургонами. Не иначе как они служили первыми ласточками предстоящего урагана и мощной приливной волны, которые беспощадно сметут с песчаной земли все, что попадется им на пути. И если кому-то пока еще случайно удастся выйти из такой переделки невредимым, этой участи им все равно не избежать.

Гиффорд с упоением размышляла о бушующем море. Она всегда хорошо засыпала под грохот шторма. Природа никогда не служила источником ее страхов и несчастий. Нет – все они брали свое начало исключительно в легендах и преданиях окутанного тайной прошлого семьи. И этот дом она любила главным образом за его хрупкость – за то, что ураган в два счета мог разнести его в щепки и разметать по округе словно колоду карт.

Днем Гиффорд совершила прогулку вдоль берега, чтобы посмотреть на дом, который недавно купили Майкл и Роуан. Он стоял южнее, в нескольких милях от ее убежища, и, естественно, представлял собой вполне современное строение на сваях, свысока смотрящее на пустынную полосу пляжа. Разумеется, никаких признаков жизни Гиффорд в этом доме не обнаружила.

Вид этого места почему-то оказал на нее довольно удручающее впечатление, от которого она долго не могла избавиться. Возвращаясь назад, она вспоминала о том, как Роуан и Майкл провели здесь свой медовый месяц, а также о том, как полюбился им этот дом. Правда, собственное прибрежное жилище приходилось ей по душе гораздо больше, и она лишней раз порадовалась тому, что оно было низким, а от залива его защищала невысокая и неприметная с берега дюна. В последнее время никто уже не строил таких домов. А Гиффорд очень ценила его именно за уединенность и гармоничное единение с пляжем и водой. Ей нравилось, что можно было выйти за дверь, сделать всего три шага по дорожке и сразу же оказаться на песчаном берегу, откуда было рукой подать до кромки моря.

В сущности, залив ничем не отличался от моря. Шумный или тихий, он все равно был огромным и безбрежным, каким бывает только настоящее море. И простирался на юг до самого горизонта, если вообще не до самого края земли.

Через час должна была наступить первая среда Великого поста. Гиффорд ждала ее прихода с таким напряжением и нетерпением, будто это был час ведьмовства. В глубине души она давно затаила обиду на праздник Марди-Гра, который никогда не делал ее счастливой. Более того, обыкновенно он приносил ей гораздо больше печалей, чем она была способна вынести.

Хорошо бы проснуться на следующий день, когда все уже окажется позади! Гиффорд с таким предвкушением ожидала наступления поста, словно от него зависел приход весны. Заранее разведя огонь, она улеглась на кушетку и, чтобы как-то скоротать ближайший час, отдалась своим размышлениям. Ей нужно было хотя бы чем-то себя занять, чтобы не считать

медленно тянущиеся минуты и не терзаться угрызениями совести из-за того, что она проигнорировала общество своей семьи, собравшейся в особняке на Первой улице, а значит, ничего не предприняла для предотвращения беды. Неожиданно она ощутила досаду на тех, кто всегда мешал ей воплотить в жизнь свои благие намерения, кто не мог отличить истинную угрозу от ложной и пропускал мимо ушей все, что говорила Гиффорд.

Нужно было предупредить Майкла Карри, размышляла она, а также Роуан Мэйфейр. *Но они ведь сами читали семейную историю. И должны были все знать!* Дом на Первой улице еще никому не принес счастья. Зря они туда переселились. В этом состояла их роковая ошибка. Зло обитало в каждом кирпиче, в каждом кусочке известки этого дома. В нем коротали свой век тринадцать ведьм, не говоря уже о том, что на чердаке до сих пор хранились вещи Джулиена. В этих вещах затаилось зло. словно осиные гнезда, спрятанные в капителях коринфских колонн, оно облепило весь особняк вместе с его потолками, навесами и карнизами. Это был дом без надежд и без будущего. Гиффорд всегда это знала.

Чтобы это утверждать, ей не нужны были никакие исследователи из Таламаски, прибывшие из Амстердама. То, что она знала, не прочтешь ни в одной книге.

Причем осознание опасности пришло к ней с первым посещением дома, когда, еще маленькой девочкой, ее привела туда любимая бабушка Эвелин. Ее уже тогда называли Старухой, потому что ей было много лет, а в семье Мэйфейр к тому времени появились несколько молодых Эвелин. Одна из них вышла замуж за Чарльза Мэйфейра, другая – за Брюса. Однако об их дальнейшей судьбе Гиффорд ничего не было известно.

Итак, они с бабушкой пришли на Первую улицу, чтобы навестить тетушку Карлотту и бедную Дейрдре Мэйфейр, как всегда восседавшую на своем троне – в кресле-качалке. Гиффорд тогда увидела знаменитое привидение, причем удивительно ярко и отчетливо. Им оказался мужчина, все время стоявший у кресла Дейрдре. Заметила его и бабушка Эвелин – в этом у Гиффорд не было никаких сомнений. А тетушка Карлотта, эта строгая и высокомерная дама с норовистым характером, без умолку болтала с ними в мрачной гостиной, будто никакого призрака и в помине не было.

Что же касается Дейрдре, то к тому времени она уже практически впала в невменяемое состояние.

– Бедное дитя, – посетовала тогда бабушка Эвелин. – Джулиен все это предвидел.

Это была одна из тех фраз, которые часто повторяла Старуха Эвелин, но всегда наотрез отказывалась давать им объяснения. Позже она сказала своей внучке Гиффорд:

– Дейрдре пришлось познать всю горечь жизни и не довелось испытать ни капли радости от принадлежности к нашему семейству.

– А разве в этом есть радость? – спросила тогда Гиффорд. Тот же вопрос задавала она себе и сейчас.

Гиффорд казалось, что под словом «радость» Старуха Эвелин подразумевала нечто такое, что хранили в себе старые пластинки и фотографии, на которых были запечатлены она и дядюшка Джулиен. На одной из них они – оба в белых плащах и темных очках – сидели летним днем в машине. На другой – стояли под дубами в парке Одубон. Третья фотография была сделана в комнате Джулиена на верхнем этаже...

После смерти Джулиена Эвелин провела десять лет в Европе вместе со Стеллой. У нее там были какие-то «дела», при упоминании о которых Старуха Эвелин всегда принимала торжественный и серьезный вид.

Когда бабушка Эвелин еще не прекратила говорить, она с большим удовольствием

делилась впечатлениями своей далекой молодости. Помнится, прежде чем поведать ту или иную историю, она понижала голос до таинственного шепота. В особенности она любила рассказывать о том, как Джулиен затащил ее в постель, когда ей было тринадцать, и как он, явившись на Амелия-стрит, кричал без умолку перед окнами ее дома: «Эвелин, спускайся, спускайся!» – пока дедушка Уолкер не выпустил внучку из спальни на чердаке, куда сам же ее и запер.

Отношения между дедушкой Эвелин и Джулиеном не сложились из-за имевшего место в прошлом несчастного случая. Это произошло на Ривербенде, когда Джулиен был еще мальчишкой и из-за неосторожного обращения с оружием стал невольным убийцей своего двоюродного брата Августина. Внук Августина поклялся, что на всю жизнь возненавидит того, кто застрелил его предка. Правда, в семье Мэйфейр предки у всех были практически одни и те же. Ветви их фамильного древа настолько тесно переплетались друг с другом, что стали подобны колючей лозе, наглухо заплонившей окна и двери замка Спящей красавицы.

Как ни удивительно, но тринадцатилетняя Мона сумела отлично разобраться во всех хитросплетениях. С помощью компьютера она восстановила семейное древо и в доказательство тому совсем недавно с гордостью заявила, что на ней соединяется больше линий, нисходящих от Джулиена и Анжелики, чем на ком-либо еще. Очевидно, нет смысла напоминать, что все эти линии вели свое начало от древних Мэйфейров, живших на Сан-Доминго. Всякий раз, когда Гиффорд вспоминала об этом, ей становилось не по себе. Она беспокоилась за Мону. Уж лучше бы девочка уделяла больше внимания своим сверстникам и интересовалась одеждой, а не жизнеописанием семьи, компьютерами, гоночными машинами и оружием.

– Неужели эта история с ружьем ничему тебя не научила? – в свое время увещевала Мону Гиффорд. – Все беды начались именно с проклятого ружья. Из-за него между нами и Мэйфейрами с Первой улицы образовалась глубочайшая пропасть.

Но разве могли какие-то аргументы тетушки Гиффорд остановить Мону, одержимую как в большом, так и в малом? Пять раз Гиффорд поддавалась на уговоры племянницы пойти в проклятый стрелковый тир, который находился на другой стороне реки. Той, видишь ли, позарез хотелось научиться стрелять из большого револьвера тридцать восьмого калибра. Тетушку приводили в ужас подобные увлечения племянницы. Тем не менее она предпочитала уступить Моне, дабы не волноваться из-за того, что та занимается неизвестно чем без пригляда взрослых.

К тому же увлечения девушки почти всегда находили одобрение у Райена. Более того, после нескольких посещений тетушкой Гиффорд тира, где она обучалась стрельбе вместе с племянницей, муж заставил ее на всякий случай держать оружие в машине. А также уговорил принести пистолет в дом.

Моне еще многое предстояло узнать. Интересно, рассказывала ли ей бабушка Эвелин свои истории? Подчас она нарушала молчание. Ее голос с прежних времен не изменился, поэтому при желании она, как старшина племени, могла затянуть песнь про ушедшие в прошлое времена.

– Я бы умерла на этом чердаке, если бы не Джулиен. Этот молчаливый безумец, бледный, как цветок, который никогда не видел солнца, сделал мне ребенка. И этим ребенком стала твоя мать, которой была уготовлена такая печальная участь.

– Но почему, почему дядюшка Джулиен сотворил это с такой молоденькой девочкой? Гиффорд только раз задала бабушке Эвелин этот вопрос, и ответ оказался для нее столь

неожиданным, что до сих пор звучал у нее в ушах словно гром:

– Гордись тем, что в твоих жилах течет кровь Мэйфейров. Гордись. Потому что Джулиен все предвидел. Линия наследственности стала терять свою силу. К тому же я любила Джулиена. А Джулиен любил меня. Только не пытайся понять этих людей – Джулиена, Мэри-Бет и Кортланда. Они были своего рода гигантами. Таких на земле больше нет.

Гиганты на земле. Кортланд, сын Джулиена, был отцом бабушки Эвелин, хотя она никогда этого не признавала, а Лаура Ли – ребенком Джулиена! Господи! Гиффорд никогда не могла проследить линии наследственных связей без помощи ручки и бумаги, да, честно говоря, ей никогда особенно не хотелось это делать. Гиганты на земле! Скорее дьяволы из преисподней.

– О, как здорово! – восторгалась Алисия, слушая эти истории. Она всегда не без удовольствия подтрунивала над страхами Гиффорд. – Продолжай, бабушка Эвелин. Рассказывай, что было потом. Что случилось со Стеллой?

К тринадцати годам Алисия уже испытывала страстную тягу к спиртному. Хотя она была такой же худой и хрупкой, как Гиффорд, выглядела Алисия гораздо старше своих лет. Она прожигала жизнь в городских барах, напиваясь до умопомрачения со всякими подозрительными мужчинами. Чтобы хоть как-то усмирить непокорную, дедушка Филдинг решил выдать ее замуж за Патрика. И как только его угораздило выбрать именно его! Как оказалось впоследствии, это была плохая идея, несмотря на то что дедушка действовал из лучших побуждений.

«И все эти люди – мои родственники... – с горечью размышляла Гиффорд. – Сестра, вышедшая замуж за своего сколько-то там раз двоюродного брата Патрика... Одно можно сказать наверняка, хотя Мона рождена от родителей-алкоголиков, да к тому же и состоявших между собой в кровном родстве, она далеко не идиотка. И пусть девочка слегка не вышла ростом, или, как говорят в таком случае на Юге, немного petite,^[21] во всех остальных отношениях ей крупно повезло. Она умница, и быть неудачницей ей явно не грозит».

Пожалуй, Мону можно назвать самой хорошенькой из всех Мэйфейров во все времена. И кроме того, самой умной, самой беспечной и самой воинственной. Что бы Мона ни вытворяла, тетя Гиффорд не переставала ее любить. И не могла без улыбки вспоминать о том, как они стреляли в тире и в наушниках слышался голос Моны:

– Давай, тетя Гиффорд, давай! А вдруг это тебе когда-нибудь здорово пригодится? Давай, держи двумя руками!

О том, что Мона была не по годам взрослой девушкой, свидетельствовала ее ранняя сексуальная зрелость. Она вбила себе в голову, что должна познать как можно больше мужчин. От одной только мысли о столь безумной идее Гиффорд начинало трясти. Правда, несмотря на то что она старалась уберечь племянницу от нежелательных последствий подобного поведения, следовало признать, что сожаления скорее были достойны мужчины, ненароком привлечшие внимание девушки, чем она сама. В этом вопросе Мона воистину была бессердечной. Что она сделала с бедным Рэндаллом! Хотя Гиффорд так и не добила ни от одного из них объяснений, было вполне очевидно, кто из них двоих стал инициатором случившегося. Наверняка Мона сама обольстила старика, после чего утратила к нему всяческий интерес. Теперь при одном упоминании имени Моны с ним случался едва ли не апоплексический удар. Он начинал клясться и божиться, что никогда в своей жизни мухи не обидел, не то что ребенка. Как будто кто-то грозился упрятать его в тюрьму!

Кстати сказать, Таламаска с ее выдающимися учеными ничего не знала о Моне. Равно

как не знала о Старухе Эвелин и дядюшке Джулиене. Да, действительно, они понятия не имели о маленькой девочке, их современнице, которой было уготовано стать настоящей ведьмой. И это далеко не преувеличение.

Гиффорд размышляла об этом со смущением и одновременно с удовлетворением. Значит, о том, что представлял собой на самом деле дядюшка Джулиен, почему он застрелил Августина и оставил после себя столько внебрачных детей, членам Таламаски было известно не больше, чем членам семейства.

Значительную часть истории семьи, которую составили члены Таламаски, Гиффорд считала совершенно неприемлемой. Какие-то привидения, духи... Подобные вещи вызывали у Гиффорд откровенное отвращение. Она запретила Райену распространять этот документ. Но, к сожалению, его успели прочитать сам Райен, Лорен и Рэндалл. И что хуже всего, его полностью прочла Мона, как-то раз тайком стащив бумаги со стола.

Правда, что касается Моны, то за нее не было нужды беспокоиться: она умела отличать реальность от фантазии. Другое дело – Алисия, которая напрочь лишена такой способности и поэтому и спилась. Большинство Мэйфейров не знали границы реальности, в том числе и муж Гиффорд, Райен. В своем отрицании всего сверхъестественного или заведомо дьявольского он был так же далек от истины, как старая колдунья, которая везде видит одних только духов.

Но Мона обладала трезвым умом. В прошлом году, позвонив Гиффорд, чтобы объявить ей, что уже утратила девственность, Мона сообщила, что факт дефлорации для нее не имел никакого значения и что самым важным для себя аспектом этого действия она считала изменение собственных взглядов на мир. А потом как бы невзначай добавила:

– Я принимаю противозачаточные таблетки, тетя Гиффорд, и слежу за циклом. Мне пора начинать открывать для себя мир, набираться опыта и все такое прочее. Или, как говорит бабушка Эвелин, «испить свою чашу». Но мне совсем не безразлично собственное здоровье.

– Ты можешь отличить правду от лжи, Мона? – спросила у нее Гиффорд. В глубине души она немного завидовала племяннице, и от избытка чувств у нее на глазах выступили слезы.

– Да, могу, тетя Гиффорд. Ты же знаешь, что могу. К тому же сегодня я еще провела генеральную уборку во всем доме. Вылизала его так, что все блестит. Кроме того, уговорила маму и папу пообедать, пока они не начали очередную ночную попойку. Словом, у нас все тихо и спокойно. Бабушка Эвелин сегодня разговаривала. Сказала, что хочет сидеть на террасе и смотреть на проезжающие машины. Так что за меня не волнуйся. У меня все схвачено.

Все схвачено! Вскоре после этого разговора Мона сделала странное признание Пирсу, которое наверняка было заранее выдуманной ложью:

– Знаешь, а мне даже нравится то, что они не просыхают от пьянства. Нет, я не хочу, чтобы с ними что-то случилось, чтобы они на моих глазах упились до смерти или что-нибудь в этом роде. Пусть себе живут. Зато когда они пьяны, я свободна как птица. Терпеть не могу, когда приходит какой-нибудь сердобольный родственник и начинает меня расспрашивать, когда я ложусь спать и приготовила ли я уроки... А я могу гулять хоть по всему городу. И никому нет до меня никакого дела.

Ее откровение слегка позабавило Пирса. Как ни странно, Мону он обожал, хотя в его вкусе были создания, скажем так, более невинные и жизнерадостные – такие как его невеста и одновременно двоюродная сестра Клэнси Мэйфейр.

Даже если не принимать во внимание буквальное значение слова, Мона отнюдь не невинное существо. Все дело в том, что у нее имелась своя философия: никогда не считать себя плохой и не делать ничего дурного. В остальном – полная свобода. Можно сказать, Мона всегда была своего рода язычницей.

А свободой она и в самом деле пользовалась. И распоряжалась ею в соответствии со своими языческими представлениями. Она даже заранее просчитала, когда ей следует перейти к активной сексуальной деятельности. Вскоре после того, как она начала воплощать свое намерение в жизнь, тетушке Гиффорд постоянно сообщали о ее многочисленных связях.

– А ты знаешь, что ребенок обожает заниматься этим делом на кладбище?! – кричала в трубку Сесилия.

Но что Гиффорд могла сделать? Она и так пропадала в доме Моны почти постоянно, так что Алисию от одного ее появления уже начинало тошнить. Мать Моны рада была не пускать Гиффорд на порог, но не тут-то было. Что же касается бабушки Эвелин, то она не имела обыкновения делиться с кем бы то ни было тем, что видела или не видела.

– Я рассказала тебе все о моих парнях, – однажды завершила ее Мона. – Поэтому можешь на этот счет больше не волноваться!

По крайней мере, бабушка Эвелин перестала потчевать их целыми сутками историями о том, как они с Джулиеном танцевали под виктролу. И возможно, из-за ее молчания Моне ни разу не довелось слышать о связи ее прабабушки со Стеллой. И неудивительно. Об этом не пронюхал даже хитроумный Лайтнер! В его документах ни словом не упоминалось о том, что Стелла состояла в сексуальных отношениях с женщинами!

– Это были лучшие годы моей жизни, – с упоением рассказывала бабушка Эвелин своим дочерям. – Это случилось с нами в Европе, а точнее, в Риме. Даже не помню, где находились в это время Лайонел и эта противная нянька. Наверное, она вышла погулять с Антой. Ничего подобного у меня больше никогда и ни с кем не было. Иное дело – Стелла. В первую же нашу ночь она рассказала мне о своих связях с женщинами. Сколько их было всего, сосчитать невозможно. Она говорила, что любовь с женщиной подобна верхушкам сливок. И я с ней вполне согласна. Попадись мне на моем веку еще такая женщина, как Стелла, я вновь отдала бы ей свое сердце. Помнится, после возвращения из Европы мы вместе поселились во Французском квартале. Стелла снимала там небольшую квартиру. Мы лежали с ней на огромной кровати, ели устрицы с креветками и пили вино. О, до чего быстро пролетели эти недели в Риме!..

Потом у них зашел разговор о виктроле, которую Джулиен подарил юной Эвелин. Стелла все поняла и никогда не просила ее вернуть. Не то что Мэри-Бет. Та как-то раз пришла на Амелия-стрит и заявила:

– Отдай мне виктролу Джулиена.

Джулиен умер всего шесть месяцев назад, а Мэри-Бет уже как ураган начала рыскать по его комнатам.

– Я, конечно же, не отдала ей виктролу, – сказала бабушка Эвелин.

Потом она привела Гиффорд и Алисию в свою комнату и завела виктролу. Они слушали старые песни, а также арии из «Травиаты».

– Эту оперу мы со Стеллой слушали в Нью-Йорке. Как я любила Стеллу!

– Дорогие мои, – обратилась она однажды к Алисии, Гиффорд и Моне, которые были тогда, по-видимому, слишком молоды, чтобы суметь ее понять, – рано или поздно вы должны познать нежную и драгоценную любовь другой женщины. Не будьте глупыми. В этом нет

ничего неестественного. Такая любовь подобна кусочку сахара в вашей чашке с кофе. Она все равно что клубничное мороженое. Или чистейший шоколад.

Неудивительно, что после таких рассказов Алисия превратилась в настоящую потаскуху. Она не отдавала себе отчета в том, что делала. В ее постели перебивали почти все моряки, сходявшие на берег в увольнение, и целая армия солдат. Она спала со всеми подряд, пока Патрик не взялся за ее перевоспитание.

Их первая ночь превратилась в сплошную попойку, а на рассвете Патрик объявил, что берет Алисию на поруки. Он обещал позаботиться о маленьком несчастном создании, заблудшей овце. Вскоре она забеременела от него Моной. Это были веселые годы, наполненные шампанским и смехом. Теперь же от былой романтики не осталось и следа: они оба превратились в обыкновенных пьяниц. Не осталось ничего хорошего, кроме Моны.

Гиффорд взглянула на часы, золотые наручные часики, которые ей подарила Старуха Эвелин. Осталось меньше часа до конца Марди-Гра. Ровно в полночь наступит среда Великого поста, и тогда ей можно будет вернуться домой, в Новый Орлеан.

Она подождет до утра, а то и до полудня. Затем, невзирая на жуткое встречное движение, поедет в Новый Орлеан и часам к четырем уже будет на месте. По дороге она остановится в Мобиле, у церкви Святой Сесилии, чтобы поклониться предкам. Одно только воспоминание об этой церквушке, а также о святых и ангелах принесло ей успокоение, и она смежила веки. Пусть прах остается прахом. Еще один час – и она сможет отправиться домой.

Райен не мог понять, отчего жена так сильно боится праздника Марди-Гра.

– Причина в том, что все вы соберетесь в доме на Первой улице, – отвечала она, – и будете делать вид, что с Роуан ничего не произошло. Вот это меня и пугает больше всего.

Она опять вспомнила про орден и дала себе слово, что позже проверит, лежит ли он по-прежнему в ее сумочке.

– Ты должна понимать, что означает для семьи этот дом, – с укором произнес Райен.

Ох уж этот Райен! Нашел кому говорить! Будто она сама этого не знала. Будто она не росла в десяти кварталах от злополучного особняка и изо дня в день не слушала истории из уст бабушки Эвелин.

– Я сейчас имею в виду не предания о Мэйфейрских ведьмах, а только нашу семью в целом, – оправдывался он.

Гиффорд откинула голову на спинку кушетки. Ах, как было бы здорово остаться в Дестине навсегда! Но это невозможно. И никогда возможным не станет. Дестин был для нее убежищем, но не домом. Дестин был всего лишь пляжем и домиком с камином.

Неожиданно раздался пронзительный звонок телефона. Маленький белый аппарат спрятался среди подушек, так что она долго не могла его найти. На другом конце уже собирались дать отбой, когда Гиффорд наконец сняла трубку.

– Гиффорд слушает, – усталым голосом проговорила она.

Слава богу, это был Райен.

– Не разбудил тебя?

– Нет, – тяжело вздохнув, ответила она. – Разве я могу уснуть? Я вся в ожидании. Расскажи, как все прошло. Нормально? Как Майкл? Ему лучше? И вообще, я надеюсь, ничего больше не произошло... Или...

– Гиффорд, ради бога! Скажи на милость, о чем ты думаешь, когда вот так говоришь? Уж не внушила ли ты себе, что твои тревожные вопросы могут изменить то, что уже все равно состоялось? Ну, допустим, тебе удастся поразить меня своими чарами. И какой в этом толк?

Хочешь услышать дежурные слова, которые всегда готовы сорваться с моих уст? А что еще мне остается делать? Ласково и осторожно поведать тебе о том, что кого-то насмерть затоптали полицейские или перемололи лопасти парома?

У Гиффорд отлегло от сердца. Она уже поняла, что все в порядке. Ничего плохого не произошло. И могла бы спокойно повесить трубку, если бы Райен со свойственной ему большой деликатностью не пустился в рассказы о всякой всячине, свидетелем которой ему довелось стать. Он стал перечислять ей все забавные случаи, которые произошли на празднике. На самом деле суть его рассказов сводилась к одной-единственной фразе: «Все прошло прекрасно, и ты, глупая, зря не осталась в городе».

– После двадцати шести лет совместной жизни ты так и не научился понимать, о чем я думаю... – нерешительным тоном начала она.

Ей не хотелось сейчас ни вступать с ним в спор, ни вообще продолжать разговор. Теперь, когда Марди-Гра наконец закончился, она вдруг ощутила страшное утомление.

– Нет, черт побери. Я в самом деле не знаю, о чем ты думаешь, – ровным голосом ответил он. – Равно как не знаю, почему ты сейчас во Флориде, а не здесь, среди нас.

– Ну ладно. Что там у тебя еще? – мягко спросила Гиффорд.

– У Майкла все хорошо. Как, впрочем, и у всех остальных. Джин досталось больше бусин, чем кому-либо другому из нашей семьи. Малышка Си-Си получила приз за лучший костюм. А Пирс готов прямо сейчас идти с Клэнси под венец! Если ты хочешь, чтобы твой сын не наделал глупостей и все произошло как полагается, по всем правилам, то лучше поскорее приезжай и обсуди с матерью Клэнси все, что касается подготовки к предстоящей свадьбе. Меня она определенно слушать не желает.

– Ты сказал ей, что расходы на организацию свадебной церемонии мы берем на себя?

– Нет, до этого вопроса я не дошел.

– Так дойди. Именно это она хочет от тебя услышать. Послушай, расскажи мне о Майкле. Что вы говорили ему о Роуан?

– Почти ничего. Во всяком случае, мы старались эту тему не затрагивать.

– Слава богу.

– Видишь ли, он еще недостаточно окреп, чтобы выслушать всю историю целиком.

– А кто ее вообще знает целиком? – с горечью в голосе произнесла Гиффорд.

– Однако мы собираемся ему все рассказать, Гиффорд. Долго так продолжаться не может. Нельзя все время держать его в неведении. Он должен все узнать. Физически он уже почти здоров. Правда, не могу того же сказать о здоровье душевном. Да и никто не может. Выглядит он... каким-то не таким, как раньше. Он очень изменился.

– Постарел, ты хочешь сказать? – печальным тоном осведомилась Гиффорд.

– Нет, но изменился. И дело не в том, что теперь у него волосы с проседью. Изменилось выражение его глаз. И его поведение. Он стал чересчур мягок, спокоен и выдержан в общении со всеми.

– Не нужно его волновать, – посоветовала Гиффорд.

– Можешь целиком положиться на меня. – Это была одна из излюбленных фраз Райена, которую он всегда произносил с подчеркнутой нежностью. – Береги себя. И не заходи в воду одна.

– Райен, о чем ты говоришь? Вода уже просто ледяная. Чтобы не мерзнуть в доме, мне приходится целый день топить камин. Правда, погода стоит тихая и ясная. На небе ни облачка. Подчас мне кажется, что я могла бы остаться тут навсегда. Прости меня, Райен. Я не

могу заставить себя переступить порог особняка, не могу даже приблизиться к Первой улице.

– Знаю, Гиффорд, знаю. Но уверяю тебя, дети сказали, что в этом году у нас был самый лучший Марди-Гра. Всем очень нравятся наши сборища на Первой улице. В течение дня там побывали все Мэйфейры. Представляешь, в этом году на праздник прибыли шестьсот или семьсот человек. Честно говоря, я сбился со счета. Помнишь Мэйфейров из Дентона, из Техаса? Так вот. В этом году приехали даже они. А Грейди из Нью-Йорка, помнишь? Все-таки Майкл молодчина. Хорошо, что он не нарушил традиции. Гиффорд, не принимай это в упрек, но если бы ты видела, как все было здорово, ты бы меня поняла.

– А как Алисия? – любопытствовала Гиффорд, имея в виду, протрезвела ли она. – С ней и Патриком тоже было все хорошо?

– До дома Майкла Алисия не дошла. К трем часам она уже была в своей обычной форме. Патрик тоже на банкет не явился. Ему было плохо. Нам пришлось оказать ему небольшую медицинскую помощь.

Гиффорд вздохнула. Она надеялась услышать, что Патрик умер. Она вполне отдавала себе отчет в своих чувствах. К чему врать самой себе? Патрик всегда был ей не по душе. Пьяница и развратник, он находил особое удовольствие в том, чтобы придирается к жене и дочери. Для Моны он был почти что пустым местом. «Я не уважаю отца», – хладнокровно заявляла та. Но над Алисией муж имел какую-то необъяснимую, странную власть.

– Ну так как у Патрика дела? – переспросила Гиффорд, надеясь, что тот упал и сломал себе шею или что с ним случилось что-нибудь в этом роде, а Райен не хотел ей об этом сообщать.

– Он сцепился с Беатрис. Кажется, из-за Моны. Он был так пьян, что вряд ли наутро вспомнит, из-за чего, собственно говоря, они завелись. После шествия его отвезли домой. Ты ведь в курсе того, как Беа озабочена судьбой Моны. Так вот она все еще настаивает на том, чтобы послать ее в школу на полный пансион. А знаешь, что произошло между Беа и Эроном? Вивиан, тетушка Майкла, сказала...

– Знаю, знаю, – вздохнув, перебила его Гиффорд. – Ты думаешь, что исследование нашей семьи кое-чему его научит.

Райен вежливо рассмеялся:

– О, забудь ты эту чепуху. Если бы ты не думала обо всех этих глупостях, ты могла бы быть здесь, с нами и так же, как мы, веселиться. Одному богу известно, как пойдут у нас дела, если вдруг отыщется Роуан. Возможно, это будет только к худшему.

– Что ты имеешь в виду?

– У нас появятся проблемы. Настоящие проблемы. Послушай, я сейчас слишком устал, чтобы снова обсуждать случившееся. С тех пор как исчезла Роуан, прошло шестьдесят семь дней. Меня вымотали переговоры с детективами, которые звонят мне из Цюриха, Шотландии, Франции. Словом, оставим сейчас эту тему. На Марди-Гра было весело. Мы все собрались вместе. Знаешь, Беа, пожалуй, права. Мону надо отправить в школу. Ты так не считаешь? В конце-то концов, она и вправду одаренный ребенок. Настоящий гений.

Гиффорд хотела ему ответить. Она хотела сказать, что Мона не вернется в школу, как бы ее к этому ни принуждали. Она просто-напросто сбежит оттуда, сядет в первый попавшийся самолет, поезд или автобус и отправится напрямик домой. Ничто и никто не сможет заставить Мону вновь посещать школу! Если школа будет в Швейцарии, девочка вернется домой через сорок восемь часов. А если в Китае, она вернется, наверное, еще скорее. Однако

Гиффорд ничего не стала говорить. Она вновь ощутила болезненно приятное чувство любви к племяннице и страстную веру в то, что она никогда не пропадет.

Однажды Гиффорд спросила Мону:

– Чем отличаются мужчины от женщин?

– Мужчины не знают, что может случиться. И поэтому счастливы, – ответила Мона. – Но женщины предвидят все, что может произойти. Поэтому всегда волнуются.

Гиффорд тогда от души рассмеялась. Среди замечательных воспоминаний о детстве Моны Гиффорд хранила в памяти еще один трогательный эпизод. Моне тогда было всего шесть лет. Пьяная Алисия упала у входа на террасу на правый бок, прижав к земле карман с ключом от дома, так что Мона не смогла его достать. Тогда девочка взобралась снаружи на второй этаж и каблуком своей туфельки аккуратно пробила маленькое отверстие в окне, чтобы дотянуться рукой до задвижки. Конечно, все стекло пришлось заменить, но Мона была так аккуратна, что на ковер верхнего этажа и в сад упало всего несколько маленьких осколков.

– Почему было просто не заклеить дырку в окне липкой лентой? – удивилась девочка, увидев, что Гиффорд вызвала стекольщика. – Ведь у нас почти все окна в доме так заклеены.

И как только она, Гиффорд, допустила, чтобы ребенок прошел через это? Более того, Мону и до сих пор постоянно подстерегали подобные испытания. Этот круговорот горестей и сожалений терзал Гиффорд, но она не в силах была его остановить. Равно как и карусель несчастий, которые происходили с Роуан и Майклом. Не проходило и месяца, чтобы Гиффорд не вспоминала случая, когда ее шестилетняя племянница волоком тащила бесчувственную Алисию в дом. Помнится, тогда из клиники ей позвонил доктор Блэйдс.

– Гиффорд, – сказал он, – ваша сестра серьезно больна. Ребенку и Старухе Эвелин просто не справиться с такой нагрузкой.

– За Мону не волнуйся, – вдруг сказал Райен, как будто в воцарившейся между ними напряженной тишине сумел уловить ее мысли. – О ней нужно беспокоиться меньше всего. Во вторник у нас намечено обсуждение проблем, связанных с исчезновением Роуан. Мы соберемся за круглым столом и подумаем, что делать дальше.

– Какой смысл решать, что делать дальше! – возразила Гиффорд. – Если у вас нет никаких доказательств, что Роуан заставили покинуть Майкла силой, вы...

– Послушай, дорогая, ты не права. Как это у нас нет доказательств? У нас есть доказательства, причем достаточно веские. В этом-то все и дело. Поэтому мы должны обстоятельно во всем разобраться. В настоящее время мы вполне уверены в том, что последние два чека, присланные к оплате на личный счет Роуан, были подписаны не ее рукой. Нам придется сообщить об этом Майклу.

Ответом ему было молчание. За последнее время это был первый серьезный инцидент. Новость свалилась на Гиффорд как гром среди ясного неба, и от неожиданности у нее перехватило дыхание.

– Мы считаем, что их подделали, – продолжал Райен. – И вот еще что, дорогая. Эти чеки были последними. Кроме них, больше ничего, слышишь, ничего не поступало в банк. Только эти два чека, обналиченные в Нью-Йорке две недели назад.

– В Нью-Йорке?

– Да. След ведет именно оттуда. Мы даже не уверены, что в Нью-Йорке была сама Роуан. Послушай, мне сегодня уже трижды звонили в связи с этим делом. Оказывается, Марди-Гра празднуют далеко не во всей стране. Дома на автоответчике я обнаружил кучу сообщений. Из

Сан-Франциско к нам едет тот доктор, который говорил с Роуан по телефону. У него есть какие-то важные новости. Но ему не известно, где сейчас находится Роуан. Чеки – это последняя весточка...

– Ну же, продолжай, я внимательно тебя слушаю, – потухшим голосом произнесла Гиффорд.

– Знаешь, мы договорились, чтобы этого доктора завтра утром встретил Пирс. А я приеду за тобой. Я уже давно так решил.

– Глупости. У меня есть машина. Какой смысл тащиться назад в разных машинах? Не выдумывай ерунды. Лучше отправляйся спать. Не волнуйся, я приеду вовремя и еще успею повидать доктора из Сан-Франциско.

– Но я хочу за тобой приехать, Гиф. Давай я возьму машину напрокат, а твою отгоню домой сам.

– Райен, это ни к чему. Я выезжаю в полдень. И уже все продумала. Иди на встречу с доктором или в офис. Спокойно занимайся своими делами. Итак, насколько я поняла, у вас все хорошо. На праздник собралась вся семья. Все прошло замечательно. Как, впрочем, и следовало ожидать. И оказалось не важно, была с вами Роуан или нет. Майкл сумел ловко всем подыграть. Осталась, правда, одна загвоздка. Два поддельных чека. Любопытно, что бы это значило?

Вновь воцарилась гнетущая тишина. Разумеется, они оба знали, что это могло значить.

– Как вела себя сегодня вечером Мона? Никого не повергла в очередной шок?

– Разве что своего кузена Дэвида. По мне, так у нее день прошел на ура. У Пирса все хорошо. Правда, он никого вокруг не видит, кроме Клэнси. Воду в бассейне подогрели. Барбара спит. Звонила Шелби. Извинялась, что не смогла приехать домой. Лилия тоже звонила. А также Мэндрейк. Джен и Элизабет уютно устроились у себя в берлоге. Я же так устал, что, кажется, вот-вот свалюсь с ног.

Гиффорд тяжело вздохнула:

– После праздника Мона поехала домой с этой парочкой? Значит, на Марди-Гра она была совсем одна?

– За Мону не беспокойся. С ней все будет в порядке, ты же ее знаешь. Если что-нибудь будет не так, мне позвонит Старуха Эвелин. Когда я уходил от них, она сидела у кровати Алисии.

– Вот так мы всегда себя и обманываем. То по одному поводу, то по другому.

– Гиффорд...

– Да, Райен?

– Я хочу задать тебе один вопрос. Я никогда ни о чем подобном тебя не спрашивал. И сейчас вряд ли отважился бы, если бы мы не...

– Не говорили по телефону?

– Да. Если бы мы не говорили по телефону.

Они много раз обсуждали эту странную особенность их долгого брака. Самые душевные беседы они вели по телефону. Так или иначе, но во время таких разговоров они проявляли больше терпимости друг к другу. И практически никогда не вступали в бесконечные споры, которые обычно затевали при непосредственном общении.

– Как ты думаешь, что случилось там на Рождество? – напрямик, без околичностей спросил Райен. – Что произошло с Роуан? У тебя есть какие-нибудь подозрения? Хотя бы смутные? Может, тебе что-нибудь подсказывает шестое чувство?

Гиффорд потеряла дар речи. За всю их совместную жизнь Райен никогда не задавал ей подобных вопросов. Напротив, все свои силы он прилагал к тому, чтобы не вынуждать Гиффорд искать ответы на трудные вопросы. То, что произошло сейчас, можно назвать поистине из ряда вон выходящим случаем. Вот почему в первый момент она не могла прийти в себя от потрясения. И не знала, что ему ответить. Даже ведьмовское предчувствие оказалось бессильным и не подсказывало ничего конкретного. Поэтому Гиффорд надолго задумалась, прислушиваясь к потрескиванию горящих поленьев и тихому плеску волн снаружи, такому же тихому, как ее собственное дыхание.

В ее голове пронеслось много разных мыслей. В какой-то миг она едва не выпалила: «Спроси Мону», но вовремя себя остановила. Стыдно вовлекать в это дело племянницу. Наконец без каких-либо вступлений она начала:

– Накануне Рождества, днем, в особняке появился мужчина. Вернее, бесплотное существо, тот самый дух. Не буду называть его имени – оно тебе хорошо известно. Он проник в наш мир и что-то сотворил с Роуан. Вот что случилось на Рождество. Теперь этого мужчины в доме на Первой улице нет. Мы все в этом уверены. Все те из нас, кто хоть раз его видел, знают, что его там больше нет. Дом пуст. Он проник в наш мир. Он...

Гиффорд говорила быстро, высоким голосом, в котором явственно слышались истерические нотки. Потом вдруг замолчала – так же резко и внезапно, как и начала свой ответ. В голове у нее билось только одно слово: Лэшер. Но она не могла произнести его вслух. Она помнила, как много лет назад тетушка Карлотта, трясая ее, как куклу, приговаривала: «Никогда, никогда не произноси это имя, слышишь, никогда!»

Даже теперь, в своем тихом и спокойном убежище, Гиффорд не могла заставить себя выговорить это имя. Как будто что-то ее останавливало, как будто чья-то рука сжимала ей горло. Может быть, причиной тому была странная смесь жестокости и заботы, которые проявляла по отношению к ней Карлотта. В повествовании, составленном в Таламаске, говорилось, что кто-то вырвал глаз Анте и вытолкнул ее из чердачного окна. Боже милостивый! Нет, Карлотта не могла такое сотворить!

Гиффорд не удивляло, что муж замешкался с ответом. Собственная откровенность потрясла даже ее саму. А ведь то, о чем она только что рассказала, можно сказать, стояло у нее перед глазами. Она, пусть и не слишком отчетливо, видела всю картину происшедшего. В такие минуты Гиффорд особенно остро чувствовала свое одиночество в браке.

– Ты действительно веришь в это, Гиффорд? Любимая, ты и в самом деле искренне в это веришь?

Она не ответила. Не потому, что не хотела. Просто не могла. Она была чересчур подавлена. Ей казалось, что всю совместную жизнь они провели в спорах. Разразится завтра шторм или будет светить солнце? Могут ли изнасиловать Мону, когда она возвращается ночью по Сент-Чарльз-авеню? Вырастут ли снова ввозные пошлины? Свергнут ли наконец Кастро? Существуют ли привидения? Были ли среди Мэйфейров ведьмы? Может ли кто-нибудь на самом деле разговаривать с мертвыми? Почему усопшие так странно себя ведут? Какого черта им нужно? Вредны ли для здоровья масло и красное мясо? Следует ли пить молоко? Ведь взрослые не способны переваривать молоко так, как дети... И так далее и тому подобное... Вопросам не было конца и края.

– Да, Райен, – грустным и немного небрежным тоном ответила Гиффорд. – Я в это верю. Понимаешь, Райен, я верю в то, что вижу. А я всегда его видела. Тебе же это просто не дано.

Гиффорд была не совсем права. То есть она неправильно выразилась. Райен тоже

обладал способностью видеть духов, но он не желал ею пользоваться. Она услышала его тихий вздох и поняла, что он вновь от нее удалился – вернулся в построенный им самим мир. В мир, где не стоял вопрос веры и доверия, где не существовали никакие духи, а ведьмовство Мэйфейров было не более чем семейной забавой. Такой же забавой, как их старые дома, призрачные общие фонды, драгоценности и золотые монеты в подвалах. Такой же забавой, как женитьба Пирса Мэйфейра на Клэнси Мэйфейр, чего, кстати, нельзя было ни в коем случае допускать, потому что у них, так же как у Алисии и Патрика, был общий предок – Джулиен. Но какой смысл снова затевать обо всем этом разговор? Какой смысл? У Гиффорд не было ни причин на это, ни желания делиться своим мнением, ни настоящих доверительных отношений с мужем.

Но как же любовь? Ведь у нее остались к нему и любовь, и уважение. Ни от кого в мире она так не зависела, как от Райена. Поэтому Гиффорд в ответ сказала то, что обычно говорила в таких случаях:

– Я люблю тебя, милый. – До чего же приятно было произнести эти слова на манер Ингрид Бергман с таким глубоким чувством, которое придавало им особенный смысл. – Я очень тебя люблю.

– Гиффорд...

На другом конце линии повисло молчание. Семейный адвокат задумался. Зачем ему, голубоглазому мужчине средних лет, у которого волосы уже подернуты сединой и которому так же, как и его жене, небезразлично благосостояние семьи, верить в какие-то привидения? Призраки не требуют наследства, не подают на вас в суд, не пугают налоговым управлением и не упрекают за то, что вы позволили себе в обеденный перерыв пропустить порцию-другую мартини.

– Что, милый? – тихо переспросила она.

– Если ты веришь в это, – осторожно начал Райен, – если ты действительно веришь в то, что ты мне сейчас сказала, если это привидение, как ты говоришь, покинуло дом, почему ты не пошла туда, Гиффорд? Почему ты не была с нами сегодня?

– Эта тварь похитила Роуан, – сердито прорычала в трубку Гиффорд. – Если ты надеешься, что все закончилось, то ты глубоко ошибаешься, Райен!

Вскипев от негодования, она резко выпрямилась. Все ее доброе отношение к мужу испарилось в мгновение ока. Подчас он становился столь редким занудой, что она не могла его выносить. Ей начинало казаться, что именно этот мужчина разрушил всю ее жизнь. И это было такой же правдой, как то, что она его любила. Такой же правдой, как появление призрака в особняке на Первой улице.

– Райен, неужели ты не ощущаешь ничего странного в этом доме?! – едва сдерживаясь, чтобы не закричать, продолжала она. – Не может быть, чтобы ты ничего не чувствовал! Еще ничего не закончилось. Все только начинается! И мы обязаны во что бы то ни стало найти Роуан!

– Я приеду за тобой утром, – рявкнул в трубку Райен.

Было ясно, что он не на шутку рассердился. Обрушившийся на него гнев жены отозвался в нем ответным взрывом ярости. Но сдаваться Райен не собирался.

– Я хочу приехать и забрать тебя домой.

– Ладно, – наконец согласилась она. – Приезжай. Я тоже этого хочу.

Неожиданно для самой себя она услышала в своем голосе жалобные нотки, означавшие лишь одно: ее очередное поражение.

Хорошо, что она, по крайней мере, отважилась высказать хотя бы небольшую часть собственных соображений о похитившем Роуан субъекте. Да, она сделала то, что хотела, и теперь очередь была за мужем. Пусть он с ней спорит, пусть распекает ее на все лады, пусть даже выйдет победителем в этой схватке. Все это будет не сегодня, а позже. Возможно, даже завтра.

– Гиффорд, Гиффорд, Гиффорд... – ласково пропел он в трубку. – Я приеду. Буду на месте, прежде чем ты успеешь проснуться.

Неожиданно ее охватила невероятная слабость, некое странное оцепенение. Ей даже показалось, что она не сможет пошевелиться, пока он не явится за ней. Пока она не увидит, что он вошел в дверь ее домика.

– А теперь, умоляю тебя, запрети хорошенько дом, – продолжал Райен, – и ложись. Держу пари, что ты притулилась на кушетке и что все двери в доме стоят нараспашку...

– Это Дестин, Райен.

– Запрись. И положи пистолет возле кровати. Чтобы он был под рукой. И прошу тебя, пожалуйста, включи сигнализацию.

– Пистолет! О господи! Да неужели я смогу им воспользоваться в твое отсутствие!

– Именно в мое отсутствие он может тебе пригодиться.

Гиффорд вспомнила Мону и невольно улыбнулась.

Прежде чем закончить разговор, они, свято храня однажды заведенную ими традицию, обменялись поцелуями.

Впервые Гиффорд поцеловала Райена, когда ей было пятнадцать. Тогда они были влюблены друг в друга. Помнится, сразу после рождения Моны Алисия ей сказала:

– Счастливая... Ты любишь своего Мэйфейра. Я же вышла замуж только вот из-за этого!

Сколько раз Гиффорд задумывалась о том, чтобы забрать к себе Мону. Возможно, со стороны Алисии она не встретила бы никаких препятствий. Ее сестра была законченной пьяницей. Странно, что Мона вообще появилась на свет, да к тому же родилась такой крепкой и здоровой. Но на самом деле у Гиффорд и в мыслях не было отобрать у Алисии ребенка. Она прекрасно помнила, к чему привело доброе намерение Элли Мэйфейр – честно говоря, Гиффорд лично ее никогда не знала, – которая взяла на воспитание и увезла в Калифорнию Роуан, дочь Дейдре, чтобы спасти девочку от семейного проклятия. За этот поступок Элли возненавидели все. Это случилось в тот ужасный год, когда умер дядюшка Кортланд. Он упал с лестницы в доме на Первой улице. Как тяжело переживал его смерть Райен...

Гиффорд тогда уже исполнилось пятнадцать, и они с Райеном были безумно влюблены друг в друга. Нет, какими бы благими ни были намерения, ни в коем случае нельзя отбирать ребенка у матери. Яркое доказательство тому – судьба Дейдре, которая, лишившись дочери, сошла с ума, и безвременный уход из жизни дядюшки Кортланда, пытавшегося этому помешать.

Безусловно, Гиффорд сумела бы лучше позаботиться о Моне, чем родная мать. А если быть до конца откровенной, то заботиться о малышке хуже, чем делали это Патрик с Алисией, было попросту невозможно. Но следует отдать Гиффорд должное: она всегда относилась к Моне как к своему родному ребенку.

Огонь в камине погас, и в комнате стало как-то неуютно и даже холодно. Неплохо было бы снова его разжечь. Во всяком случае, спать ей еще совсем не хотелось. Хорошо, если удастся забыться сном хотя бы часам к двум ночи. Тогда к приезду Райена она будет свежа и

бодра. Ничего удивительного: когда тебе сорок шесть, нужда в продолжительном сне, как правило, отпадает. Вполне довольствуешься малым.

Опустившись на колени перед широким каменным камином, Гиффорд взяла из аккуратной стопки лежащих рядом дров небольшое дубовое полено и бросила в чуть теплящиеся угли. За ним туда же отправились комок газеты и несколько щепок. Огонь вспыхнул с новой силой. Его языки весело заплясали на покрытых копотью кирпичках. Руки и лицо Гиффорд начал обволакивать жар, так что ей вскоре пришлось отпрянуть назад. С огнем у нее было связано что-то неприятное, скорее, даже ужасное – очевидно, какое-то воспоминание о происшествии в семье, которое она старательно стерла из своей памяти.

Она стояла в комнате, устремив взор на белый пляж. Шума волн совсем не было слышно. Бриз накрыл все тяжелым покрывалом тишины. Звезды светили так ярко, как будто это был последний день мироздания. Легкий морской ветер своей прозрачной чистотой наполнил душу Гиффорд необъяснимым восторгом, так что она была не в силах сдержать слезы.

Она страстно желала остаться в этом месте еще на какое-то время, до тех пор, пока ее не начнет неодолимо тянуть к родным дубам, растущим у ее дома. Но этого никогда не случалось. Она всегда уезжала раньше, чем ей бы хотелось. Долг, семья и многое другое призывали ее покинуть Дестин прежде, чем она была к этому готова.

Нельзя сказать, что она не любила родные дубы и паутину, опутавшую все и вся, полуразрушенные стены соседних домов и разбитые мостовые, а также бесконечные объятия ее многочисленных родственников. Да, они были очень милы ее сердцу, но почему-то подчас ей так не терпелось сбежать от всего этого.

Подальше от всех и вся.

– Мне бы хотелось умереть, – содрогнувшись от своей мысли, прошептала Гиффорд.

Голос ее дрожал, и бриз уносил его прочь. Она вошла в кухню, которая на самом деле представляла собой лишь часть большой центральной комнаты, выпила стакан воды и через открытые стеклянные двери вышла из дома. Пройдя через двор, она поднялась по ступенькам к дорожке и, одолев маленькую дюну, спустилась вниз, на гладко уложенный ветром песок.

Теперь она явственно слышала голос залива. Он наполнял ее своим шумом. Казалось, в мире не было ничего, кроме этого звука. Он заставлял забыть обо всем на свете, утратить все прежние чувства и ощущения. Когда она бросила мимолетный взгляд на свой дом, он показался ей маленьким и незначительным и походил скорее на бункер за песчаной насыпью, а не на симпатичное прибрежное строение, каким был на самом деле.

Прабабушка Дороти построила этот дом для своих внуков и правнуков в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году. В те времена Дестин был обыкновенной рыболовецкой деревней, жизнь в которой сонно текла по своим законам. По крайней мере, все так говорили. Тогда никто понятия не имел об огромных кондоминиумах, гольф-клубах и прочем. Ничего подобного не было и в помине.

От неожиданного порыва ветра Гиффорд бросило в дрожь. Как будто он усилил свою хватку, собираясь швырнуть ее в сторону. Устремив взгляд на волны, лениво плещущиеся у края мерцающей поверхности пляжа, она направилась против ветра к воде. Ей захотелось прилечь прямо на берегу и уснуть. Она всегда так делала, когда была девочкой. В окрестностях Дестина не было более безопасного места, чем пляж. Сюда еще не дошли такие радости цивилизации, как всякого рода средства передвижения, которые не только

могли нанести вам физическое увечье, но и испортить всякое впечатление одним только выхлопом и шумом.

Как звали того поэта, который когда-то погиб на пляже Огненного острова? Все тогда решили, что его кто-то переехал, пока он спал, хотя толком никто ничего не знал. Ужасная история, просто ужасная. Гиффорд не могла вспомнить его имя. Только стихи. Это было во времена ее студенческой юности. Они с Райеном стояли на палубе лодки, пили пиво и целовались. Он обещал ее увезти из Нового Орлеана. Какая ложь! Они собирались жить в Китае! Или в Бразилии? Но Райен ушел с головой в дела «Мэйфейр и Мэйфейр». Контора поглотила его целиком и полностью задолго до того, как ему исполнился двадцать один год. Интересно, помнил ли он до сих пор их любимых поэтов? Не забыл ли, как они восхищались стихотворением Лоуренса о голубой горечавке или «Воскресным утром» Уоллиса Стивенса?

Но разве могла она винить его за то, что произошло за годы их супружеской жизни. Она сама не могла отказать ни бабушке Эвелин, ни дедушке Филдингу, ни тем старикам, которые так заботились о ней, когда умерли ее родители. У нее было такое впечатление, будто они с сестрой всегда принадлежали этим старикам. Мать Райена так и не простила им того, что они не устроили традиционной свадьбы и что невеста не надела белого платья. К тому же Гиффорд ни на день не могла оставить Алисию одну – та была еще слишком молода, но уже совершенно безумна и постоянно попадала в какую-нибудь беду. Гиффорд даже не смогла продолжить обучение в университете. Когда она изъявила желание это сделать, бабушка Эвелин ей сказала:

– А чем плох Тулейн? Туда можно ездить на такси.

И ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Поехать в Сорбонну ей не разрешили, и второй курс там остался только в мечтах.

– Ты потомственная Мэйфейр, – заявила бабушка Эвелин во время обсуждения свадебной церемонии. – Мэйфейр в десятом поколении. Представляю, как была бы потрясена твоя мать, спаси Господи ее душу. Бедняжка, она и так очень страдала.

Но камнем преткновения оказался не столько вопрос, где Гиффорд хочет жить – на севере, в Европе или где-то еще, сколько сама свадебная церемония, вокруг порядка проведения которой разгорелись жаркие дебаты. Родня никак не могла прийти к согласию, где молодым следует венчаться – в храме Имени Господня или в ирландской церкви Святого Альфонса.

Гиффорд и Алисия посещали школу при церкви Имени Господня, которая располагалась очень далеко от старой церкви Святого Альфонса – в деловой части города, напротив парка Одюбон. В те времена неф еще не был расписан, и великолепные мраморные статуи красиво выделялись на фоне белокаменных стен.

В этой церкви Гиффорд приняла свое первое причастие и участвовала в торжественной церемонии. На ней было длинное белое платье и туфли на высоких каблуках, а в руках – букет цветов. Как все дебютантки, она очень волновалась.

Само собой напрашивалось решение устроить венчание в храме Имени Господня. Какое отношение к Гиффорд могла иметь какая-то старая церковь Мэйфейров, церковь Святого Альфонса? В конце концов, Дейдрэ Мэйфейр можно было об этом не сообщать. К тому времени она уже была безнадежно больна и совершенно невменяема. И все было бы хорошо, если бы не начал мутить воду дедушка Филдинг.

– Святой Альфонс – наша семейная церковь. А ты Мэйфейр в десятом колене! – заявил он.

Мэйфейр в десятом колене.

– Терпеть не могу, когда так говорят. Это совсем ничего не значит, – возражала Гиффорд.

– Чушь какая! – возмущалась бабушка Эвелин. – Это очень многое значит. Это значит, что за тобой стоят десять поколений. Десять различных родовых линий. Разве этого мало? Ты должна этим гордиться.

Вечерами бабушка Эвелин вязала, сидя на террасе дома на Амелия-стрит. Она бросала свое занятие только тогда, когда темнело и уже ничего не было видно. Ей нравилось наблюдать за тем, как над Сент-Чарльз-авеню сгущаются сумерки. Они действовали на нее успокаивающе. Она даже любила просто смотреть на толпы людей, прогуливающих по вечерним улицам, на машины, освещенные изнутри желтыми лампочками и отчаянно грохотающие на поворотах. Это были дни шума и пыли. Еще не изобрели кондиционеры и не вешали ковры длиной во всю стену. А белье из прачечной было жестким, как картон.

«Да, мы принадлежим старикам», – думала Гиффорд. Она почти позабыла свою мать. Помнила только, что та всегда была больна, жила в затворничестве и очень страдала. А еще она помнила ее шаги за закрытой дверью. Гиффорд и Алисия очень рано остались сиротами.

Те давние времена вызывали у Гиффорд своего рода ностальгию. В особенности ей были памятны прогулки с бабушкой Эвелин, которая всегда носила с собой ирландскую трость. Не могла Гиффорд без умиления вспоминать и то, как читала книжки дедушке Филдингу.

«Нет, уехать из родного города мне никогда по-настоящему не хотелось», – решила про себя Гиффорд. Она никогда подолгу не могла жить в крупных современных городах Америки, таких как, например, Даллас, Хьюстон или Лос-Анджелес. Несмотря на то что поначалу они привлекали ее своей чистотой и насыщенностью жизни, царившая там суэта была ей не по вкусу. Когда еще ребенком Гиффорд впервые попала в Лос-Анджелес, он показался ей чудом из чудес. Но такие города ее быстро утомляли. Вероятно, очарование Дестина заключалось еще и в том, что он находился недалеко от ее родного города и ей не составляло труда до него добраться. А при желании она всегда могла сесть в машину и еще до захода солнца вернуться к родным ее сердцу дубам. Да, она воистину любила свой Новый Орлеан, город тараканов, город разрухи, город ее семьи и многих других счастливых людей.

На память ей пришел отрывок из Хилари Беллок, который однажды она обнаружила среди бумаг покойного отца:

Где солнце католикам будет светить,
Я сам это вам смогу подтвердить,
Там музыка, смех и хмельное вино.
Benedicamus Domino!

– Хочу тебе раскрыть один небольшой секрет, – однажды сказала ей мать, Лаура Ли. – Поскольку ты Мэйфейр в десятом колене, а это действительно так, ты никогда не будешь счастлива за пределами Нового Орлеана. Так что на этот счет даже и не обольщайся.

Что ж, по-видимому, она была права. В десятом колене, в пятнадцатом... Не в этом суть. Но была ли счастлива сама Лаура Ли? Гиффорд до сих пор помнила ее смех, ее надломленный грудной голос.

– Я слишком больна, чтобы думать о счастье, любимая моя девочка, – говорила ей

мать. – Принеси-ка мне лучше «Таймс пикайун»^[22] и чашку горячего чая.

Подумать только! В жилах Моны течет больше крови Мэйфейров, чем у кого бы то ни было в клане. Любопытно, каким коленом является она? Может, двадцатым? Нет, Гиффорд положительно должна увидеть компьютерную версию семейного древа собственными глазами. И тщательно изучить сложнейшую схему, в полной мере отображающую многочисленные линии браков между двоюродными и троюродными братьями и сестрами. В этом деле ее интересовало только одно: была ли хоть одна струя свежей крови за последние четыре-пять поколений?

Мэйфейр женится на Мэйфейр. Никто из них не считал нужным объяснять причину внутрисемейных браков посторонним людям. А теперь еще случилось так, что Майкл Карри остался в злополучном доме совсем один, меж тем как его жена исчезла в неизвестном направлении. И как могло случиться, что Роуан, которую ребенком похитили из этого дома ради ее собственного блага, вернулась в него, чтобы быть проклятой...

Однажды в минуту отчаяния Райен сказал:

– Знаешь, Гиффорд, на самом деле в жизни имеют значение только две вещи: семья и деньги. Остальное не важно. Нужно быть очень, очень богатыми, как мы, и иметь хорошую, крепкую семью.

Она тогда смеялась до слез. Должно быть, это произошло пятнадцатого апреля, когда он посчитал свой подоходный налог. Однако Гиффорд вполне поняла, что он хотел сказать. Она, так же как Райен, не была ни художником, ни певицей, ни танцовщицей, ни музыкантом. Семья и деньги для них олицетворяли собой весь мир. То же самое можно было сказать и о всех остальных Мэйфейрах, для которых семья была не просто семьей в обычном понимании этого слова. Это был клан, нация, религия, одержимая привязанность друг к другу.

– Я не смогла бы без них прожить, – уже вслух продолжала размышлять Гиффорд. Она любила это делать здесь, где морской ветер поглощал все и вся, где монотонный рев волн создавал такое ощущение легкости, что душа невольно начинала петь.

Мона будет жить лучше, чем ее тетушка. Она сможет ходить в тот колледж, в который захочет! У Моны будет возможность решать – уехать или остаться. У нее будет выбор. Пока у нее не было подходящего кандидата в мужья. Не то что не было. Гиффорд могла бы назвать по крайней мере человек двадцать двоюродных и троюродных братьев Моны, которые могли бы составить ей хорошую партию. Но дело было совсем в другом. Гиффорд хотела, чтобы девушка пользовалась полной свободой – тем, чего она, Гиффорд, никогда не имела. Мона была сильной. Гиффорд не раз видела во сне, как та проявляла смелость и волю, совершая поступки, на которые далеко не каждый решится. То она ходила по высокой стене, приговаривая: «Поторопись, тетя Гиффорд». То, дымя сигаретой, сидела на крыле самолета, который летел сквозь облака, а Гиффорд тем временем, дрожа от дикого страха, пыталась удержаться на веревочной лестнице.

Наклонив голову и позволив ветру хлестать ее волосами по лицу, она продолжала стоять на берегу залива, воображая, будто парит над землей.

– О господи! Как хорошо! – ощущая себя в незримом полете, восклицала она. Какая благодать! Завтра приедет Райен и заберет ее домой. Райен приедет сюда. А что, если случится чудо и окажется, что Роуан жива? Роуан вернется домой! Все со временем встанет на свои места, и вскоре на горизонте явственно замаячит надежда на великое возвращение Роуан.

А почему бы на самом деле не упасть прямо на песок и не уснуть? А еще неплохо бы

подумать насчет платья для Клэнси. Нужно будет непременно помочь ей в выборе свадебного наряда. Мать девочки ровным счетом ничего не смыслит в этом деле.

Интересно, наступила ли уже среда?

Хотя небо было безоблачным и над водой ярко светила луна, Гиффорд не могла разглядеть, который был час. Но в глубине души она знала, что Великий пост уже начался. Очевидно, в Новом Орлеане гильдии уже закрыли свои танцевальные залы и оркестры приветствовали завершение Марди-Гра последним взлетом смычка. Праздник остался позади.

Пора возвращаться в дом. Райен велел ей запереть изнутри все окна и двери и включить сигнализацию. Раз он сказал, значит она так и сделает. Однажды, сильно рассердившись на мужа, Гиффорд спала на берегу. Никогда она не ощущала такой свободы и безмятежности, как в ту ночь, которую, подобно страннику, провела под открытым небом. На этом пляже можно было остаться наедине с самыми древними созданиями на земле – с песком и морем. Можно было в грезах улететь в любое время, попасть в любую книгу, переместиться в мечтах в библейские земли или легендарную Атлантиду. Но сейчас следует все же последовать совету Райена.

О, как бы было хорошо, окажись он сейчас здесь, рядом с ней!

В ту ночь год назад, когда умерла Дейрдре Мэйфейр, Гиффорд проснулась от собственного крика. Чтобы успокоить, Райен обнял ее и прижал к себе. «Кто-то умер!» – кричала она. Потом раздался телефонный звонок. Райен встал и направился к аппарату. «Дейрдре. Это Дейрдре», – вернувшись, сообщил он.

Любопытно, повторится ли подобное ощущение, если что-нибудь случится с Роуан? Или она слишком далека от Гиффорд в родстве? Кто знает, может, Роуан умерла ужасной смертью через несколько часов после своего исчезновения? Нет, этого не может быть. Потому что от нее приходили письма и сообщения. Райен сказал, что все шифры были абсолютно правильными. К тому же Роуан лично звонила знакомому доктору в Калифорнию.

Да, завтра они узнают подробности этого разговора, как говорится, из первых уст. Вернувшись в своих размышлениях к тому, с чего она начала, Гиффорд повернулась спиной к морю и медленно направилась в сторону темнеющей дюны.

По обеим сторонам от нее стояли низенькие домики, которые, казалось, навечно вросли в окружающий ландшафт. За ними возвышались более внушительные здания с многочисленными огоньками на крышах, чтобы их в темноте могли заметить низко летящие самолеты. А где-то далеко-далеко сияли огни города. Над морем у самого горизонта, отливая лунным светом, клубились кучевые облака.

Да, пора запереть дом и лечь спать. Причем непременно возле камина. К ней наконец пришла та сладостная истома, которая предвещала приятный сон. В такие минуты она любила оставаться одна и засыпать под шипение пламени. Поутру ее разбудит кофеварка, которая включится в половине шестого. В крайнем случае она услышит, как к берегу причалит первая лодка.

Среда Великого поста. На Гиффорд снизошло чувство глубокого умиротворения, нечто среднее между верой и набожностью. Прах к праху... Впрочем, хватит о прахе. В свое время она срежет святую пальмовую ветвь на Пальмовое воскресенье. Возьмет с собой Мону, Пирса, Клэнси и Джен и, как в старые добрые времена, отправится в Страстную пятницу в церковь, чтобы поцеловать крест. Возможно, они даже посетят все девять церквей – Имени Господня, Святого Духа, Святого Стефана, Святого Генриха, Пресвятой Богородицы, Вечной

помощи Божьей Матери, Святой Марии, Святого Альфонса, Святой Терезы, – как делали прежде с Алисией и Старухой Эвелин. В те времена все храмы находились в центре города, а в городе было полным-полно католиков, причем истинно верующих католиков.

Им не всегда удавалось заглянуть в церковь Святого Патрика, и чаще всего они проходили мимо негритянской церквушки на Луизиана-авеню, хотя могли бы запросто в нее зайти, потому что в католических церквях никакой сегрегации не было, а церковь Святого Духа воистину стоила того, чтобы на нее посмотреть. Во время обхода церквей бабушка Эвелин никогда не упускала случая вспомнить о том, как снесли храм Святого Михаила. Там когда-то подвизалась сестрой милосердия их двоюродная сестра Марианна. Было до боли грустно слушать о том, как разнесли по частям эту церковь вместе с монастырем и всеми святынями, которые потом распродали с молотка. Кстати сказать, Марианна тоже была потомком Джулиена. Во всяком случае, так говорили.

Интересно, сколько из этих церквей до сих пор сохранилось? Да, в этом году в Страстную пятницу надо будет обязательно проехать до Амелия-стрит и предложить Моне разыскать их. Девушка всегда обожала приключения, особенно сопряженные с рискованным посещением окрестностей. Только так можно было ее куда-то завлечь. «Мона, я хочу разыскать девять церквей, – скажет ей Гиффорд, – которые обыкновенно посещала бабушка. Надеюсь, их еще не снесли». А что, если они возьмут с собой и бабушку Эвелин? Ее мог бы подвезти Геркулес, а они пошли бы рядом пешком. Бабушка Эвелин уже слишком стара и не в силах долго ходить. Хотя, возможно, все это будет выглядеть очень глупо.

Что же касается Моны, то она, скорее всего, охотно откликнется на предложение Гиффорд. Только опять начнет расспрашивать о виктроле. И кто ей вбил в голову, что теперь, когда дом на Первой улице отремонтировали, кто-нибудь непременно должен найти виктролу на чердаке и отдать ей? Рано или поздно ей придется узнать, что никакой виктролы на чердаке давным-давно нет. Ее спрятали вместе с жемчугом там, где никто...

Мысли покинули Гиффорд в мгновение ока, словно внезапно выпорхнули у нее из головы. Она дошла до начала дощатого настила и посмотрела вниз на свой уютный дом – на залитую мягким мерцающим светом жилую комнату, на большие, обтянутые кремовой кожей кушетки и на выложенный плиткой цвета карамели пол.

В доме Гиффорд кто-то был. И этот «кто-то» стоял справа от камина возле кушетки, той самой, на которой она весь вечер дремала. Она видела, что он поставил ногу на нижний край камина – точь-в-точь как любила ставить туда босую ногу сама Гиффорд, чтобы ощутить, насколько тот успел прогреться.

Но этот человек не был бос. Да и одежду его обыкновенной, пожалуй, не назовешь. В свете камина он выглядел истинным щеголем. Высокий и величественно худошавый, он почему-то сразу напомнил ей Ричарда Кори из старой поэмы Эдвина Арлингтона Робинсона.

Она медленно прошла по дощатому настилу и укрылась от ветра в относительно тихом и теплом заднем дворике. Сквозь стекла дверей ее дом был виден как на ладони. Да, положительно в нем было что-то не так. Общую картину нарушал высокий незнакомец. Что-то в его облике Гиффорд сразу насторожило. На нем был темный твидовый пиджак и шерстяной свитер. Но не они привлекли ее пристальное внимание. Необычными были его длинные блестящие черные волосы.

Они доходили до плеч, делая его похожим на Христа. Это сравнение почему-то сразу пришло Гиффорд на ум. В самом деле, когда он повернулся и посмотрел на нее, ей сразу вспомнились открытки с изображением Иисуса из дешевой лавки. Ярко раскрашенные

сияющими красками, они выглядели довольно милыми, а изображенный на них Христос, если их повертеть, попеременно то открывал, то закрывал глаза. Его одежды обычно ниспадали мягкими складками, длинные локоны сияли, а в смиренной улыбке не было ни боли, ни таинственности. Надо сказать, что у незнакомца были такие же, как у Христа, аккуратные усы и борода, и это придавало его лицу выражение святости и величественности.

Да, выглядел он именно так. Но кто же это, черт побери? Не иначе как кто-то из соседей. Пришел попросить предохранитель на двадцать пять ампер или карманный фонарик. Да еще вырядился в твидовый пиджак от Харриса.

Незнакомец неподвижно стоял в комнате и смотрел на огонь. Потом медленно повернулся и устремил на Гиффорд взгляд, в котором не было ни капли удивления. Как будто он все время наблюдал за ней и в темноте ночи, наполненной порывами ветра, слышал ее шаги. Как будто знал, что она уже почти рядом и вопрошающе взирает на него, опершись рукой о стальную дверную решетку.

Какое у него было лицо! Гиффорд сразу поразила удивительно яркая, подкупающая красота, затмевавшая собой и необычно длинную шевелюру, и дорогую одежду. Выражение его лица являло собой безмятежность. Но еще больше ее поразило другое. Запах. От него исходил особый запах – можно сказать, благоухание.

Оно не было ни сладким, ни цветочным, ни конфетным, ни пряным. И тем не менее казалось чрезвычайно приятным. Запах принадлежал к тем, которые хотелось вдыхать все больше и больше. Гиффорд уже было знакомо это ощущение, – кажется, оно посещало ее совсем недавно. Да, она прекрасно помнила свое страстное желание насладиться чарующим ароматом. Но было в нем все-таки что-то весьма странное. Она отчего-то вдруг вспомнила об ордене Святого Михаила. Надо бы проверить, лежит ли он до сих пор в ее сумочке. Господи, какая ерунда лезет в голову! О чем она думает, когда в ее комнате стоит незнакомец!

Гиффорд понимала, что ей следует проявлять осторожность. Надо немедленно выяснить, кто он такой и что ему нужно. Причем это необходимо сделать, не входя в дом. У нее в жизни бывали случаи, когда она оказывалась в довольно неловком положении, но, надо сказать, умела выходить из сложных ситуаций, не испытывая притом и половинной доли смущения и страха, которые овладели ею теперь. Правда, следует признать, что сталкиваться лицом к лицу с настоящей опасностью ей еще ни разу не доводилось.

Да, должно быть, это кто-то из соседей. Очевидно, у него заглох мотор в машине, и он, увидев свет в доме или струящийся из трубы и стелющийся по спящему берегу дым, решил зайти на огонек.

Впрочем, внезапно возникшие обстоятельства не настолько ее взволновали, насколько заинтриговали. Ее подмывало поскорее узнать, что же за странный тип находится в ее доме и, стоя возле камина, откровенно разглядывает вернувшуюся хозяйку. В облике мужчины и в его манере держаться не было ничего угрожающего. Напротив, казалось, он проявлял по отношению к ней не меньшее любопытство и такой же острый интерес.

Он наблюдал за тем, как Гиффорд вошла в комнату. Поначалу она хотела закрыть за собой стеклянную дверь, но потом передумала.

– Итак, чем могу быть полезна? – вместо приветствия осведомилась она.

Шум залива вновь отошел на второй план, словно в мгновение ока обратился в шепот, который был едва слышен. Она стояла спиной ко всему внешнему миру, и в этом мире царила тишина.

Неожиданно запах усилился. Казалось, что он заполонил всю комнату, смешавшись с

благоуханием горящих в камине дубовых поленьев, обуглившихся кирпичей и свежим морским воздухом.

– Подойди ко мне, Гиффорд, – произнес незнакомец с ошеломляющим спокойствием и простотой. – Приди ко мне. В мои объятия.

– Кажется, я вас не вполне расслышала... – ответила она с натужной, неестественной улыбкой, которая возникла на ее лице, прежде чем она успела опомниться.

Гиффорд медленно направилась к камину. Запах был таким изысканным, таким обворожительным, что хотелось вдыхать его все больше и больше.

– Кто вы? – стараясь говорить как можно вежливее, осведомилась она. Чтобы не выдать своего смущения, она тщилась сохранить внешнюю непринужденность, как будто ничего особенного не произошло. – Мы с вами знакомы?

– Да, Гиффорд. Ты знаешь меня. Ты хорошо знаешь, кто я такой, – произнес он нараспев, как будто читал стихи, хотя говорил далеко не стихами. Создавалось впечатление, что он придавал особое значение каждому изреченному им слогу. – Ты видела меня, когда была совсем маленькой девочкой. – Последнее слово он произнес с наибольшим изяществом. – Знаю, что видела. Но не помню в подробностях, как и когда именно это произошло. Надеюсь, ты сможешь освежить мою память. Гиффорд, перенесись мыслями в прошлое. И попытайся вспомнить пыльную террасу и заросший сорняком сад.

Вид у незнакомца был грустный и задумчивый.

– Я впервые вас вижу, – ответила она с некоторым сомнением в голосе.

Он подошел к ней ближе. Лицо его было вылеплено с удивительным изяществом. А кожа... О, она была поистине безупречна! Пожалуй, он выглядел лучше, чем Иисус на открытках. И еще естественнее, чем знаменитый автопортрет Дюрера.

– *«Сальватор Мунди»*, – продолжая свои размышления вслух, прошептала она. Кажется, так называлась эта картина.

– Несколько последних столетий прошли для меня бездарно, – продолжал он. – Можно сказать, я их утратил в борьбе за то, чтобы увидеть нечто обыкновенное и вполне осязаемое. Но сейчас я пробудил в себе память прошлого и старые истины. Я обратился к тем временам, когда меня не интересовали трепетные и хрупкие красавицы из рода Мэйфейр. Подобно тому как это делают люди, мне пришлось воспользоваться собственноручно сделанными записями. Но я их делал второпях, потому что в то время пелена все больше сгущалась надо мной. Плоть сжимала меня все сильнее и сильнее, лишая легкости и подвижности, которые свойственны призраку и которые могли принести мне более легкую и быструю победу. Гиффорд. Это имя я записал собственноручно. Гиффорд Мэйфейр – внучка Джулиена. Гиффорд пришла на Первую улицу. Гиффорд одна из тех, кто видел Лэшера. Разве я не прав?

Когда Гиффорд услышала это имя, ее охватило оцепенение. Все прочее, что говорил незнакомец, воспринималось ею как мелодичная песня, смысл которой почти не доходил до ее сознания.

– Да, я воздал должное каждому плаксивому младенцу. Но только затем, чтобы вернуть им более достойную судьбу. А тебе – драгоценную и трагическую любовь.

Когда он говорил, его сходство с Христом и с картинами Дюрера все больше и больше усиливалось. По-видимому, он делал это специально, то выделяя легкими кивками какое-то слово, то соединяя на миг пальцы в щепотку, то вздымая ладонь к небу. Ни дать ни взять Христос, беседующий с апостолами и уже доподлинно знающий, что ему предстоит быть распятым на кресте.

Было вполне очевидно, что его голова совершенно пуста, начисто лишена всякой способности рационально мыслить. *Лэшер*. Ее тело вдруг напомнило, до какой степени она боится этого человека. Она подняла руки, переплетя их в привычном для нее жесте, и краем глаза заметила, что ее пальцы трепещут, словно легкие крылышки с неясными очертаниями.

Кровь ударила ей в голову, пульс участился. Гиффорд уже не могла видеть отчетливо его прекрасное лицо – оно маячило перед ней, словно отражение в стекле, сливавшееся с видом за окном. Ее обуял такой страх, что она не могла двинуться с места, но зато он не удержал ее от другого жеста. Она подняла ладонь ко лбу, но рука незваного гостя резко взметнулась и сильной хваткой до боли сжала ей кисть.

Глаза ее невольно закрылись. Ей стало так страшно, что на мгновение показалось, будто все это происходит не с ней. Будто все это происходит не наяву. Будто она потеряла чувство пространства и времени. Страх то убывал, то накатывался снова, вызывая в ней новую волну ужаса. Гиффорд чувствовала, как сжимаются его пальцы. Ощущала исходящий от него пленящий теплый запах. Одержимая страхом и яростью, но не потеряв присутствия духа, она процедила сквозь зубы:

– Отпусти меня.

– Что ты собираешься делать, Гиффорд? – Голос прозвучал нерешительно, мягко и мелодично, как и раньше.

Теперь он стоял совсем близко. Чудовищно высокий, около шести с половиной футов – точнее она определить не могла. Однако, несмотря на столь большой рост, он выглядел изящным, как будто слепленным из очень тонкого материала. Первое, что бросилось Гиффорд в глаза, – это его лобная кость, которая сильно выдавалась вперед.

– Так что же ты собираешься делать? – повторил он свой вопрос, который прозвучал без всякого раздражения, едва ли не по-детски простоудушно.

– Сотворить крестное знамение! – ответила она хриплым шепотом.

И, высвобождаясь из его хватки, она конвульсивным движением перекрестилась, про себя несколько раз повторив: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...» Немного успокоившись, она вновь обратила взор на незнакомца и на сей раз увидела его вполне отчетливо.

– Вы не Лэшер, – сказала она. Последнее слово, казалось, растворилось у нее прямо на языке. – Вы обыкновенный человек. Просто мужчина, который стоит здесь, в моей комнате.

– Я Лэшер, – мягко произнес он, словно стараясь защитить ее от грубого действия, которое производили на нее эти слова. – Я Лэшер, и теперь у меня есть плоть. И я вернулся, моя прекрасная ведьма Мэйфейр. – У него было отличное произношение, он говорил очень отчетливо, хотя и достаточно быстро. – Да, я теперь человек. Сотворенный из плоти и крови, моя ненаглядная колдунья. Если ты порежешь меня, потечет кровь. А поцелуешь меня – это лишь усилит мою страсть. Хочешь попробовать?

Она опять ощутила некое раздвоение сознания. К сожалению, к страху невозможно привыкнуть; он не может состариться и даже не поддается дрессировке. Когда человека напугают до смерти, он, к своему счастью, теряет сознание. На какой-то миг ей показалось, что именно это с ней сейчас произойдет. Но допустить подобное Гиффорд никак не могла. Если она упадет в обморок, все будет потеряно. Поэтому она взяла себя в руки и, призвав все мужество, уставилась на мужчину, который стоял почти рядом с ней, источая невероятно обворожительный, почти божественный аромат, и взирал на нее сияющими, неподвижными

и умоляющими глазами. Лицо у него было гладкое, как у ребенка. И так же по-детски выглядели ярко-розовые губы.

Казалось, он не осознавал, сколь ослепительна его красота, или, по крайней мере, безотчетно пользовался ею, чтобы очаровать Гиффорд, а быть может, просто чтобы сбить с толку, успокоить, усыпить ее бдительность. Казалось, он видел не свое отражение в ее глазах, а только ее.

– Гиффорд, – шептал он. – Внучка Джулиена.

Неожиданно ее охватил такой невероятно гнетущий ужас, какими бывают лишь бесконечные детские страхи. Это был миг безумного помрачения. Ребенком она в такие минуты обычно вся скукоживалась и, стиснув колени руками, принималась рыдать, боясь при этом приоткрыть глаза, боясь каждого скрипа в доме, боясь стонов матери, а также темноты и всего того кошмара, который та в себе таила.

Усилием воли Гиффорд заставила себя вернуться к реальности. Для этого она посмотрела вниз, желая почувствовать под ногами кафельный пол и увидеть надоедливо-настойчивое мерцание огня. Потом взглянула на руки незнакомца – они были белыми, но с ярко очерченными, как у всякого взрослого, венами. Она перевела взор на его гладкий, без единой морщинки, как у самого Христа, обрамленный темными волосами лоб. Она невольно обратила внимание на очертания его ровных черных бровей, благодаря которым еще ярче выделялись глаза, особенно когда они были устремлены на нее. Покрытый блестящей и густой черной бородой подбородок остро выдавался вперед.

– Я хочу, чтобы вы сейчас же покинули дом, – произнесла она, понимая всю бессмысленность и бесполезность собственных слов.

Гиффорд вспомнила о пистолете, который лежал в туалете. Только сейчас она поняла, что всегда искала повод применить его в деле. В ее памяти всплыли запах пороха и грязный тир с цементными стенами в Гретне. Казалось, она даже слышала бодрый голос Моны. И почти осязала большой и довольно увесистый предмет в своих руках, который сотрясался при каждом нажатии курка. О, как бы он сейчас ей пригодился!

– Я хочу, чтобы вы пришли сюда утром, – продолжала она, кивком стараясь придать своим словам больше веса. – А сейчас вы должны покинуть мой дом. – Она почему-то вновь вспомнила об ордене. О господи, почему ей не пришло в голову его надеть! А ведь ей хотелось это сделать. «О святой Михаил Архангел, защити нас в делах ратных!» – Уходите отсюда!

– Не могу, драгоценная моя, – медленно пропел он в ответ.

– Вы несете какую-то чушь. Я вас не знаю. И повторяю еще раз: уходите.

Она хотела отойти в сторону, но не могла набраться смелости.

Внезапно его лицо утратило всякое очарование и сострадание, если таковое на самом деле было. Он глядел на нее внимательным взором, в котором, возможно, прослеживалась некоторая горечь. Его лицо, как у всякого ребенка, было подвижным и одновременно спокойным. Промелькнувший в глазах всплеск эмоций не оставил на нем ни малейшего следа. Особенно гладок и совершенен был его удивительно пропорциональный лоб. Любопытно, был ли Дюрер от природы таким же совершенным?

– Прошу тебя, Гиффорд, вспомни меня, – продолжал умолять он. – Я тоже был бы не прочь тебя вспомнить. Когда ты увидела меня, я стоял под деревьями. Расскажи мне, что ты видела. Помогите мне, пожалуйста, Гиффорд. Помогите мне сложить все в одну картину. Я совсем растерялся в этом мире. И преисполнился таких древних страстей, как злоба и

ненависть! Преисполнился вечных как мир равнодушия и боли! Конечно, когда я был невидимым, во мне присутствовала мудрость. И разумеется, я был ближе к ангелам небесным, чем к дьяволу. Но меня манила плоть, и я не смог устоять. Я не хочу утратить ее еще раз. Ни за что не позволю себя разрушить. Моя плоть будет жить. Ты знаешь меня, Гиффорд. Скажи, что это так.

– Я не знаю вас! – проговорила она, отшатнувшись и шагнув назад.

Их разделяло такое малое расстояние, что она не могла рассчитывать на побег. Если бы даже она решилась это сделать, он тотчас бы схватил ее за шею. Стоило ей представить его пальцы у себя на затылке, как у нее вновь затряслись поджилки. Ее охватил дикий ужас от сознания того, что он в любой момент мог это сделать и никто не в силах его остановить; оттого, что люди вообще способны на такие поступки, и оттого, что она одна и совершенно беззащитна перед странным незнакомцем. Охваченная этими мрачными мыслями, она вновь принялась требовательно уговаривать его покинуть дом:

– Уходите отсюда! Слышите! Немедленно уходите!

– Не могу, красавица моя, – слегка приподняв бровь, упорствовал он. – Поговори со мной. Расскажи, что ты видела, когда много лет назад приходила в тот дом.

– Зачем я вам нужна?

Она отважилась сделать еще один, очень осторожный шаг назад. За ее спиной расстилался пляж. Что, если она побежит через двор по дощатой дорожке прямо к заливу? Теперь морской берег казался ей пустынным пристанищем кошмарных снов. Интересно, не снился ли ей когда-то очень давно этот ужасный сон?

«Никогда, никогда не произноси это имя!»

– Я теперь такой неуклюжий, – неожиданно разоткровенничался незнакомец. – Пожалуй, когда я был призраком, то был куда более изящен, верно? Я мог прийти и уйти, когда мне было нужно. Теперь же приходится странствовать по жизни так, как делают это все люди. Но мне нужны только Мэйфейры. Нужны они все до единого. Я хочу собрать их всех в тихой прекрасной долине и петь для них под луной. Ведь прежде я с легкостью мог собрать вас всех в один круг. Но теперь у нас никогда не будет такого счастья, Гиффорд. Полюби меня, Гиффорд.

Он резко отвернулся, будто пронзенный болью. Но ему не нужно было ни ее сочувствие, ни ее участие. Ему было ровным счетом все равно, какие она испытывала к нему чувства. Предавшись своему страданию, он довольно долго сохранял молчание, и все это время его грустный и безразличный взор был устремлен в сторону кухни. В выражении его лица и в манере держаться было нечто такое, что невозможно выразить словами.

– Гиффорд, – наконец произнес он. – Гиффорд, скажи... Каким ты меня находишь. Хорош ли я для тебя? – Он вновь повернулся к ней лицом. – Посмотри на меня.

Он резко склонил голову, собираясь ее поцеловать, причем сделал это с такой стремительностью, с какой только пернатые способны добраться до воделенного водопоя. И вновь ее окатила волна теплого приятного аромата, на сей раз напоминавшего запах какого-то животного. Подобным образом пахнут собаки и птицы, когда их вытаскивают из клетки. Его губы закрыли ей рот, а ладони обвили шею. Она почувствовала, как его большие пальцы нежно скользнули по ее подбородку, потом по щекам. И ей захотелось убежать, скрыться, замкнуться в своем внутреннем мире, чтобы оградить себя от всякой боли. Она почувствовала томительно-приятное тепло, разливающееся внизу живота, и хотела сказать: «Этому никогда не бывать», но не смогла вымолвить ни слова. Гиффорд поняла, что

оказалась полностью в его власти. Он убаюкал ее своими нежными ласками, пальцами, которые поглаживали ей шею и лежали прямо на горле. По телу пробежали мурашки – по спине, по плечам и рукам, до самых кончиков пальцев. Господи, кажется, она вот-вот упадет в обморок. Она теряла сознание.

– Нет, нет, дорогая, я не причиню тебе боли, – как бы в ответ на ее страхи проговорил ночной посетитель. – Гиффорд, милая, моей победе будет грош цена, если я заставлю тебя страдать.

Его слова прозвучали как песня. Ей казалось, что она даже слышала мелодию, которая будто изливалась из него во мрак комнаты. Он целовал ее снова и снова. Пальцы, покоившиеся на ее горле, не сдавливали его. Тем не менее она дрожала. Гиффорд не сразу осознала, что невольно положила руки ему на грудь. Конечно, она не смогла бы с ним справиться. Не смогла бы даже сдвинуть его с места. Ведь он все-таки мужчина и, без сомнения, намного сильнее ее. Всякие попытки с ее стороны отстраниться от него были бы тщетны. Внезапно ее тело охватило такое сильное и до боли приятное ощущение, что она сотряслась в сладостном спазме – можно сказать, достигла вершины, если бы за ней не последовало множество других таких же вершин. А когда вы достигаете множества вершин, это уже не победа, а, наоборот, верное поражение. Нечто вроде сдачи в плен противнику.

– Пусти меня, – с истинно детским простодушием произнес он. – Позволь мне войти в тебя. Ты создана для меня. И должна принадлежать мне.

Он отпустил ее, потом снова подхватил и ласково поднял на руки. В следующий миг она ощутила под собой холодный пол. Глаза ее оставались открытыми, и она молча наблюдала за тем, как он стаскивает с нее шерстяные чулки. И в это мгновение Гиффорд вдруг ни с того ни с сего подумала, что свитер может оказаться слишком колючим. Интересно, каково это обнимать человека, облаченного в одежду из грубой шерсти? Шелковые волосы приятно щекотали ей лицо. Она все ощущала и слышала, но не могла издать ни звука. В этом был виноват запах. Он напрочь лишал ее сил, путал мысли в голове.

– Нет, я не позволю этому случиться, – с трудом выдавила из себя Гиффорд. – Ее голос прозвучал словно издалека. В нем не ощущалось ни силы, ни даже какого-либо искреннего желания говорить. – Уходи, Лэшер, оставь меня, – продолжала она все тем же безвольным тоном. – Я тебе говорю. И Стелла говорила маме...

Она потеряла мысль на лету. А в памяти мгновенно возникло видение из далекого прошлого. Это была юная Дейдре, ее старшая двоюродная сестра. Когда-то она забралась на высокий дуб. И там, откинувшись назад и сомкнув веки, предавалась любовным утехам с каким-то мужчиной. Помнится, на ней было коротенькое цветастое платье, не способное скрыть от посторонних глаз творимый ею грех. Гиффорд стояла под деревом и была свидетелем Дурных Мыслей и Порочных Прикосновений. Свидетелем экстаза! Тогда она впервые увидела во всей красе мужскую плоть, которая сливалась с лоном женщины.

– Избави нас от зла, – прошептала она.

За сорок шесть лет жизни подобным образом прикасался к ней только один мужчина. Только один мужчина мог так неловко срывать с нее одежду, будь то в шутку или всерьез. Только он мог вонзять в нее свой член и целовать ей горло. То, что происходило с ней теперь, не было плодом воображения. Она явственно ощущала в себе мужскую плоть, которая проникала все глубже и глубже. Да, именно плоть, а не призрачную субстанцию.

«Господи, я не могу!.. Господи, помоги мне!»

– Ангел Господень, мой святой хранитель...

Слова сорвались у нее с языка сами по себе. Она с ужасом вдруг поняла, что, несмотря на то что не давала согласия на подобные действия с его стороны, она тем не менее даже не пыталась оказать ему сопротивление. И вдруг ее поразила страшная мысль: что скажут люди, узнав, что она даже не боролась за свою честь. А между тем все было именно так. Трусливая пассивность, замешательство, вялые попытки схватить его за плечо и оттолкнуть, которые всякий раз заканчивались безрезультатно – ее ладонь лишь безвольно проскальзывала по гладкому ворсу его пиджака. А в конце концов, когда он неистово ею овладел, она позволила волне экстаза захлестнуть ее целиком и унести в море мрака, тишины и умиротворения.

– Зачем? Зачем ты это делаешь? – бормотала Гиффорд.

Охватившее ее сладостное ощущение было сродни запаху, исходившему от мужчины. Оно было таким сильным, что у нее даже закружилась голова. Вместе с движениями мужского органа внутри ее тела все это создавало впечатление чего-то чрезвычайно естественного, благодного и полноценного. В какой-то миг ей показалось, что все закончилось, и она перевернулась на бок, но вскоре поняла, что на самом деле даже не шевельнулась, а он продолжал в нее вонзаться снова и снова.

– Милая моя Гиффорд, – пропел Лэшер. – Удостоить меня стать твоим женихом в горной долине, в круге. Будь моей невестой.

– Мне кажется... Мне кажется... Ты делаешь мне больно, – с трудом вымолвила она. – О Господи! О Матерь Божья! Помогите мне! Господи! Ну хоть кто-нибудь! Помогите!

И снова ее мольбы потонули в его поцелуе. И еще одна горячая струя спермы излилась в ее лоно, после чего слегка вытекла наружу и расплылась под ее телом. Гиффорд ощутила подъем очередной волны сладострастия, столь сильной, что не смогла ей противостоять. Сначала ее подбросило вверх, потом начало швырять из стороны в сторону.

– Помогите мне! Кто-нибудь...

– Здесь никого нет, дорогая. В этом заключается секрет нашей вселенной, – проговорил он. – Это моя участь и мои слезы. И мое послание миру. Чрезвычайно приятно, не правда ли? Всю свою жизнь ты говорила себе, что это не имеет для тебя никакого значения...

– Да...

– Говорила, что существуют более возвышенные вещи. Теперь ты знаешь, ты знаешь, почему люди рискуют жизнью ради каких-то нескольких мгновений. Ради чисто плотского удовольствия. Ради этого экстаза.

– Да.

– Теперь ты знаешь, что, кем бы ты ни была прежде, кем бы ты ни была всегда, живой ты стала только сейчас, со мной. Когда я внутри тебя, а ты ощущаешь лишь собственное тело, и все остальное на свете перестало для тебя существовать. Драгоценная моя Гиффорд.

– Да.

– Принеси мне ребенка. Представь, Гиффорд. Представь только его маленькие ручки и ножки. Представь, как он просыпается. И вытащи его из мрака. Стань чародейкой моих снов, Гиффорд. Матерью моего ребенка.

* * *

Солнце светило прямо над головой, и в тяжелом свитере ей было жарко и неудобно. Ее разбудила сильная боль внутри, которая толкала ее вверх, заставляя выбраться из тумана и

приоткрыть глаза. Но стоило ей это сделать, как она тотчас сощурилась, потому что над ней простиралось яркое небо.

Боль скручивала ее, поднималась пульсирующими волнами откуда-то изнутри, накатывалась невыносимыми спазмами. Это были родовые схватки! Она провела рукой между ног и, почувствовав влагу, подняла пальцы к лицу. Они были в крови, капля которой упала ей на щеку. Она явственно это ощутила. Равно как видела, какой огненно-красной была ее кровь. Настолько красной, что даже ничуть не померкла в отсветах слепящего солнечного света.

Неожиданно ее окатило ледяной водой. Огромные волны то вздымались и падали прямо на нее, то, словно поглощенные ветром, исчезали в небытие. Гиффорд лежала на берегу залива. На востоке вставало солнце. Выбравшись из-за кудлатых гор-облаков, оно уже пустилось в свое очередное путешествие по голубому небосклону.

– Ты видишь это? – жутким шепотом спросила она.

– Прости, дорогая, – ответил он.

Лэшер стоял поодаль от нее, и на фоне яркого морского пейзажа она могла различить лишь темные очертания его фигуры; отчетливо выделялись разве что его длинные, развевающиеся на ветру волосы. Она вдруг вспомнила, какими они были шелковистыми, какими красивыми и какой дивный источали аромат. Но сейчас Лэшер был для нее просто маячившим вдалеке силуэтом. Правда, она явственно ощущала его запах, а также слышала голос... Но не более того...

– Прости меня, драгоценная моя. Без этого я не мыслю своей жизни. Знаю, ты старалась. Прости, дорогая моя, любимая моя Гиффорд. Я не хотел причинять тебе боль. Мы оба старались. Господи! Прости меня! Что мне делать, Гиффорд?

И вновь наступила тишина, которую нарушал только шум падающих волн.

Куда он подевался? Куда запропастился ее худой, как тростинка, Христос с мягкими блестящими волосами, который так долго беседовал с ней? Вода омывала ей лицо, и это было очень приятно. Она пыталась вспомнить, о чем он ей рассказывал. Кажется, он говорил что-то о том, как он пойдет в какой-то маленький городок и найдет в хлеве детскую колыбельку и маленького гипсового Христа. Говорил о братьях-монахах в коричневых одеждах и о том, что он сам желал стать не священником, а только одним из братьев. «Но ты предназначен для большего», – убеждала его она.

На мгновение сквозь боль ее пронзило острое чувство потери – ощущение навечно утраченных слов, часов и образов. Помнится, она сказала ему, что тоже была в Ассизах^[23] и что ее святым был Франциск Ассизский. Просила вытащить у нее из сумочки орден. Это был орден Святого Михаила, но все равно он был ей нужен. Он все понял. Тот, кто понимает святого Франциска, тот поймет и святого Михаила. Тот поймет всех святых. Она хотела его о чем-то спросить, но он продолжал рассказывать ей о песнях, которые любил. Ему нравилось петь по-итальянски и исполнять латинские гимны. В них не было ничего премудрого. В них говорилось о солнечных холмах Италии и о том, как холодный туман стучается над Доннелейтом.

Гиффорд почувствовала тошноту и вкус соли на губах. Руки ее занемели от холода. Вода обжигала ее! Накатившиеся волны перевернули ее на другой бок, и песок больно впился ей в щеку. Боль в животе стала невыносимой. О Боже, ты не можешь представить себе такую боль и не... Что? Помоги же мне!

Она опять перевернулась на правый бок, посмотрела на сияющий залив и на утро,

представшее ее глазам во всем своем великолепии. Господи, это все случилось на самом деле и она не смогла это остановить! А теперь это превратилось в массу изливающихся из нее, произносимых шепотом тайн и угроз... И это убило ее.

Но что будет делать без нее Райен? Что станет с Пирсом, если ее не будет в живых? Она нужна Клэнси. Их свадьба может расстроиться, если что-то случится с Гиффорд! Господи, куда же подевалась Роуан? Интересно, какую они выберут церковь? Только не церковь Святого Альфонса. Роуан!..

Неожиданно на нее навалилось множество дел, которые предстояло сделать. Она начала мысленно составлять списки и строить планы. Нужно было не забыть позвонить Шелби и Лилии. Ее вновь окатила вода, но она уже не ощутила ни вкуса соли, ни леденящего холода. Алисия не знает, где находится виктрола! Об этом не знает никто, кроме Гиффорд. Господи, да ведь она совсем позабыла о салфетках к свадьбе! В мансарде на Первой улице хранится целый ворох льняных салфеток, вполне пригодных для таких торжеств. Но воспользоваться ими можно только в том случае, если к этому времени вернется Роуан и распорядится, чтобы... О святые небеса! Единственным человеком, который не вызывал у Гиффорд беспокойства, была Мона. Кому-кому, а ей тетушка была совершенно не нужна. Мона!..

О, до чего же приятна вода! Нет, Гиффорд ничуть против нее не возражала, как говорится – ни капельки. Интересно, где ожерелье? *Роуан, уж не ты ли взяла его с собой?* Лэшер все же дал Гиффорд орден. Он висел у нее на шее, но не могло быть и речи о том, чтобы поднять руку и коснуться цепочки. Сейчас гораздо важнее провести, так сказать, полную инвентаризацию. И главное, не забыть включить в эту опись виктролу, семейный жемчуг, ожерелье и пластинки дядюшки Джулиена. А также все старые песни, которые проигрывали на виктроле, и платья, в свое время принадлежавшие бабушке Эвелин и теперь хранившиеся в сундуке в мансарде. Гиффорд окунула голову в воду, надеясь таким образом смыть кровь с лица и рук.

Нет ничего страшного в том, что вода такая холодная. На это вполне можно не обращать внимания. Другое дело – боль, ужасная, мучительная, раздирающая на части. Она ни на миг не позволяет о себе забыть. Да и вообще, стоит ли жизнь таких мучений? Вряд ли. Что необычного в том, чтобы терпеть эту боль? Что необычного в том, чтобы переносить такие страдания? В этом нет ничего особенного, и все это знают. Так стоит ли ради этого жить? Она, во всяком случае, не могла дать утвердительный ответ на этот вопрос.

Сейчас мать чувствовала себя очень несчастной. Ей хотелось освободиться от ленты, связывавшей ее руки, но, сколько она ни боролась, добиться желаемого результата не могла. Когда мать плакала, Эмалет тоже чувствовала себя несчастной. Постель, в которой лежала мать, была до безобразия грязной, и от этого ее тошнило. Едва мама повернула голову набок, как ее вырвало, а мир Эмалет содрогнулся, словно от землетрясения.

Эмалет в полной мере чувствовала материнскую боль. Если бы только мать знала об этом, если бы она хоть смутно догадывалась о том, что внутри ее находилось разумное существо. Но она этого пока не знала. И поэтому, наверное, вела себя так опрометчиво. Она кричала, но никто не приходил ей на помощь. В ярости она пыталась разорвать ленту, но та не поддавалась. Случалось, что она надолго погружалась в сон, и ей снились странные сны. Но стоило ей проснуться, как она снова начинала плакать.

Когда мать смотрела в окно, которое находилось довольно далеко от нее, Эмалет тоже видела башни, огни большого города и облака в небе. Так же, как мать, она слышала шум пролетающих самолетов и доносящийся откуда-то снизу рокот машин. Когда мать упоминала какое-то название, Эмалет уже знала, что оно значит. Мать ненавидела место, в котором находилась. Ругала его грязными словами, а также бранила себя и обращалась с молитвами к мертвым. Отец рассказывал Эмалет о том, что представляли собой эти умершие люди. Он говорил, что они никогда не смогли бы помочь матери.

Мертвые находятся за пределом этого мира, утверждал отец. Когда-то он был среди них, но возвращаться туда не хотел. По крайней мере, до тех пор, пока не придет время. Но, прежде чем оно настанет, ему и Эмалет нужно успеть размножиться и покорить мир. Земля должна принадлежать их детям.

– Мы пришли в этот мир в самое удачное время. Никогда прежде он не был в такой мере готов к нашему появлению. В далеком прошлом нам было трудно выжить. Но сейчас все по-другому. Будем терпеливы и смиренны – и весь мир станет нашим.

Эмалет молилась, чтобы вернулся отец. Он придет и освободит мать, позволит ей встать с ненавистной кровати. Тогда она больше не будет плакать. Ведь отец любит маму.

– Помни, – как-то сказал он Эмалет, – я люблю ее. И она нам нужна. У нее есть молоко, без которого ты никогда не сможешь вырасти.

Эмалет с нетерпением ждала того времени, когда она сможет выйти из мрака материнской утробы и расправить свои конечности, чтобы дальше расти, ходить, улыбаться, сидеть на руках у отца. Бедная мама. Ей было больно. И она все больше и больше спала.

Когда она спала, в комнате было тихо и одиноко. С каждым разом ее сон был все глубже и глубже. И Эмалет начала уже побаиваться, что когда-нибудь мать может не проснуться. Малышка переворачивалась, стремясь добраться наконец до края своего маленького, тесного мирка. Ей становилось страшно оттого, что вокруг начинал меркнуть свет. Но всякий раз оказывалось, что над городом всего лишь сгущались сумерки. А когда становилось совсем темно, дома наполнялись многочисленными огнями. Еще немного – и Эмалет увидит настоящий свет. Отец сказал, что она увидит его ярко и отчетливо. Как это прекрасно!

Отец также говорил, что мертвые не видят света. Им уготован лишь хаос.

Эмалет открыла рот и попыталась выдать из себя слова, изо всех сил надавив на крышу своего убежища. Она вертелась и толкала мать изнутри. Но мать, голодная,

изможденная и одинокая, не просыпалась. Возможно, то, что она сейчас спала и не знала страха, было только к лучшему. Бедная мама.

Юрию нужно было во что бы то ни стало разыскать Эрона Лайтнера в Новом Орлеане. Ради этого ему надлежало незамедлительно покинуть Таламаску. Покинуть Обитель, невзирая ни на какие приказы. Он считал своим долгом найти Эрона и наконец выяснить, какие события послужили причиной столь глубокого беспокойства, внезапно охватившего его любимого наставника и друга.

Выезжая за ворота Обители, Юрий понимал, что вернуться обратно ему уже не суждено. Таламаска не прощала тех, кто не повиновался приказам, а не считаться с требованиями Таламаски он не мог.

Впрочем, все оказалось гораздо проще, чем он себе представлял. Серым и холодным днем он сел в машину и, не мешкая, покинул дорогое его сердцу место на окраине Лондона, которому отдал большую часть жизни.

Впоследствии, размышляя над своим решением, Юрий обнаружил, что не только не испытывал никакого внутреннего конфликта, но даже не слишком терзался сомнениями. Правда, положив руку на сердце, он не мог не признать, что действовал не очень решительно. Однако это было вполне естественно для такого ответственного человека, как он. Особенно ему не давала покоя нравственная сторона дела, поэтому он неоднократно пересматривал свой поступок с точки зрения морали и логики, пытаясь разобраться, как следовало правильно поступить на его месте.

Так или иначе, но Юрий принял решение, не дожидаясь, пока это сделают за него старшины, тем более что они уже запретили ему поддерживать всякие связи с Эроном и сообщили, что дело Мэйфейрских ведьм закрыто.

Чутье ему подсказывало, что с Мэйфейрскими ведьмами творилось что-то неладное. Очевидно, Эрона обескуражило некое непредвиденное и неблагоприятное событие. Чтобы узнать, что именно выбило его друга из колеи, Юрий бросил все и отправился в Новый Орлеан. Впрочем, больше он все равно не мог ничего предпринять в этом направлении.

По происхождению сербский цыган, Юрий был высоким, смуглокожим, с длинными ресницами и огромными черными как уголь глазами. Волосы у него слегка вились, но из-за короткой стрижки, которую он всегда носил, это было почти не заметно. Стройный и довольно подвижный, он предпочитал одежду, которая еще больше подчеркивала его худощавую фигуру: несколько небрежного вида шерстяной пуловер, светлая трикотажная сорочка и защитного цвета брюки в обтяжку.

Глаза у него были слегка раскосыми, а на квадратном лице особенно выделялся красиво очерченный рот, который довольно часто расплывался в улыбке. В Индии и Мексике его всегда принимали за местного жителя. Впрочем, не выглядел он чужестранцем даже в Камбодже или Таиланде. Происходило это, очевидно, потому, что в его чертах, стройной фигуре и, возможно, в спокойных манерах явно прослеживалось нечто азиатское. Боссы из Таламаски называли его человеком-невидимкой.

В этой организации он считался исследователем номер один. К так называемому тайному ордену детективов-экстрасенсов он тяготел с самого детства. Не наделенный никакими экстрасенсорными способностями, он наравне с таламасскими заклинателями, медиумами, прорицателями и колдунами с успехом расследовал самые разные случаи, происходившие по всему земному шару. Более того, у него была репутация одного из самых

удачливых искателей пропавших людей, равно как неумолимого и аккуратного собирателя информации. Другими словами, он принадлежал к числу тех, кого называют недремлющими шпионами. Юрий был чрезвычайно предан Таламаске. Не было такого дела, за которое он бы не взялся, и такой опасности, которую не попытался бы преодолеть, чтобы исполнить свой долг перед орденом.

Вопросы по поводу порученных ему заданий он задавал крайне редко, равно как никогда не пытался охватить разумом полную картину того, к чему был причастен. Короче говоря, не вникал в то, что находилось вне его компетенции, а просто работал на Эрона Лайтнера или Дэвида Тальбота, занимавших весьма высокие посты в ордене. Иногда они не могли его поделить, и у них на этой почве даже возникали споры. Однако это лишь льстило самолюбию Юрия, поскольку он знал, что причиной их разногласий была его исполнительность, которую оба они высоко ценили.

Юрий владел многими языками, причем говорил на них почти без акцента. Благодаря своей матери – и ее любовникам – он уже к восьми годам выучил английский, русский и итальянский.

Когда ребенок столь рано овладевает большим числом языков, у него появляются необычайные преимущества не только в области лингвистики, но также в логике и образном мышлении. Юрий унаследовал от матери живой ум и был по характеру довольно общительным. Хотя по природе ему было не свойственно замыкаться в себе, тем не менее большую часть жизни приходилось подавлять свою разговорчивость и позволять ей проявляться лишь в редких случаях.

Особенно ему на пользу пошло время, проведенное вместе с матерью. Это была далеко не глупая, хотя и чуточку безрассудная дама, довольно красивая, но не прилагавшая никаких усилий, чтобы такой казаться. Она неплохо зарабатывала на своих приятелях-мужчинах и, будучи весьма общительной, любила перемолвиться словечком-другим со служащими отелей, в которых развлекала своих поклонников. У нее была уйма подруг, с которыми она встречалась в каком-нибудь кафе, где они болтали без умолку за чашкой кофе или английского чая.

Любовники матери ничего для Юрия не значили. Многих из них он вообще в глаза не видел. А те, что становились спутниками матери на более длительное время, всегда приходились ему по душе. В противном случае мать не стала бы иметь с ними дело. Мальчик рос и взрослел в атмосфере добропорядочной беспечности. Разглядывая журналы и газеты, он рано научился читать. И с детства пристрастился к привычке бродить по улицам.

Его горести и молчание начали свой отсчет с того времени, когда цыгане забрали Юрия к себе. Он никогда не забывал, что они были его родственниками, двоюродными братьями и сестрами. Но это была настоящая банда, которая покупала и переправляла детей в Париж или Рим, чтобы они там промышляли воровством. В их таборе Юрий оказался после смерти матери. Она умерла в Сербии, в своей родной деревне, куда вернулась, как только поняла, что близится смерть.

Спустя много лет Юрий пытался разыскать это захудалое селение и тех, кто остался в живых из его семьи, но не смог восстановить в памяти свое последнее путешествие, из которого помнил только то, что их путь пролегал на север – через Италию в Сербию. События тех дней были омрачены страданиями матери, каждый вдох которой давался со страшными мучениями. Предчувствуя ее кончину, Юрий в глубине души сознавал, что вскоре может остаться совсем один в незнакомой и, в общем-то, чужой ему стране.

Но что же задержало его так надолго в цыганском таборе? Почему он превратился в ловкого карманного воришку? Почему делал то, чему его учили цыгане: танцевал и вертелся среди туристов, между делом вытаскивая у них бумажники?

Кажется, этот вопрос не оставит его в покое до самой смерти. Конечно же, он пытался сопротивляться. Но за это его били, морили голодом, всячески глумились и запугивали. Он дважды пытался бежать, но его отлавливали и в последний раз под страхом смерти строго предупредили, чтобы больше подобное не повторялось. Правда, случалось, что с ним обращались очень бережно, можно сказать – ласково. Его убеждали, увещевали и заманивали многочисленными обещаниями. Все это тоже было.

Когда ему стукнуло девять лет, Юрий понял, что ему уже пора быть умнее. Наверняка его мать даже в его возрасте не была такой глупой. Насколько он помнил, ее никогда не мог запугать и подчинить себе ни один сутенер. Правда, она то и дело влюблялась, по крайней мере на время.

Своего отца Юрий ни разу не видел, но знал, что тот был родом из Лос-Анджелеса и что у него было много денег. Перед тем как отправиться с Юрием в последнюю поездку, в сейфе одного из римских банков мать спрятала паспорт, немного денег и дорогие японские часы – наследство, которое досталось Юрию от родителя, умершего, когда сыну было всего два года.

Однако заполучить все это Юрию удалось только в возрасте десяти лет.

На протяжении нескольких месяцев цыгане заставляли его воровать – сначала в Париже, потом в Венеции и Флоренции; и лишь с наступлением зимы они прибыли в Рим.

В этом древнем как мир городе, который был знаком ему с младенческих лет и в котором он знал все закоулки, Юрий не преминул воспользоваться своими преимуществами. Во всяком случае, у него не возникало вопроса, куда ему следует направиться прежде всего. В разгар одного воскресного утра, пока воры-цыгане промышляли среди толп народа на площади перед Ватиканом, мальчик сделал ставку на свободу и решил бросить очередной вызов судьбе. Разжившись бумажником, который стащил у одного из туристов, он сел в такси и уже через несколько минут оказался в фешенебельном кафе на Виа Венето. Прогуливаясь между рядами столиков, за которыми обычно сидели богатые гости города, он начал подыскивать себе подходящую компанию, вспоминая при этом уроки матери, умевшей проделывать это с завидным изяществом.

Для Юрия не являлось секретом то, что некоторые мужчины предпочитали женщинам маленьких мальчиков. Кроме того, он многому научился, подглядывая за своей матерью в замочную скважину или щель в двери. Не надо было быть слишком искушенным в подобных делах, чтобы понять, что тем, кто брал в свои руки инициативу, было гораздо проще выполнять свои функции, чем тем, кто играл пассивную роль. К тому же, когда стороны вступали в связь в атмосфере взаимной доброжелательности и изящества, весь процесс представлялся не таким уж невыносимым.

У Юрия было еще одно неоспоримое достоинство: привлекательная внешность. Поскольку природа не обделила его красотой, он считал себя вправе воспользоваться этим преимуществом, опять же вспоминая, как мастерски обращала его себе на пользу мать.

Благодаря скудному питанию в цыганском таборе, Юрий был весьма строен и выделялся среди прочих на редкость ровными и белыми зубами и от природы красивым голосом. Все это, вместе взятое, могло сослужить ему хорошую службу. Итак, оценив себя в зеркале общественной уборной и отрепетировав перед ним обворожительную улыбку, он отправился испытывать ее на избранных им партнерах.

Кроме всего прочего, у Юрия обнаружился талант почти безошибочно определять человеческие характеры.

Если не считать нескольких небольших ошибок, которые он совершил поначалу, то можно сказать, что дела у него пошли как по маслу. Отправившись по стопам своей матери, он очень скоро оказался в привычной обстановке роскошных гостиничных номеров с горячим душем и первоклассными обедами. Он быстро научился определять, какой историей следует потчевать того или иного партнера, чтобы удовлетворить его любопытство или успокоить совесть. Причем делал это с такой непринужденностью, что те, невольно поддавшись его обаянию, давали волю своим чувствам, которые были столь очевидны и вполне предсказуемы.

Каждому из своих партнеров он представлялся по-разному: то как индеец, то как португалец, а однажды даже назвал себя американцем. Он говорил, что приехал в Рим отдыхать вместе с родителями. Они оставили его в номере, а сами пошли гулять по магазинам. И если добрый господин не прочь купить ему что-нибудь из одежды в небольшой гостиничной лавке, он с радостью примет от него этот подарок. О родителях волноваться не стоит, потому что они никогда не обращают внимания на такие мелочи. Что же касается книг и журналов, то они тоже ему не помешали бы, как, впрочем, и шоколад, который ему весьма по вкусу. Юрий никогда не скупился на улыбку и благодарность, и, надо отметить, и та и другая чаще всего отнюдь не были неискренними.

В случае надобности Юрий служил своим клиентам переводчиком. Подчас он помогал им подносить покупки, а также сопровождал их в поездках на виллу Боргезе, в одно из его излюбленных мест, где показывал гостям фрески, статуи и все то, что особенно нравилось ему самому. Он даже никогда не считал, сколько ему давали денег. А просто совал их в карман, с деловым видом подмигивая своему благодетелю и одаривая его ослепительной улыбкой.

Но все это время Юрия не покидал страх перед цыганами, которые могли в любой момент выследить его и вернуть в табор. От одной мысли, что это может произойти, у него перехватывало дыхание. Прогуливаясь по парку, он всякий раз дрожал от страха, много курил и проклинал свою горькую участь. Подчас ему казалось, что он вообще никогда не осмелится покинуть этот город. Но, насколько он помнил, из Рима цыгане собирались направиться в Неаполь, поэтому ему оставалось уповать только на то, что они уже уехали.

Бывало и так, что ему приходилось слоняться по гостиничным коридорам, собирая остатки пищи с лежавших на тележках подносов, на которых доставляли еду в номера.

Однако со временем жизнь становилась все легче и легче. Постепенно он научился договариваться с клиентами о том, чтобы провести ночь в чистой постели, и только потом приступал к выполнению своей маленькой задачи.

Один симпатичный седовласый американец купил для него фотоаппарат только затем, чтобы удовлетворить его любопытство, потому что Юрий расспрашивал его о таких штуках. Другой его клиент, француз, отдал ему свой портативный радиоприемник, сославшись на то, что ему надоело таскать его с собой. Двое молодых арабов приобрели ему теплый свитер в магазине английских товаров.

На десятый день свободного предпринимательства карманы Юрия уже порядком раздулись от денег. Бумажное богатство стало довольно увесистым и несколько обременительным, поэтому, набравшись храбрости, он отправился посреди бела дня в шикарный ресторан, где заказал себе обед.

– Мамочка советовала мне есть шпинат, – отчеканил он официанту на великолепном итальянском. – У вас есть шпинат? – поинтересовался он.

Он знал, что шпинат считался одним из лучших блюд в ресторанах Рима. Здесь его умели готовить так искусно, что горечь совсем не чувствовалась. А какая была телятина! Сущее объедение! Свою благодарность Юрий выразил в щедрых чаевых, которые оставил возле тарелки.

Но сколько он еще мог так протянуть?

На пятнадцатый день вольной жизни или немного позже Юрий повстречал человека, который круто изменил его жизнь.

Стоял ноябрь, и на улице с каждым днем становилось все холоднее и холоднее. В тот день Юрий побывал на Виа Кондотти, где в одном из дорогих магазинов, который находился неподалеку от Испанской лестницы, купил себе новое кашемировое кашне. Фотоаппарат висел у него на плече, радиоприемник лежал в кармане рубашки под свитером. С набитыми деньгами карманами он бродил по улицам, куря сигареты и хрустя воздушной кукурузой. Уже начинало смеркаться и наступало время, когда ему особенно нравилось разглядывать сияющие огнями кафе, которые так любили посещать американцы. Он уже гораздо реже вспоминал цыган, потому что со дня своего побега ни разу их не встретил.

Узкая улочка, по которой он шел, была пешеходной. Возвращаясь с работы, по ней прогуливались под ручку, как это принято в Риме, симпатичные девушки. Юрий порядком проголодался – воздушной кукурузой долго сыт не будешь – и уже начал подумывать о том, чтобы зайти в один из ближайших ресторанов. А почему бы и нет? Он мог попросить столик для себя и своей мамы, потом, для убедительности выждав некоторое время, сделать заказ и при этом как-нибудь показать официанту, что у него в бумажнике достаточно денег, чтобы расплатиться. Пусть думает, что он из богатой семьи.

Выкинув сигареты и слизнув оставшуюся на губах от воздушной кукурузы соль, Юрий собирался более тщательно обдумать перспективу этой затеи, как вдруг его внимание привлек один молодой человек, который сидел за столиком в кафе, склонив голову над полупустым стаканом и графином вина. На вид ему можно было дать двадцать с небольшим. У него были длинные взлохмаченные волосы, однако это не ввело Юрия в заблуждение. Дело в том, что ему сразу бросился в глаза великолепной работы костюм, который явно выдавал в незнакомце американца. Но не хиппи без гроша в кармане, а вполне состоятельного молодого человека. К тому же перед ним на столе лежали весьма дорогой японский фотоаппарат, записная книжка и чемоданчик. Он пытался что-то записать в обтянутый кожей блокнот, но каждый раз, когда брал ручку и заносил в него несколько слов, его начинал сотрясать жуткий кашель – такой же, как мучил мать Юрия во время их последней поездки. При каждом приступе лицо незнакомца искажала гримаса боли и глаза его невольно закрывались, а когда открывались вновь, то выражали откровенное недоумение. Казалось, он никак не мог понять, как такая ординарная вещь, как кашель, может приносить столько страданий.

Юрий наблюдал за ним со стороны. Помимо того что молодого человека бил кашель, он еще изрядно продрог и был мертвецки пьян. Это обстоятельство слегка оттолкнуло Юрия. Он сразу вспомнил своих хозяев-цыган, которые практически никогда не просыхали от выпивки. По складу своего характера он не любил одурманивать себя алкоголем. Очевидно, Юрий пошел в мать, единственным пристрастием которой, насколько он помнил, был черный кофе.

Но, несмотря на то что молодой незнакомец не вязал лыка, что-то в нем все же привлекало внимание Юрия. Возможно, его беспомощность, молодость и отчаяние. Мужчина вновь попытался что-то записать в блокноте, потом огляделся по сторонам, – очевидно, краем своего замутненного сознания он понимал, что уже наступил вечер и нужно подыскать себе более теплое местечко. Затем он поднял стакан с темно-красным вином и медленно его осушил, но не успел выпрямиться, как вновь зашелся очередным приступом кашля. Не в силах удержать вертикальное положение, он тяжело откинулся на спинку металлического кресла.

Да, пожалуй, на вид ему было не больше двадцати пяти. Его всклокоченные волосы выглядели чистыми, а под голубым пиджаком помимо белой рубашки с шелковым галстуком был надет шерстяной жакет. Очевидно, не будь он так болен и пьян, с ним можно было бы неплохо поразвлечься. Очень неплохо поразвлечься!

Однако он явно был очень болен. Что-то в нем тронуло Юрия до глубины души. Возможно, то, как он сидел. У незнакомца был на редкость жалкий и несчастный вид. Он не находил в себе сил даже пошевелиться, хотя прилагал к этому немалое старание. Юрий осмотрелся по сторонам. Ни цыган, ни кого-либо на них похожего поблизости не было. Не заметил он также и полицейских. Значит, помочь бедняге добраться до теплого крова будет не так-то трудно.

Он подошел к столу и сказал по-английски:

– Вы замерзли. Позвольте мне поймать для вас такси. Это можно сделать на Пьяцца ди Спанья. Вас отвезут в отель или в любое другое место, которое вы укажете.

Мужчина в недоумении уставился на него, словно не понимал английского. Юрий слегка наклонился и положил руку ему на плечо. Молодого человека била дрожь, а глаза его налились кровью. Но до чего интересное было у него лицо! Широкие скулы, высокий лоб. Несомненно, оно было очень красиво. Возможно, Юрий ошибся, и незнакомец был вовсе не американец, а швед или норвежец, раз он не понимал по-английски.

Но вскоре его сомнения развеялись.

– Малыш, – ласково произнес он, расплывшись в улыбке. – Мой малыш.

– Да, я малыш, – сказал Юрий, расправив плечи, улыбнувшись и подмигнув правым глазом.

На самом деле его сердце сжалось от боли, потому что так называла его мать. К тому же незнакомец произнес это точно таким, как она, тоном.

– Разрешите мне вам помочь, – продолжал Юрий, взяв мужчину за правую руку, которая безжизненно лежала на столе. – Вы так замерзли.

Мужчина хотел что-то ответить, но ему помешал кашель. Юрий остолбенел. Он испугался, что молодой человек может начать кашлять кровью. Как бы предугадав его опасения, тот выудил из кармана носовой платок и закрыл им лицо. Причем сделал это таким неуклюжим движением, будто производить подобные действия было выше его сил. На этот раз он забился в конвульсиях в полной тишине, как будто проглотил и кровь, и шум, и боль. Затем сделал на редкость безнадежную попытку встать на ноги.

Юрий понял, что нужно брать дело в свои руки. Обняв молодого человека за талию, он помог бедняге подняться и неспешно повел его между беспорядочно стоявшими металлическими столиками, за которыми весело болтали туристы. Потом так же медленно и осторожно они прошли по чистой и красивой Виа Кондотти, вдоль которой ярко пестрели цветочные прилавки и двери открытых магазинов.

К этому времени уже совсем стемнело.

Когда они подошли к Испанской лестнице, молодой человек шепнул Юрию, что живет в гостинице, которая находится наверху этой лестницы, выразив при этом большое сомнение, что сможет по ней подняться. Юрий призадумался. Чтобы попасть в гостиницу кружным путем, потребуется затратить много времени. Но ничего лучшего он придумать не мог. В самом деле, одолеть столько ступенек бедолаге совсем не под силу. Поэтому Юрий поймал такси и сообщил водителю, куда ехать.

– Да, «Хасслер», – с облегчением подтвердил спутник Юрия, откинувшись на сиденье и закатив глаза, как будто собирался сию минуту умереть.

Но когда они вошли в знакомый вестибюль, в котором Юрий нередко играл еще ребенком – но не настолько часто, чтобы его запомнили равнодушные и подобострастные служащие, – оказалось, что молодой человек в этом отеле не жил, а только оставил большую пачку итальянских денег и внушительную стопку международных кредитных карточек. На беглом итальянском, время от времени прерываемом легким кашлем, он объяснил портье, что ему нужен номер люкс. Все это время он стоял в обнимку с Юрием, поскольку сохранять вертикальное положение без посторонней помощи просто не мог, поэтому давать какие-либо объяснения по поводу присутствия малолетнего провожатого было совершенно излишне.

Едва Юрий доставил его до кровати, как тот сразу потерял сознание и пролежал неподвижно довольно долгое время. От него исходил специфический теплый запах, а глаза его то лениво открывались, то закрывались.

Юрий заказал в номер бульон, хлеб, масло и вино. Он не знал, что еще можно было сделать для этого человека. Мужчина лежал на кровати, улыбаясь, как будто нашел в манерах Юрия нечто особо привлекательное. Мальчику было знакомо это выражение лица. Так часто смотрела на него мама.

Чтобы не беспокоить незнакомца дымом, Юрий удалился покурить в ванную.

Когда принесли бульон, он покормил мужчину с ложечки, а после поднес к его губам стакан с вином. Ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как тот ест и пьет.

Только когда немного вина пролилось на плохо выбритый подбородок мужчины, Юрий понял, что тот был наполовину парализован. Молодой человек, казалось, пытался пошевелить правой рукой, но безуспешно. Тогда Юрий вспомнил, что тот тщился делать какие-то записи в блокноте и доставать деньги из кармана в вестибюле отеля левой рукой. Возможно, поэтому он их уронил. Покоившаяся на плече Юрия рука была безжизненной, равно как бесчувственна была половина лица.

– Что я могу сделать для вас? – спросил Юрий на итальянском. – Может быть, позвать врача? Ведь вам нужен врач? Где ваша семья? Скажите, как с ней связаться?

– Поговори со мной, – ответил мужчина на итальянском. – Побудь со мной. Не уходи.

– Поговорить? Зачем? Что я могу вам рассказать?

– Расскажи мне какие-нибудь истории, – ласковым тоном продолжал мужчина на итальянском. – Расскажи, кто ты такой. Откуда родом? И как тебя зовут.

Юрий быстро сочинил нехитрую историю. Сказал, что он сын одного магараджи из Индии, откуда они с матерью сбежали. В Париже их похитили убийцы с целью получения выкупа, но Юрию только что удалось от них спастись. Он говорил легко и быстро, почти не вкладывая в свою речь никаких чувств. Вскоре он заметил, что мужчина улыбается. Не иначе как он догадывался, что всю историю Юрий выдумал. Чем шире мужчина улыбался и даже

посмеивался, тем больше увлекало Юрия это занятие. Его вымысел, подчас немного глуповатый, становился все более фантастическим, все более невероятным и в то же время настолько интересным, что не мог оставить слушателя равнодушным. Он хотел как можно сильнее поразить молодого человека своим рассказом, потому что ему очень нравилось веселое выражение его глаз.

В этой истории его мать обладала несметным сокровищем – огромным рубином, который во что бы то ни стало жаждал заполучить магараджа. Но она спрятала его в сейфе в Риме. Наемные убийцы схватили ее и бросили в Тибр. Но перед этим она успела сообщить Юрию, где находится драгоценность, и велела никому об этом не говорить. Он прыгнул чуть ли не на ходу в маленький «фиат» и, к счастью, сумел скрыться от преследователей. Когда же он добрался до сейфа, то никакого рубина в нем не оказалось. Там обнаружилась только маленькая коробочка с навесным замком, внутри которой находился пузырек с жидкостью, дающей здоровье и вечную молодость.

Юрий внезапно остановился. Им овладело странное чувство. Ему показалось, что его вот-вот вырвет. Охваченный паникой, он продолжал рассказывать, стараясь не выдать себя голосом:

– Моей матери было уже все равно: она была мертва, а ее тело покоилось в Тибре. Но эта жидкость могла бы спасти мир.

Он посмотрел на незнакомца. Тот по-прежнему улыбался. Очевидно, его бросило в пот, потому что волосы у него были мокрыми и спутанными на лбу и на шее, а ворот, видневшийся из-под ослабленного галстука, потемнел от влаги.

– А эта жидкость могла бы помочь мне? – спросил мужчина.

– О да! – не задумываясь, ответил Юрий. – Да, но...

– Твои преследователи у тебя ее отобрали, – подсказал ему молодой незнакомец.

– Да, они выследили меня в вестибюле банка! И вырвали флакон у меня прямо из рук. Я подбежал к охраннику банка и выхватил у него пистолет. Двоих из них мне удалось прикончить на месте. Но третий, тот самый, у которого была жидкость, убежал. Но вся трагедия и весь ужас, да, весь ужас заключается в том, что он не знает, какая драгоценность находится в этом флаконе. Возможно, он продаст ее какому-нибудь торговцу. Кто знает. Магараджа не рассказал этим злодеям, зачем ему нужно было вернуть мою мать.

Юрий остановился. Как только его угораздило такое придумать: жидкость, дающая вечную молодость! Как у него язык повернулся это сказать лежавшему перед ним больному человеку? А что, если тот уже находится на смертном одре? Во всяком случае, сколько он ни пытался пошевелить правой рукой, все было тщетно. И Юрий вспомнил свою мать в последние дни ее жизни, маленькую кровать в Сербии, на которой она лежала, вспомнил о цыганах, которые пришли и сказали, что они его кровная родня, двоюродные братья и сестры! Лгуны! Они все врал. И так ему тошно стало от этой грязи жизни.

Разумеется, если бы мама хоть на миг могла представить, чем это закончится, она ни за что не привезла бы его в Сербию. От этих воспоминаний Юрия обуял холодный гнев.

– Расскажи мне о дворце магараджи, – тихо попросил его мужчина.

– Ах да... дворец... Ну, он целиком построен из белого мрамора...

И далее Юрий с большой изобретательностью принялся описывать полы, ковры, мебель...

Затем он рассказал множество историй об Индии, Пекине и некоторых других местах, в которых якобы побывал.

Когда поутру Юрий проснулся, оказалось, что он проспал всю ночь, сидя у окна и сложив руки на подоконнике, послужившем ему вместо подушки. Внизу в серой дымке вырисовывался распростершийся во все стороны Рим. С улицы доносился шум городского транспорта.

Юрий взглянул на своего вчерашнего знакомого и обнаружил, что тот смотрит на него — и, похоже, уже давно. На мгновение мальчику показалось, что он умер. Но вскоре мужчина мягким тоном произнес:

— Юрий, ты должен сделать для меня один телефонный звонок.

Юрий кивнул, про себя отметив, что мужчина обратился к нему по имени, несмотря на то что мальчик, кажется, его ни разу не называл. Хотя не исключено, что мог случайно упомянуть его в какой-нибудь из своих историй. Впрочем, какое это имело значение? Юрий взял со столика телефонный аппарат и, взобравшись на кровать, чтобы быть поближе к мужчине, поднял трубку и назвал оператору имя и номер. Звонок был адресован какому-то человеку, находившемуся в Лондоне. На другом конце ему ответили по-английски, и Юрий сразу почувствовал в своем собеседнике образованного человека.

Мальчик передал сообщение, которое больной тихим и безразличным тоном произнес ему по-итальянски.

— Я звоню по поручению вашего сына Эндрю. Он очень болен. Очень. Он в Риме, в отеле «Хасслер». Просит, чтобы вы к нему приехали. Он говорит, что сам добраться до вас не сможет.

Человек на другом конце провода быстро перешел на итальянский, после чего разговор продолжался еще некоторое время.

— Нет, сэр, — отвечал Юрий, следуя инструкциям Эндрю. — Он наотрез отказывается от врача. Да, сэр, он останется здесь. — Юрий назвал номер их телефона. — Хорошо, сэр, я прослежу, чтобы он поел.

Юрий по мере возможности описал состояние больного. Он даже позволил себе предположить, что Эндрю парализовало, полагая, что такие новости повергнут отца в ужас, и про себя решив, что тот, не найдя себе места от беспокойства, вылетит ближайшим самолетом в Рим.

— Хорошо, я постараюсь убедить его вызвать врача. Да, сэр.

— Спасибо, Юрий, — поблагодарил его мужской голос на другом конце линии.

И снова Юрий про себя отметил, что не представлялся своему собеседнику по имени.

— Пожалуйста, побудь с ним, — попросил мужчина. — Я приеду, как только смогу.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Юрий. — Я никуда не уйду.

Положив трубку, он снова начал уговаривать Эндрю вызвать врача.

— Никаких врачей, — отрезал Эндрю. — Если ты позвонишь врачу, я выпрыгну из окна. Слышишь? Никаких врачей. Все равно мне уже никто не поможет. Слишком поздно.

Услышав последние слова, Юрий буквально потерял дар речи. Ему казалось, что он вот-вот расплчется. Он вспомнил, как кашляла его мать, когда они вместе ехали на поезде в Сербию. Почему он не заставил ее обратиться к врачу? Почему?

— Поговори со мной, Юрий, — снова попросил его Эндрю. — Придумай какую-нибудь историю. Или, если хочешь, расскажи мне о ней. Расскажи о своей матери. Я вижу ее. Вижу ее прекрасные черные волосы. Доктор не смог бы ей помочь, Юрий. И она это знала. Поговори со мной, пожалуйста.

По телу Юрия пробежали мурашки. Внимательно взглянув Эндрю в глаза, он понял, что

тот читает его мысли. Мать как-то раз говорила Юрию, что этой способностью обладают цыгане. Юрий был лишен такого дара, а вот его мать, по ее словам, обладала им в полной мере. Правда, Юрий этому никогда не верил, потому что ему ни разу не представилось случая убедиться в правдивости ее утверждения. При воспоминании о матери и последнем путешествии в поезде у него зануло сердце. Ему хотелось верить, что врач уже ничем не мог ей помочь, хотя полной уверенности в этом у него не было. Охваченный размышлениями о последних днях жизни матери, Юрий замолчал.

– Я буду рассказывать вам истории только при условии, что вы позавтракаете, – наконец произнес Юрий. – Я закажу что-нибудь горячее.

Окинув его спокойным взглядом, Эндрю слегка улыбнулся.

– Хорошо, малыш, – согласился он. – Будь по-твоему. Но только никаких врачей. Пусть принесут еду прямо в номер. И еще, Юрий. Если я не смогу больше говорить, запомни: ты не должен снова попасть в руки цыган. Попроси о помощи моего отца, когда он приедет.

Отец прибыл только к вечеру.

Юрий был с Эндрю в туалете. Того рвало в унитаз, и он опирался на Юрия, чтобы не упасть. Рвота была с кровью. Поддерживая больного, Юрий стойко боролся с собственной тошнотой, вызванной неприятным запахом. Подняв глаза, он увидел отца Эндрю. Он был седовлас, но вовсе не стар и, судя по внешнему виду, весьма состоятелен. Рядом с ним стоял коридорный отеля.

Вот, значит, какой у него отец, подумал Юрий, которого на миг охватил приступ безмолвного гнева, вскоре сменившийся полным безразличием и нежеланием даже шевелиться.

До чего же холеным выглядел этот немолодой человек с белыми вьющимися волосами! До чего шикарный был на нем костюм! Он подошел, взял сына за плечи, и Юрий отступил назад. Потом с помощью юноши-коридорного Эндрю уложили в кровать.

Тот в беспамятстве рвался к Юрию и постоянно выкрикивал его имя.

– Я здесь, Эндрю, – успокаивал его Юрий. – Я не оставлю тебя. Не волнуйся. Только разреши своему отцу позвать доктора. Пожалуйста, Эндрю. Делай так, как говорит тебе отец.

Он присел рядом с больным, держа его за руку и глядя ему в глаза. Густая щетина молодого человека стала еще гуще, темнее и неопрятнее. Волосы пропахли потом и перхотью. Глядя на него, Юрий едва сдерживался, чтобы не заплакать.

Он боялся, что седовласый мужчина станет его ругать за то, что он не вызвал врача. Переговорив с коридорным, тот сел на стул и стал спокойно смотреть на сына. Казалось, он никоим образом не был ни опечален, ни встревожен, ни даже расстроен. У него были добрые голубые глаза и узловатые, с набухшими голубыми венами руки. Старые руки.

Эндрю долго дремал, а когда проснулся, вдруг попросил Юрия рассказать ему историю о дворце магараджи. Мальчика смущало присутствие пожилого человека, но он все же собрался с духом и решил не обращать на него внимания. Главное для него было то, что происходило с Эндрю. А Эндрю угасал на глазах. Господи, почему его отец не зовет доктора? Почему он ничего не предпринимает? Что происходит? Почему он вообще не заботится о своем сыне? Эндрю хотел услышать историю о дворце магараджи. Ладно, он ее получит.

Юрий вспомнил, как однажды его мать провела несколько дней с одним пожилым немцем в гостинице «Дэниэли». Когда одна из ее подруг удивилась тому, что ей удалось так долго терпеть общество старика, она ответила: «Он всегда был ко мне очень добр. А теперь он умирает. Поэтому я сделаю все, чтобы облегчить ему последние дни жизни». Юрий не

мог забыть выражения ее глаз, когда они приехали в ее родную сербскую деревню и цыгане ей сообщили, что ее мать уже умерла.

Юрий начал свою историю о магарадже. Он рассказывал о слонах, на которых были великолепные седла из красного, расшитого золотом бархата. Рассказывал о своем гареме, в котором его мать была королевой. Рассказывал об игре в шахматы и о том, как они с матерью играли одну партию целых пять лет и никто так и не смог выиграть. Рассказывал, как они любили сидеть за богато убранном столом под мангровым деревом. А также о своих маленьких братьях, сестрах и тигренке на золотой цепочке.

Эндрю постоянно бросало в пот. Юрий собрался сходить в ванную за махровой салфеткой, но больной, открыв глаза, его окликнул. Мальчик поспешно вернулся и обтер лицо Эндрю носовым платком. При этом отец даже не пошевелился. Что, черт побери, с ним происходит?

Эндрю хотел было коснуться Юрия левой рукой и, к своему ужасу, вдруг обнаружил, что она тоже стала неподвижной. Тогда Юрий крепко схватил ее и провел безжизненными пальцами по своему лицу. Этот жест умилил больного, и он улыбнулся.

Примерно через полчаса Эндрю забылся сном и, не просыпаясь, умер. Юрий все это время не сводил с него глаз и видел, как это случилось. Грудь у больного перестала двигаться. Веки слегка приоткрылись. И все. Жизнь покинула его навсегда.

Юрий мельком взглянул на отца Эндрю. Тот продолжал неподвижно сидеть, и взгляд его оставался прикованным к сыну. Мальчик не осмеливался пошевелиться.

Наконец отец, по-прежнему пристально глядя на Эндрю, встал и приблизился к кровати. Потом наклонился и поцеловал сына в лоб. Юрий был поражен до глубины души: дескать, врача к больному не позвал, а теперь целует покойного. Юрий почувствовал, как задержалось у него самого лицо, и понял, что вот-вот не выдержит и расплачется.

Поэтому он поспешно удалился в ванную, вытер там нос туалетной бумагой, достал сигарету и, помяв немного ее в ладони, зажал в дрожащих губах и закурил. Он коротко и торопливо затягивался, пытаясь подавить застилавшие глаза слезы.

За стеной в комнате раздавался какой-то шум. Было слышно, как входили и выходили люди. Прислонясь к белой кафельной стене, Юрий курил сигарету за сигаретой, пока постепенно не успокоился. Перестав плакать, он выпил стакан воды и, скрестив руки на груди, стал раздумывать, как ему незаметно выскользнуть из номера.

Черта с два он будет просить этого типа спасти его от цыган! Черта с два он вообще будет просить его о чем-либо! Он дождетя, когда уляжется вся эта суматоха, а потом сделает ноги. Если кто-нибудь его остановит и о чем-то спросит, он придумает удобоваримое объяснение и сразу же покинет номер. И кончено. Пусть все остается как есть. Его это больше не касается. Правда, возможно, ему придется все-таки покинуть Рим.

– Не забудь про сейф, – вдруг раздался голос отца Эндрю.

Юрий чуть было не подпрыгнул на месте. В двери ванной стоял седовласый мужчина. Комната позади него была уже пуста. Очевидно, тело Эндрю успели к этому времени вынести.

– Что вы имеете в виду? – с удивлением произнес Юрий по-итальянски. – О чем вы говорите?

– О том, что для тебя оставила твоя мать. Паспорт твоего отца и деньги. Она хотела, чтобы эти вещи достались тебе.

– Но у меня нет ключа.

– Мы с тобой вместе ходим в банк. И все там объясним.

– Мне ничего от вас не нужно! – зло огрызнулся Юрий. – Обойдусь и без вашей помощи.

Он попытался пройти мимо мужчины, но тот схватил его за плечо. На удивление, его рука оказалась слишком сильной для такого старика.

– Юрий, пожалуйста. Эндрю просил меня, чтобы я тебе помог.

– Как вы могли позволить ему умереть! Какой же вы после этого отец! Сидели тут сложа руки и молча ждали, пока он умрет!

Сильно оттолкнув мужчину, так что тот на мгновение потерял равновесие, он уже собрался было бежать, когда мужчина вновь схватил его, но на сей раз крепко вцепившись в талию.

– Видишь ли, я был ему не совсем отцом, Юрий, – произнес он мягким тоном, отстраняя мальчика к стене. Казалось, седовласый человек собирался с мыслями. Немного помедлив, он глубоко вздохнул и, окинув Юрия спокойным взглядом, добавил: – Мы с ним состояли в одной организации. В ее рамках он считал меня своим отцом, но на самом деле я таковым никогда не являлся. Он приехал в Рим, чтобы умереть. Такова была его воля. Я сделал все, как он пожелал. Если бы он захотел что-то еще, он бы мне об этом сказал. Но единственное, о чем он попросил меня, это позаботиться о тебе.

И опять он прочел все мысли мальчика. До чего же они умные! Интересно, кто они такие? Кучка разбогатевших цыган? Юрий про себя усмехнулся. И, с подозрением уставившись на мужчину, скрестил руки и уперся пятками в ковер.

– Я хочу помочь тебе, – сказал тот. – Ты лучше, чем те цыгане, что украли тебя.

– Знаю, – ответил Юрий, вспомнив о своей матери. – Всегда одни люди бывают лучше других. Намного лучше.

– Верно.

«Удирать, и немедленно», – опять промелькнуло в голове у мальчика. Он предпринял очередную попытку улизнуть из ванной, но мужчина опять довольно крепко схватил его. Хотя Юрий был отнюдь не слаб для своих десяти лет, а мужчина довольно стар, это ничуть не помогло делу.

– Прекрати ты свои штучки, Юрий, – прикрикнул на него мужчина. – Прекрати свои глупости хотя бы до тех пор, пока мы не ходим в банк. Пока не вскроем сейф. А потом уже будем решать, что делать дальше.

Юрий расплакался и сдался. Они вышли из отеля и сели в ожидавшую их внизу машину – великолепный немецкий седан. Юрий смутно помнил, как выглядит банк, но все служащие были ему незнакомы. Он с большим изумлением наблюдал со стороны за седовласым англичанином, пока тот совершал все необходимые формальности, объясняя положение дел. Наконец сейф был вскрыт. Юрий проверил его содержимое. Несколько паспортов, японские часы отца, толстый конверт с итальянскими лирами и американскими долларами и пачка писем, одно из которых было адресовано его матери в Рим. Все было в целости и сохранности.

Разглядывая эти вещи, касаясь их руками, он вспоминал тот день, когда они с матерью пришли сюда и положили их в сейф. Это повергло мальчика в сильное возбуждение. Когда же банковский служащий, сложив все содержимое в коричневые конверты, отдал их Юрию, тот не мог удержаться, чтобы не прижать их к груди.

Англичанин повел его обратно к машине. Они проехали несколько минут и остановились у небольшого офиса. Там спутник Юрия, поприветствовав одного из служащих,

о чем-то с ним переговорил, и вскоре тот жестом пригласил Юрия встать перед фотокамерой, укрепленной на штативе.

– Зачем? – недоверчиво бросил Юрий, сердито оглядев сначала седовласого мужчину, а потом его дружелюбно настроенного приятеля, который почему-то прыснул со смеху, будто мальчик сказал что-то чрезвычайно остроумное.

– Для паспорта, – пояснил англичанин по-итальянски. – Те, что у тебя есть, не вполне годятся.

– Но это же не паспортная контора, – презрительно возразил Юрий.

– Мы делаем паспорта сами, – ответил спутник Юрия. – Нам больше так нравится. Какое имя ты предпочел бы носить? Или тебе все равно и ты полагаешься в этом вопросе на меня? Я хотел бы предложить тебе сотрудничество. Имея на руках паспорт, ты сможешь отправиться со мной в Амстердам и посмотреть, придется тебе по душе это дело или нет.

– Нет, – вновь засопровтивлялся Юрий, вспомнив о том, как Эндрю упорствовал в своем нежелании вызывать врача. – Никакой полиции. Никаких приютов для сирот. Никаких монастырей. Никаких властей. Нет!

Он перечислил еще несколько известных ему названий на итальянском, румынском и русском, суть которых для него сводилась к одному: «Никаких тюрем!»

– Нет, нет, это совсем не то, что ты думаешь, – терпеливо выслушав его, произнес мужчина. – Я предлагаю поехать со мной в наш дом в Амстердаме. Там ты будешь иметь возможность ходить куда захочешь. Наш дом вполне безопасное место. И у тебя там будет собственная комната.

Безопасное место. Собственная комната.

– Но кто вы? – осведомился Юрий.

– Наша организация называется Таламаска, – ответил мужчина. – Мы ученые. Мы собираем сведения о разных таинственных вещах. И несем ответственность за то, чему были сами свидетелями. Вот чем мы занимаемся. Я все объясню тебе в самолете.

– Умеете читать чужие мысли? – предположил Юрий.

– Да, – сказал мужчина. – Среди нас есть изгои, есть люди замкнутые, пережившие много несчастий, а также те, у кого нет ни единой родной души на всем белом свете. Люди, которые иногда бывают лучше других. Намного лучше. Например, вроде тебя. Меня зовут Эрон Лайтнер. Я хочу, чтобы ты поехал со мной.

Прибыв в амстердамскую Обитель, Юрий вскоре убедился, что сможет убежать из нее, когда пожелает. Он проверил и перепроверил множество дверей – все они оказались незапертыми. Комната, которую выделили Юрию, пришлась ему по вкусу. Небольшая, но безупречно чистая, она выходила окном на вымощенную булыжником набережную канала. Правда, поначалу он тосковал по ярким краскам Италии. Как выяснилось, Амстердам оказался более северным городом, а поэтому более блеклым по сравнению с Римом. Пожалуй, он больше походил на Париж. Как бы то ни было, Юрию город очень понравился. В Обители хватало тепла и уюта. В ней были жаркие каминные, мягкие кушетки и кресла, чтобы можно было слегка вздремнуть, а также упругие кровати и много хорошей и вкусной еды. Улицы Амстердама тоже пришлись ему по душе, потому что большинство домов, построенных в семнадцатом веке, располагались прямо напротив друг друга, образуя длинные линии прочных и красивых фасадов. Ему нравились высокие фронтоны домов, нравились вязы, нравился даже запах чистого белья, которое ему приносили в комнату. Постепенно он полюбил даже холод.

В Обители все время сновали туда-сюда люди с доброжелательными лицами. Ежедневно заседали какие-то старшины, но кто они были такие, Юрий не знал.

– Юрий, хочешь покататься на велосипеде? – однажды спросил его Эрон.

Юрий согласился. Вскоре, переняв навыки от других велосипедистов, как старых, так и молодых, он как ошалелый носился по улицам Амстердама.

Но сколько Эрон ни побуждал Юрия рассказать о себе, мальчик наотрез отказывался это делать. Правда, однажды, когда Лайтнер проявил особую настойчивость, Юрий поведал ему историю о магарадже.

– Нет. Расскажи мне то, что случилось с тобой на самом деле, – не унимался Эрон.

– А почему я должен вам что-то рассказывать? – упрямылся Юрий. – Я даже не знаю, зачем с вами сюда приехал.

Минул уже год с тех пор, как он решил никому не говорить о себе правды. Даже Эндрю не был исключением. Так почему он должен выворачивать свою душу перед Эроном Лайтнером? Тем не менее это случилось, причем совершенно неожиданно для него самого. По-прежнему не допуская и мысли о том, что ему нужно кому-то исповедаться, довериться или что-то объяснить, он вдруг разоткровенничался и выложил все о своей матери, о цыганах, обо всем, что с ним произошло за последние годы. Он говорил и говорил. Прошла ночь и наступило утро, а он все рассказывал... Эрон Лайтнер сидел за столом напротив и внимательно его слушал.

Когда Юрий закончил, у него словно открылись глаза. Он будто ближе узнал Эрона Лайтнера, а Эрон Лайтнер – его. По обоюдному согласию они решили, что Юрий останется в Таламаске, по крайней мере на какое-то время.

В течение шести лет Юрий посещал школу в Амстердаме.

Он жил в Обители, тратя большую часть времени на учебу. После занятий в школе и по выходным работал для Эрона Лайтнера, вводя данные в компьютер, разыскивая в библиотеках малоизвестные материалы или выполняя некоторые мелкие поручения: доставлял, например, на почту или забирал оттуда какую-нибудь корреспонденцию.

У Юрия возникло впечатление, что старшины были среди тех, кто постоянно его окружал. Они могли иметь различные ранги в организации и находиться среди рядовых его членов, тем не менее никто не знал их в лицо. Когда кто-то становился старшиной, об этом никто, кроме него, не знал. Было запрещено задавать вопросы типа: «Ты являешься старшиной?» или «Не знаешь, Эрон – старшина или нет?». Было запрещено пытаться прочесть подобную информацию в чужих мыслях.

Но сами старшины знали друг друга. С помощью имевшихся в Обители компьютеров и факсов старшины могли связаться со всеми членами организации, в том числе и неофициальными, каковым был Юрий, равно как и наоборот: все остальные при желании всегда могли поговорить с ними по собственной инициативе через сеть. Даже глубокой ночью Юрий мог включить компьютер и послать длинное сообщение старшинам, а утром получить напечатанный на принтере ответ.

Это означало, что старшин было много и кто-нибудь из них обязательно «сидел на звонках». Во время связи старшины никогда не проявляли себя индивидуально и даже не пользовались своим настоящим голосом. Кроме того, они были очень добры, внимательны и знали все обо всем и обо всех, причем подчас даже то, чего не знал о себе сам Юрий или, по крайней мере, в чем далеко не был уверен.

Эта безмолвная связь со старшинами приводила Юрия в восторг. Он спрашивал их о

самых разных вещах, и не было ни единого случая, чтобы ему не пришел ответ.

Спускаясь по утрам в столовую к завтраку, Юрий вглядывался в окружающих его людей, пытаясь догадаться, кто из них был старшиной и кто из них этой ночью ответил на его послание. Разумеется, – и Юрию это было хорошо известно – его собеседник мог находиться, например, в Риме. Старшины были везде, в каждой Обители. Все знали только то, что они были немолодыми, очень опытными и убежденными членами ордена. Фактически они управляли организацией, хотя официальным ее руководителем считался назначенный ими Верховный глава.

Когда Эрона перевели в Лондон, Юрий не без грусти расставался с Амстердамом, в котором впервые обрел свой постоянный дом. Тем не менее он без колебаний согласился покинуть его вместе с Эроном. Они поселились в красивом, теплом и безопасном местечке неподалеку от английской столицы.

Юрий полюбил Лондон. И очень обрадовался, когда узнал, что ему предстоит учиться в Оксфорде. Он провел там добрых шесть лет, приезжая к Эрону на уик-энд, – словом, это было такое время, о котором он мог только мечтать.

К двадцати шести годам Юрий вполне созрел, чтобы стать настоящим членом ордена. По этому поводу у него не было ни малейших сомнений. Он с удовольствием отправлялся в командировки по поручению Эрона и Дэвида, а впоследствии начал получать задания непосредственно от старшин, которым после возвращения направлял через компьютер отчеты о выполненной работе.

– Задание от старшин, – говорил он Эрону перед отъездом.

Эрон никогда не задавал вопросов. И никогда ничему особо не удивлялся.

Куда бы Юрий ни ездил, чем бы ни занимался, он всегда звонил Эрону и подолгу беседовал с ним по телефону. Кроме того, молодой человек был предан Дэвиду Тальботу. Ни для кого не было секретом, что Дэвид Тальбот был уже далеко не молод и слишком устал от работы в ордене. Он намеревался вскоре покинуть пост Верховного главы, не дожидаясь, пока старшины вежливо попросят его это сделать.

Но отчитывался Юрий за свою работу только перед Эроном. Эрон оставался единственным, кто был Юрию небезразличен.

Юрий знал, что с Эроном его соединяют особые узы. Это была сильная, неизъяснимая любовь, уходящая корнями в далекое детство. Любовь, которая была тесно связана с глубочайшей благодарностью за спасение и чуткое обращение. Любовь, которую никто, кроме него самого, не смог бы разрушить. Так же как Эндрю, умерший в римском отеле, Юрий считал Эрона своим отцом.

С возрастом Юрий стал больше бывать в разъездах. Ему нравилось странствовать по миру в одиночестве. Наиболее приятно ему было это делать, так сказать, инкогнито. Только когда он слышал вокруг себя разные языки, когда погружался в суету больших городов, кишачих людьми всех возрастов и рангов, когда, растворяясь в этой разнородной толпе, терял свою индивидуальность, – только тогда он ощущал себя воистину живым.

Но в каком бы уголке земного шара Юрий ни находился, он непременно звонил Эрону. Лайтнер никогда не упрекал Юрия за эту своего рода зависимость, а всегда с готовностью отвечал на его звонки, а с годами стал больше раскрывать молодому другу собственные чувства, свои маленькие разочарования и надежды.

Иногда они весьма сдержанно говорили о старшинах, и Юрий никак не мог понять, являлся ли Эрон сам старшиной или нет. Несомненно, Юрию не полагалось это знать, тем

не менее он был почти уверен, что Эрон таковым был. Если не он, то кто же еще? Ведь он принадлежал к когорте самых опытных и мудрых членов Таламаски.

Когда Эрон на долгие месяцы поселился в Соединенных Штатах, чтобы расследовать историю Мэйфейрских ведьм, для Юрия это оказалось бóльшим испытанием. Еще никогда Лайтнер не покидал Обитель на столь долгий срок.

Приближалось Рождество, время одиночества для Юрия, как, впрочем, и для многих других. Получив доступ к файлу «Мэйфейрские ведьмы», Юрий распечатал его и тщательно с ним ознакомился, пытаясь понять, что могло так долго удерживать Эрона в Новом Орлеане.

Хотя история Мэйфейрских ведьм Юрию весьма понравилась, он не проникся к ней никаким особым интересом – во всяком случае, не бóльшим, чем ко всем прочим файлам Таламаски. Тем не менее он задумался над тем, какую помощь мог оказать Эрону в этом деле. Быть может, собрать для Эрона информацию в Доннелейте? Но, с другой стороны, это повествование не произвело на него большого впечатления. Архив их организации был переполнен эксцентричными историями, некоторые из которых были гораздо запутаннее этой.

К тому же сама Таламаска являла собой множество тайн. Но данное обстоятельство никогда особенно не заботило Юрия.

За неделю до Рождества старшины объявили об отставке Дэвида Тальбота с поста Верховного главы. Его преемником стал Антон Маркус, человек итало-германского происхождения. Никому в Лондоне он не был известен.

Не знал Антона и Юрий. Больше всего волновало его то, что он не успел попрощаться с Дэвидом, исчезновение которого было овеяно какой-то тайной, что нередко случалось в Таламаске. В таких случаях члены организации, обсуждая меж собой политику старшин, зачастую выражали озабоченность, негодование и растерянность как по поводу организации ордена, так и по поводу его руководства. Людям хотелось знать, останется ли Дэвид старшиной, если, конечно, он был таковым, или вообще отойдет от дел, потому что никому не было известно, выбывали ли отставники из числа старшин или нет. В этой всеобщей неосведомленности ощущался некий налет средневековья.

Юрий уже не раз был свидетелем подобных разговоров. На сей раз они продолжались всего несколько дней. Антон Маркус прибыл через день после своего назначения и сразу покорила всех приятными манерами, знанием истории жизни и происхождения каждого члена организации. Поэтому вскоре лондонская Обитель вновь обрела умиротворение.

После обеда в большой столовой Антон Маркус обратился с речью ко всем членам организации. Это был ширококостный человек с мягкими, отливающими серебром волосами. Глаза его скрывались за толстыми линзами очков в золотой оправе. У него была располагающая внешность и приятный британский акцент, который, казалось, особенно почитался в Таламаске. Такой же акцент с некоторых пор был свойствен и Юрию.

Антон Маркус напомнил всем о необходимости соблюдать секретность и благоразумие по отношению к старшинам. Старшины, говорил он, находятся среди нас. Они не смогут эффективно управлять работой, если им будут сопротивляться или забрасывать их вопросами. Лучше всего они проявляют себя в обстановке секретности и анонимности, когда все члены организации им безоговорочно доверяют.

Юрий в недоумении лишь пожал плечами.

Однажды зайдя к себе в комнату в два часа дня, Юрий обнаружил на принтере сообщение от старшин: «Мы рады, что ты смог отвлечься от своих дел, чтобы

поприветствовать Антона. У нас есть предчувствие, что он будет непревзойденным Верховным главой. Если тебе трудно с этим согласиться, помни: мы всегда рядом». Кроме того, Юрия направляли в командировку в Дубровник. Ему было предписано забрать оттуда несколько важных пакетов и доставить их в Амстердам, после чего вернуться домой. Словом, ничего особенного. Все как всегда. Обыденно, но интересно.

Юрий был бы не прочь провести Рождество с Эроном в Новом Орлеане, но тот довольно пространно объяснил ему, что это невозможно, упирая на то, что исследование на данном этапе его чересчур обескуражило и что с таким поворотом дел он столкнулся, пожалуй, впервые за все время своей долгой карьеры.

– Что стряслось с твоими Мэйфейрскими ведьмами? – поинтересовался Юрий.

Он сообщил Эрону, что ознакомился с делом в соответствующем файле, и предложил ему помощь, выразив готовность исполнить любое поручение Лайтнера. Однако тот отказался.

– Не теряй веры, Юрий, – сказал ему Эрон. – Надеюсь, мы еще увидимся, если будет на то воля Божья.

Подобные заверения были совсем не в духе Эрона, поэтому они сразу насторожили Юрия. После этого разговора он впервые серьезно забеспокоился о своем старшем друге. Наверняка с ним происходит что-то нехорошее.

Эрон позвонил Юрию из Нового Орлеана рано утром накануне Рождества.

– Сейчас для меня наступили самые трудные времена. Я хочу кое-что сделать, но орден мне запрещает. Я хочу остаться в этой стране и в этом городе. Помнишь, чему я всегда учил тебя, Юрий? Наша первая и самая важная обязанность – подчиняться правилам. Не мог бы ты мне повторить это в качестве назидания?

– Допустим. И что бы ты тогда сделал? – осведомился Юрий.

Эрон поведал ему об ужасном несчастье, случившемся в доме Роуан Мэйфейр. Он сказал, что ему следовало бы отправиться на ее поиски. Возможно, ему удалось бы ей чем-то помочь. Но старшины запретили ему что-либо делать в этом направлении. Они приказали ему оставаться в Обители в Оук-Хейвен и «ни во что не вмешиваться».

– Эрон, – ответил ему Юрий, – история Мэйфейрских ведьм изобилует рассказами о наших неудачных попытках вмешаться. Нет сомнений, что находиться возле этих людей небезопасно. Тем более что у нас есть плачевные примеры. Стюарт Таунсенд и Артур Лангтри пытались наладить с ними связь и в результате погибли. Ты рискуешь даже больше, чем они. И вообще, что ты можешь сделать?

Эрон с ним согласился, хотя и неохотно. Несомненно, он затеял этот разговор, чтобы примириться с уже существующим положением вещей. Возможно, Дэвид и Антон были правы, удерживая его от активных действий. Очевидно, Антон придерживался в этом вопросе той же позиции, что и его предшественник, который был гораздо лучше осведомлен об этом деле, чем кто-либо еще. Но несмотря на это, Эрону было трудно согласиться с таким решением.

– Я далеко не уверен, что жизнь вознаграждает тех, кто наблюдает за ней со стороны, – сказал Эрон. – Совсем не уверен. Мне кажется, я всегда ждал такого случая, как сейчас, чтобы начать активно действовать.

Это был чрезвычайно странный разговор с Эроном, и Юрия он сильно встревожил. Вскоре он получил два новых поручения от Антона и отправился сначала в Индию, потом на Бали, где ему предстояло кое-что и кое-кого сфотографировать. На это ушло некоторое

время. Как всегда, путешествия доставляли Юрию большое удовольствие.

Примерно в середине января у него состоялся еще один разговор с Эроном. Тот попросил его отправиться в Шотландию, в Доннелейт, чтобы выяснить, не попадалась ли там кому-нибудь на глаза загадочная парочка. Юрий торопливо записал задание: «Искать Роуан Мэйфейр и ее спутника – мужчину, высокого, худощавого, с темными волосами».

Юрий быстро сообразил, что произошло. Призрак семьи Мэйфей, дух, преследовавший ее на протяжении многих поколений, сумел каким-то образом осуществить переход в реальный мир. Юрий не задавал никаких вопросов, однако в глубине души был заинтригован. Несмотря на грозящую ему опасность, он захотел найти это существо.

– Так вот, чего ты хочешь? Найти их? Ты уверен, что начинать надо именно с Доннелейта?

– Это единственное известное мне место, в котором они могут находиться в настоящий момент, – ответил Эрон. – Вот почему я предлагаю начать с него. Хотя я прекрасно знаю, что эти двое могут быть где угодно – как в Европе, так и в Штатах.

Той же ночью Юрий отправился в Доннелейт.

Как обычно, Юрий отпечатал на компьютере отчет о командировке, в которую был направлен старшинами, и сразу отправил его по факсу в Амстердам. Сообщив своим руководителям о том, что ему было поручено сделать и что он собирался предпринять, Юрий отбыл в Доннелейт.

Поездка оказалась небезрезультатной: многие видели таинственную пару и даже могли дать описание внешности мужчины, на основе которого Юрий сделал на бумаге небольшой набросок. Ему посчастливилось провести ночь в той же самой комнате, в которой останавливалась эта пара. Он собрал все имеющиеся в ней отпечатки пальцев, правда трудно было сказать, кому именно они принадлежали.

«Прекрасно!» – так оценили его работу старшины в присланном ими факсе из Лондона. Их сообщение под грифом «Первостепенная важность» он получил в отеле Эдинбурга. Из сообщения следовало, что необходимо действовать без промедления. Если таинственная пара оставила после себя какие-нибудь следы, Юрию надлежало разыскать их, но при этом ему предписывалось соблюдать крайнюю осторожность. Никто в Доннелейте не должен был даже догадываться о том, чем он занимается. Последнее замечание слегка задело Юрия, потому что любую свою работу он всегда выполнял так, что об этом не ведала ни одна живая душа. Он не преминул напомнить об этом старшинам.

«Мы приносим свои извинения», – прочел он в следующем факсе.

Что же касается самого Доннелейта, то он невероятно поразил воображение Юрия. Впервые Мэйфейрские ведьмы показались ему не мифом, а реальностью. Само же расследование приобрело в его сознании столь необычную окраску, что захватило его, как никакое другое прежде.

Юрий ознакомился с книгами и брошюрами для туристов. Сфотографировал развалины собора Доннелейта, а также недавно обнаруженную археологами часовню, в которой хранился саркофаг с мощами неизвестного святого. Исследованию руин он посвятил весь последний день своего пребывания в Доннелейте. А вечером накануне отъезда позвонил Эрону. Ему не терпелось поделиться своими ощущениями и попытаться вытянуть из Лайтнера дополнительную информацию о небезызвестной паре.

Неужели спутником Роуан в самом деле был призрак по имени Лэшер, который воплотился в образе мужчины?

Эрон был бы рад все объяснить Юрию, но ему сейчас было не до этого. Дело в том, что муж Роуан, Майкл Карри, в ту злополучную ночь на Рождество едва не погиб. Поэтому Эрон считал своим долгом находиться рядом с ним, а все прочие заботы временно отошли на второй план.

Вернувшись в Лондон, Юрий отнес отпечатки пальцев и фотографии в лабораторию для обработки и классификации. Кроме того, он написал полный отчет и отослал его по факсу на адрес Эрона в Соединенные Штаты, а его копию также по факсу отправил в Амстердам старшинам. Потом собрал все документы – в отпечатанном виде получилась довольно увесистая пачка бумаг – и отправился спать.

Утром, пытаясь выйти на первичный источник информации по Мэйфейрским ведьмам, он понял, что расследование приняло другой оборот.

Доступ к изначально имеющимся данным – неофициальным свидетельствам, списку причастных к делу вещественных доказательств, фотографиям, рисункам и тому подобному – был закрыт. Другими словами, файл о Мэйфейрских ведьмах был защищен от доступа. Во всяком случае, посредством прямого поиска Юрию ничего не удалось найти.

Когда он наконец связался с Эроном, чтобы узнать причину случившегося, произошло нечто странное. Оказалось, что Эрон не знал о том, что файлы засекречены и проходят под грифом «конфиденциально», но явно не хотел показывать своего удивления Юрию. Лайтнер явно был вне себя от ярости и пребывал в полном замешательстве. Юрий почувствовал, что не на шутку расстроил Эрона.

Той же ночью Юрий обратился к старшинам с просьбой: «Прошу разрешить мне присоединиться к расследованию Эрона Лайтнера и отправиться к нему в Новый Орлеан. Я не имею полного представления о том, что там происходит, да и не нуждаюсь в этом. Однако ощущаю острую необходимость находиться рядом с Эроном».

Старшины ему отказали.

А через несколько дней Юрия вообще отстранили от расследования, сообщив, что этим делом будет заниматься Эрик Столов, временный эксперт по подобного рода делам. Юрию же предписывалось взять на несколько дней отпуск и отдохнуть в Париже, поскольку в ближайшем будущем его ожидала командировка в Россию, где было тоскливо и холодно.

– В Сибирь меня отправляете? – не без иронии поинтересовался Юрий, вводя в компьютер вопрос. – Что случилось с Мэйфейрскими ведьмами?

Из Амстердама его уведомили, что о Мэйфейрских ведьмах позаботится, не выезжая из Европы, Эрик. Юрию же еще раз порекомендовали отдохнуть, предупредив, что все сведения по этому делу являются строго конфиденциальными и что их не следует ни с кем обсуждать, даже с Эроном. Это было стандартное указание, выдаваемое старшинами в тех случаях, когда приходилось заниматься такого рода расследованиями.

«Ты знаешь суть нашей деятельности, – читал он в послании. – Мы не вмешиваемся в ход вещей. Мы проявляем крайнюю осторожность. Мы всего лишь наблюдатели. Тем не менее у нас есть собственные принципы. В данном случае мы видим опасность непредсказуемого характера. Ты должен передать дело в руки более опытных людей. Таких, как Эрик. Эрону известно, что старшины закрыли доступ к информации. О нем ты больше не услышишь».

Особенно обеспокоило Юрия последнее предложение – фраза, заставившая его позабыть все прочие.

«О нем ты больше не услышишь».

Посреди ночи, когда Обитель, погруженная в зимний холод, пребывала во власти сна, Юрий набрал на компьютере очередное сообщение старшинам: «Я понял, что не могу со спокойной душой оставить это расследование. Меня тревожит Эрон Лайтнер. Уже несколько недель от него нет никаких вестей. Я хочу с ним связаться. Прошу вашего совета».

В четыре часа утра Юрия разбудил факс. Пришел ответ из Амстердама:

«Юрий, оставь это дело. Эрон в надежных руках. Лучших специалистов, чем Эрик Столов и Клемент Норган, у нас нет. Они сейчас целиком заняты этим делом. Расследование продвигается чрезвычайно быстро, и вскоре ты узнаешь всю историю целиком. Но до этого времени все должно оставаться в секрете. О том, чтобы разрешить тебе связаться с Эроном, не может быть и речи».

«О том, чтобы разрешить тебе связаться с Эроном, не может быть и речи...»

Прочитав сообщение, Юрий уже не мог заснуть. Он спустился в кухню, которая представляла собой несколько больших, похожих на пещеры, комнат, где пахло свежеспеченным хлебом. В ней работали только ночные повара, которые пекли в больших печах хлеб. Когда Юрий налил себе кофе со сливками и сел на деревянную скамейку у камина, они не обратили на него никакого внимания.

Юрий понял, что подчиниться директиве старшин выше его сил! Понял, что он любит Эрона и настолько прикипел к нему душой, что не мыслит без него своей жизни.

Он поднялся наверх и связался с Эроном по международной связи.

– Старшины запретили мне поддерживать с тобой связь, – сказал Юрий.

Эта новость для Эрона была все равно что гром среди ясного неба.

– Я еду, – произнес Юрий.

– Но это будет означать изгнание, – сказал Эрон.

– Посмотрим. Вылетаю к тебе ближайшим рейсом.

Юрий собрался на самолет, упаковал сумки и, спустившись вниз, поджидал машину. Вслед за ним на улицу вышел и Антон Маркус. Судя по его взъерошенным волосам, наспех накинутому домашнему халату и тапочкам, можно было догадаться, что он только что проснулся.

– Юрий, тебе нельзя уезжать, – сказал он. – С каждым днем расследование становится все более опасным. Жаль, что Эрон этого не понимает.

Маркус пригласил Юрия в свой кабинет на беседу.

– У нашего мира существуют хранители времени, – спокойным тоном начал Антон. – Мы, если хочешь, являемся чем-то вроде Ватикана. Одно-два столетия – для нас не срок. Мы ведем наблюдение за Мэйфейрскими ведьмами уже на протяжении многих веков.

– Знаю.

– Случилось то, что мы предвидели и чего боялись, но не смогли предотвратить. Для нас и для многих других это представляет невероятную опасность. Тебе нужно остаться здесь, ждать приказаний и делать то, что тебе говорят.

– Нет, простите меня. Я еду к Эрону. – С этими словами Юрий поднялся и, не раздумывая и не оглядываясь, вышел из комнаты. Ему было все равно, как отнесся к его решению Антон.

Окинув долгим прощальным взглядом Обитель, Юрий сел в машину и уехал. По пути в «Хитроу»,^[24] словно назойливая муха, в голове его свербела одна и та же тема. Он видел Эндрю, умирающего в римском отеле. Видел сидящего перед ним за столом Эрона и вновь слышал его слова: «Я твой друг». Видел, как умирала в сербской деревушке его мать.

Нет, никакого внутреннего противоречия Юрий не испытывал.
Он ехал к Эрону. И знал, что делает то, что должен делать.

Когда самолет приземлился в Новом Орлеане, Ларкин, очевидно, спал, поэтому был слегка ошарашен, увидев в смотровое окно аэропорт. Шла высадка пассажиров. Подняв глаза, он обнаружил, что рядом с ним с сияющей улыбкой стоит стюардесса и грациозно держит на руке его плащ. Это обстоятельство его слегка смутило. На какой-то миг у него возникло такое ощущение, какое бывает, когда тебя неожиданно застигают врасплох, но он быстро оправился и через мгновение уже был на ногах.

Голова нещадно болела, к тому же он изрядно проголодался. Едва отойдя ото сна, он вновь ощутил щемящее душу чувство. Открывшаяся ему тайна, связанная с отпрыском Роуан Мэйфейр, навалилась тяжелым бременем. Ни один цивилизованный человек не способен постичь подобные вещи своим рациональным умом. Любопытно, который час? В Новом Орлеане было восемь утра. Значит, у них на побережье только шесть.

Он сразу заметил встречавшего его седовласого человека и, прежде чем тот пожал его руку и назвал свое имя, догадался, что это был Эрон Лайтнер.

– Доктор Ларкин, – начал Лайтнер, – в семье Мэйфейров случилось чрезвычайное происшествие. Поэтому ни Райен, ни Пирс Мэйфейр, к сожалению, не смогли вас встретить. Позвольте мне отвезти вас в отель. Райен свяжется с вами при первой возможности. – Ларкин сразу отметил тот самый британский лоск, который вызвал его восхищение во время телефонного разговора.

– Рад вас видеть, мистер Лайтнер, но должен заметить, что мне довелось столкнуться с одним из ваших коллег в Сан-Франциско. И надо сказать, эта встреча не доставила мне удовольствия.

Лайтнер был искренне удивлен. На мгновение лицо его помрачнело, казалось, он ушел в себя, в какие-то свои мысли. Они вместе прошли в вестибюль.

– Любопытно, кто бы это мог быть, – риторически произнес он с нескрываемым беспокойством. Вид у него был усталый, как будто он не спал всю ночь.

Ларкин уже чувствовал себя лучше. Головная боль отступала, и он начал мечтать о кофе со сладкими пончиками и об обеде во «Дворце командора». К тому же неплохо было бы после обеда немного вздремнуть. Но потом он вспомнил об образцах. Вспомнил о Роуан. И тревожное возбуждение, сопровождаемое неприятным предчувствием чего-то нехорошего и непредсказуемого, вновь охватило его.

– Ваш отель находится всего в нескольких кварталах от «Дворца командора», – спокойно сообщил Лайтнер. – Мы отвезем вас туда вечером. Возможно, удастся уговорить Майкла, чтобы он сопровождал вас. Видите ли, случилось нечто из ряда вон выходящее. Это имеет прямое отношение к семье Райена. В противном случае он бы сам вас встретил. Скажите, этот мой коллега. Как он себя вел? Вы можете рассказать, что произошло? У вас есть багаж?

– Нет, только маленький чемоданчик. Он был со мной в салоне.

Как большинство хирургов, Ларкин привык вставать довольно рано. В Сан-Франциско он сейчас уже находился бы в своем кабинете. С каждой минутой он чувствовал себя все лучше и лучше.

Они направились к яркому солнечному свету, туда, где за стеклянными дверями стояли обыкновенные такси и лимузины. На улице было не слишком холодно. Во всяком случае, такого жгучего мороза, как в Сан-Франциско, не ощущалось. Но если говорить о

значительном различии, то здесь был совершенно другой свет. Его было очень много. И воздух вокруг казался бездыханным. Сущее очарование!

– Ваш коллега представился как Эрик Столов. Он хотел узнать, где находятся образцы, – пояснил Ларкин.

– Да ну? – недовольно проговорил Лайтнер.

Он сделал жест рукой, и к ним подкатил один из многочисленных лимузинов, огромный серый «линкольн» с затемненными окнами. Не дожидаясь, пока подойдет водитель, Лайтнер сам открыл дверь.

Ларкин с удовольствием забрался в обитый серым бархатом салон и вольготно откинулся на спинку сиденья. В нос ему слегка ударил сигаретный дым, ввевшийся в обивку, но зато большое внутреннее пространство позволило комфортно вытянуть ноги. Лайтнер сел с ним рядом, и машина тут же тронулась. Они оказались в царстве полумрака, отделенного от яркого утра и остального мира автомобилей затемненными стеклами окон.

Комфортабельный автомобиль двигался с большой скоростью.

– Что еще сказал вам Эрик? – спросил Лайтнер с нарочитым равнодушием, которое тем не менее не обмануло Ларкина.

– Он преградил мне путь, требуя сообщить, где находятся образцы. Держался довольно грубо. Грубо и агрессивно. Не могу даже этого вам передать. Мне показалось, что он пытался меня запугать.

– Но вы, полагаю, не удовлетворили его любопытство, – убежденным, но мягким тоном осведомился Лайтнер, глядя в темное окно.

Они ехали по скоростной трассе, то и дело перестраиваясь на свободное место в потоке машин. Местность за окном выглядела довольно обыденно: приземистые пригородные домики с ярко светящимися вывесками на них, пустыри с некошеной травой, мотели.

– Разумеется, нет. Я ничего ему не сказал, – ответил Ларкин. – Мне его выходка не понравилась. Кажется, я говорил вам, что Роуан Мэйфейр просила меня соблюдать конфиденциальность. Я приехал сюда, потому что вы изъявили желание предоставить мне некоторую информацию. Кроме того, меня попросила об этом семья. Я не намерен передавать эти образцы кому бы то ни было. Более того, я даже не уверен, что смогу получить их обратно от тех людей, у которых они находятся в данный момент. Видите ли, Роуан поставила мне одно условие. Она просила, чтобы образцы были протестированы тайно и в определенном месте.

– В Институте Кеплингера, – спокойно и вежливо произнес Лайтнер, как будто прочитал это у Ларкина на лбу. Между тем бесцветные глаза Эрона оставались совершенно спокойными. – Митчелл Фланаган – гений в области генетики. Он работал с Роуан до тех пор, пока она не решила оставить исследования.

Ларкин ничего не ответил. Машина, казалось, беззвучно парила над трассой. Чем дальше они ехали, тем чаще стояли по обочинам дома и тем более запущенными выглядели пустыри.

– Если вы сами все знаете, тогда почему этот парень в аэропорту меня расспрашивал? – поинтересовался Ларкин. – Почему, преградив мне дорогу, он пытался получить ответы на эти вопросы? Кстати сказать, а откуда вам это стало известно? Кто вы? Это мне тоже очень хотелось бы знать.

Вперившийся в пустоту взгляд Лайтнера выражал грусть и усталость.

– Как я уже сказал вам, сегодня утром в семье произошло нечто чрезвычайное...

– Да. Мне очень жаль это слышать. Уверяю вас, мне крайне небезразлично все, что происходит в этой семье. Просто ваш приятель здорово вывел меня из себя.

– Знаю, – любезно отозвался Лайтнер. – И прекрасно вас понимаю. Конечно, ему не следовало так себя вести. Я позвоню в Лондон и доложу об этом куда следует. Попытаюсь выяснить, в чем дело. Вернее говоря, постараюсь предотвратить подобные инциденты в будущем. – На какой-то миг в его глазах мелькнула искра раздражения и тотчас сменилась вспышкой недовольства и даже, как показалось Ларкину, страха. Но длилось это всего лишь мгновение, после которого его лицо вновь озарила доброжелательная улыбка. – Обещаю, что позабочусь об этом.

– Благодарю вас, – произнес Ларкин. – Откуда вы узнали о Митчелле Фланагане и Институте Кеплингера?

– Можете считать это моей догадкой, – ответил Лайтнер.

Сколь ни старался Лайтнер сохранять выражение спокойствия на лице, было вполне очевидно, что он чем-то встревожен, однако его голос выдавал только усталость и общее подавленное состояние.

– А что у вас стряслось? Что за чрезвычайные обстоятельства?

– Я пока не знаю подробностей. Известно мне только то, что Пирс и Райен Мэйфейры были вынуждены поехать сегодня рано утром в Дестин. Поэтому они обратились ко мне с просьбой вас встретить. Судя по всему, что-то случилось с Гиффорд. Это жена Райена. Но я опять же ни в чем не уверен. Никаких точных сведений у меня в данный момент нет.

– А этот Эрик Столов... Кто он такой? Вы с ним вместе работаете?

– Не совсем. Он был здесь два месяца назад. Он является представителем нового поколения Таламаски. Это давняя история. Я выясню, почему он вел себя подобным образом. Видите ли, в Обители никто не знает, что образцы находятся в Институте Кеплингера. Но если его молодые члены проявят такое же усердие и рвение при знакомстве с делом, какое они показали на оперативной работе, им не составит большого труда этого выяснить.

– Какое вы имеете в виду дело?

– О, это тоже долгая история. И не так-то просто ее рассказать. Мне понятно ваше нежелание делиться своими сведениями об этих образцах. Будь я на вашем месте, тоже не стал бы этого делать.

– Что-нибудь удалось еще узнать насчет местонахождения Роуан?

– Ничего. Ничего, кроме лишнего подтверждения уже известных фактов. Я имею в виду то, что она со своим спутником была в Шотландии, в Доннелейте.

– Что все это значит? И где находится этот Доннелейт? В Шотландии? Странно. Когда я там охотился и рыбачил, то облазил почти все горы. Но ни разу не слышал об этом Доннелейте.

– Это старая, полуразрушенная деревня. Сейчас в нее толпой хлынули археологи. Там есть постоялый двор, на котором останавливаются туристы и ученые из университетов. Роуан видели там примерно две недели назад.

– Значит, это старые новости. Это плохо. Я имею в виду, что нет ничего нового.

– Да, ничего нового нет, – подтвердил Лайтнер.

– А ее спутник? Как он выглядит? – спросил Ларкин.

Лицо Лайтнера слегка помрачнело. Было ли это проявлением усталости или горечи, Ларкин затруднялся сказать.

– О, вам известно о нем гораздо больше, чем мне, не правда ли? – заметил Лайтнер. –

Ведь Роуан прислала вам рентгеновские снимки, распечатки электроэнцефалограмм и прочие свидетельства. Интересно, не прислала ли она вам его фотографию?

– Нет, не прислала, – ответил Ларкин. – Послушайте, а кто вы на самом деле?

– Понимаете, доктор Ларкин... Честно говоря, я и сам не знаю ответа на этот вопрос. И вероятно, никогда не знал раньше. В последние дни я стал более откровенным сам с собой. Кое-что произошло. Не зря говорят, что чары Нового Орлеана действуют на людей. Равно как чары семьи Мэйфейр. О наличии всех этих анализов и тестов я догадался. Если хотите, просто прочитал в ваших мыслях.

Ларкин рассмеялся. Слова Лайтнера прозвучали так примирительно, так философски, что он неожиданно проникся симпатией к этому человеку. И, расположившись к Эрону, даже сумел разглядеть то, на что поначалу не обратил внимания. Например, признаки легкой формы эмфиземы. А также то, что этот человек никогда не курил и, возможно, даже не пил. Для своих восьмидесяти лет – возраст, когда человеческое тело неумолимо движется к распаду, – он выглядел весьма бодрым и здоровым.

Лайтнер при этом улыбнулся и посмотрел в окно. Водитель машины, отделенный от пассажиров темным стеклом, маячил перед ними мрачным силуэтом.

Ларкин заметил, что машина укомплектована всевозможными усовершенствованиями. В салоне имелся небольшой телевизор, средние дверцы были снабжены специальными приспособлениями, где во льду хранились слабоалкогольные напитки.

А как насчет кофе? Интересно, когда у них принято пить кофе?

– Там есть термос, – ответил на его мысленный вопрос Лайтнер.

– О, вы читаете мои мысли, – слегка усмехнулся Ларкин.

– Сейчас как раз время выпить чашечку кофе, верно? – уходя от прямого ответа, произнес его спутник, и на губах его впервые заиграла улыбка.

Ларкин достал термос, отыскал в боковом отделении пластмассовую чашку и налил себе дымящегося кофе.

– А вы, Лайтнер, будете кофе?

– Нет, спасибо. Не будете ли вы любезны посвятить меня в подробности вашего разговора с Митчеллом Фланаганом?

– Нет, я бы поставил вопрос не так. Я не хотел бы обсуждать его ни с кем, кроме Роуан. По ее просьбе я звонил Райену Мэйфейру, чтобы решить финансовый вопрос. Однако о том, чтобы я показывал кому-либо результаты тестов, между нами не было и речи. Она сказала, что свяжется со мной, как только сможет. Райен Мэйфейр предполагает, что Роуан может быть нездорова. И даже то, что ее, возможно, уже нет в живых.

– Все может быть, – риторически произнес Лайтнер. – Хорошо, что вы приехали.

– Черт возьми, я беспокоюсь за Роуан. Мне не очень-то понравилось то, что она покинула университет. Не осчастливило меня и ее внезапное замужество. И я совсем не рад был узнать, что она решила оставить медицину. Более того, для меня это было настоящим потрясением. Клянусь, я был шокирован так же, как если бы кто-нибудь сказал, что через несколько часов наступит конец света. И отказывался в это верить, пока Роуан сама не подтвердила мне это несколько раз подряд.

– Как же, помню. Она часто звонила вам в последнее время. Ее очень волновало то, что вы ее не одобряете, – произнес Лайтнер таким же доброжелательным тоном, как и прежде. – Ей нужен был ваш совет по созданию Мэйфейровского медицинского центра. Она убеждена, что, когда вы поверите в серьезность ее намерений относительно этого центра, то поймете,

что она не могла совмещать эту работу с практикой врача, потому что центр требовал от нее слишком много времени и сил.

– Вы ее друг, не так ли? Я имею в виду не вашу Таламаску, а именно вас.

– Полагаю, что был ей другом. Боюсь, я обманул ее надежды. Хотя... не знаю... Возможно, и наоборот: она обманула мои. – В его словах послышался оттенок горечи, даже злости. Затем Лайтнер опять улыбнулся.

– Хочу вам кое в чем признаться, мистер Лайтнер, – сказал Ларкин. – Я считал Мэйфейровский медицинский центр бесплодной мечтой. Роуан совершенно выбила меня из колеи. Тем не менее я провел собственное небольшое исследование. Очевидно, семья имеет достаточно средств, чтобы воплотить в жизнь мечту о Мэйфейровском медицинском центре. Но мне это было тогда неизвестно. Хотя, как теперь кажется, я должен был это знать. Тем более что эта тема была у всех на устах. Роуан – самый лучший и самый квалифицированный хирург, которого я когда-либо учил.

– Не сомневаюсь в этом. Во время вашего с ней разговора она упоминала что-нибудь, связанное с образцами? Как вы сказали, она звонила из Женевы и это было двенадцатого января.

– Мне хотелось бы для начала поговорить с Райеном и другими ее родными и близкими, в том числе с ее мужем. Тогда я буду знать, как мне следует вести себя дальше.

– Образцы, вероятно, произвели сенсацию в Институте Кеплингера, – не унимался Лайтнер. – Буду весьма признателен, если вы расскажете мне обо всем, что прислала вам Роуан. Была ли Роуан нездоровой, когда говорила с вами? Прислала ли она какой-нибудь собственный материал для медицинского обследования?

– Да, она прислала образцы крови и ткани. Но, судя по ним, нет никаких оснований полагать, что она больна.

– Но только изменилась.

– Да, вы правы. Пожалуй, можно сказать и так.

Лайтнер покачал головой и опять взглянул в окно, за которым широко раскинулось кладбище с множеством мраморных склепов. Движение на дороге стало гораздо менее оживленным, что вкупе с видом за окном создавало ощущение простора и умиротворения. Конечно, в подобном взгляде на вещи было нечто нездоровое, можно сказать – извращенное. Но Ларкину нравилось это приволье, отсутствие суеты, столпотворения и плотного скопления вечно спешащих машин, которые постоянно сопровождали его дома.

– Лайтнер, поверьте, мне очень трудно определить свою позицию в этом вопросе, – произнес Ларкин. – Независимо от того, друг вы ей или нет.

Возле старой, увенчанной шпилем кирпичной церквушки, которая располагалась в непосредственной близости от тротуара, они свернули, а когда добрались наконец до нужной улицы, то представшее их глазам зрелище оказалось весьма убогим. Ларкин испытал облегчение. И в очередной раз про себя отметил, что здешний простор, несмотря на некоторую запущенность, пришелся ему весьма по душе. Тут жизнь текла медленно. Что ни говори, это был юг. Да к тому же не очень большой город.

– Я все понимаю, доктор Ларкин, – произнес Лайтнер. – Я имею представление о конфиденциальности и медицинской этике. Равно как и о такте и приличиях. Давайте не будем говорить о Роуан, раз вы не хотите. Как вы смотрите на то, чтобы позавтракать в отеле? Вы, верно, также не прочь немного поспать. Мы можем с вами встретиться позже в доме на Первой улице. Это всего в нескольких кварталах отсюда. Мэйфейры вас ждут. Они уже все

для вас приготовили.

– Поймите, это действительно очень и очень серьезно, – неожиданно произнес Ларкин.

Машина остановилась перед небольшим отелем, украшенным замысловатого вида голубым навесом. Портье уже поджидал их возле входа, готовясь открыть дверь лимузина.

– Конечно серьезно, – согласился Эрон Лайтнер. – Но в то же время и очень просто. Роуан родила странного ребенка. На самом деле, как мы оба знаем, он далеко не ребенок. А тот самый мужчина, ее спутник, с которым ее видели в Шотландии. Сейчас нас интересует одно: способен ли он к размножению? Может ли он совокупляться с собственной матерью или другими человеческими существами? Воспроизведение себе подобных. Именно это является первостепенной заботой эволюции, не так ли? Будь он результатом простой мутации, вызванной, например, радиацией или неким видом телекинеза, нас это, скорее всего, до такой степени не взволновало бы. Будь он на самом деле таким, мы могли бы просто его поймать и выяснить, по доброй ли воле Роуан находится с ним или нет. А потом, возможно, его уничтожить.

– Выходит, вы все знаете? Да?

– Нет, не все. В том-то и дело, что не все. Но я знаю вот что. Раз Роуан послала вам эти образцы, то, очевидно, ее беспокоил тот факт, что этот субъект может размножаться. Если не возражаете, мы войдем внутрь. Мне бы хотелось позвонить семье по поводу происшествия в Дестине. Кроме того, надо сделать еще один звонок в Таламаску. Это насчет Столова. Видите ли, я тоже остановился в этом отеле. Можно сказать, это моя новоорлеанская штаб-квартира. Я уже успел почти полюбить это место.

– Конечно, давайте войдем в гостиницу.

Прежде чем они подошли к стойке администратора, Ларкин уже пожалел о том, что взял с собой маленький чемодан и всего одну смену белья. Он сразу понял, что ему не захочется так скоро покидать это местечко. Но наряду с новым приливом возбуждения он смутно ощутил что-то тревожное и угрожающее. Тем не менее ему все здесь пришлось по вкусу – и небольшой вестибюль, и приятный южный говор, слышавшийся вокруг, и даже высокий, элегантный темнокожий лифтер.

Что ж, придется сделать кое-какие покупки. Но то, что он увидел, было прекрасно. Лайтнер держал в руке ключ. Сопровождающий служащий был готов принять у Ларкина заказ, а доктор к этому времени уже изрядно проголодался и был очень не прочь наконец позавтракать.

«М-да, именно этого она и боялась, – размышлял про себя Ларкин, пока они поднимались на лифте. – Она даже сказала что-то вроде: „Если эта тварь способна размножаться“...»

Тогда он, конечно, не догадывался, что именно она имеет в виду. Но она-то все знала. Будь на ее месте кто-то другой, можно было бы подумать, что он излишне подозрителен и поэтому поднимает ложную тревогу. Но Роуан Мэйфейр не из таких.

Однако в данный момент Ларкин больше не был способен думать о чем-либо, кроме утоления голода.

Когда она поднимала трубку, то, по своему обыкновению, молчала. Просто подносила ее к уху и слушала. И только если на другом конце провода кто-то начинал говорить – кто-то, кого она узнавала по голосу, – она могла ответить.

Райен это знал. Поэтому, когда после гудков в трубке воцарилось молчание, он немедленно произнес:

– Эвелин, случилось нечто ужасное.

– Что именно, сынок? – спросила она с несвойственной ей теплотой. Ее голос звучал непривычно тихо и тонко, это был совсем не тот голос, к которому она сама привыкла.

– Гиффорд нашли на пляже в Дестине. Говорят...

Голос изменил Райену, и он замолк. Тогда взял трубку сын Райена, Пирс. Он сказал, что они с отцом вместе едут на машине в Дестин. Потом разговор вновь продолжил Райен. Он велел Эвелин оставаться с Алисией, потому что если та что-то услышит, то сойдет с ума.

– Ясно, – ответила старая Эвелин. Она все поняла. Гиффорд не больна. Она мертва. – Пойду поищу Мону, – спокойно произнесла она тихим голосом. Вряд ли на другом конце провода услышали ее последние слова.

Райен пробормотал что-то несвязное и неопределенное насчет того, что они позвонят Эвелин позже, и о том, что Лорен взяла на себя труд оповестить о происшествии остальных членов семейства. На этом разговор закончился. Эвелин повесила трубку и, опираясь на трость, направилась в туалет.

Она недолюбливала Лорен Мэйфейр. По мнению Старухи Эвелин, та была предвзятым и самонадеянным адвокатом и принадлежала к тому типу выхолощенных и хладнокровных людей бизнеса, которые всегда отдают предпочтение официальным документам, а не живым людям. Однако для того, чтобы оповестить о трагедии всех членов семьи, лучшей кандидатуры, чем Лорен, не было. Правда, что касается Моны, то ее вряд ли кто-нибудь сможет найти. Девушки не было дома. А ей предстояло узнать горестные вести.

Мона находилась в доме на Первой улице. Старуха Эвелин об этом догадывалась, полагая, что девушка направилась туда, чтобы найти виктролу и небезызвестный жемчуг.

Эвелин знала, что Мона не ночевала дома. Но она никогда по-настоящему не беспокоилась о ней. Мона могла делать все, что ей заблагорассудится, в том числе то, о чем другие могли только мечтать. Она делала то, что не могла себе позволить бабушка Лаура Ли и ее мать Си-Си, а также сама Старуха Эвелин. Она делала это за них, а также за Гиффорд...

Гиффорд мертва. Нет, это невозможно. В это трудно поверить. «Почему я не почувствовала, когда это произошло? Почему я не слышала ее голоса?» – снова и снова задавала себе одни и те же вопросы Старуха Эвелин.

Однако лучше вернемся к вещам насущным. Она стояла в холле, размышляя о том, сможет ли отправиться на поиски Моны. Для этого нужно было пройти по ухабистым улицам, по вымощенным кирпичом и каменными плитами тротуарам, где для такой пожилой дамы, как она, слишком велик был риск упасть. К тому же ничего подобного она уже давно не предпринимала. Но теперь, с ее помолодевшими глазами, она вполне была в состоянии это сделать, хотя никто не мог дать никаких гарантий. Возможно, это был последний раз, когда ей по-настоящему требовалась способность видеть.

Год назад она и подумать не могла о том, чтобы выйти на улицу. Но молодой доктор

Роудз сделал ей операцию и избавил от катаракты, так что теперь она стала буквально поражать людей своим зрением. Правда, удивлялись они только тогда, когда Старуха Эвелин делилась своими впечатлениями об увиденном, а происходило это, прямо скажем, нечасто.

Старуха Эвелин прекрасно знала, что от разговоров нет никакого толку. Она молчала годами. Постепенно все с этим свыклись и воспринимали как само собой разумеющееся. Никто бы не позволил ей рассказывать свои истории Моне, но Старуха Эвелин уже давно жила воспоминаниями о своей молодости, которыми не имела никакой нужды с кем-либо делиться.

Кроме того, что хорошего принесли ее истории Гиффорд и Алисии? Что у них была за жизнь? Впрочем, для Гиффорд она уже закончилась!

Ей опять показалось невероятным, что Гиффорд больше нет в живых. «Да, боюсь, Алисия сойдет с ума, – подумала она, – но что тогда будет с Моной? И со мной, когда я вполне осознаю то, что произошло».

Эвелин прошла в комнату Алисии. Внучка спала, свернувшись клубочком, как ребенок. Этим вечером она влила в себя полбутылки виски с таким видом, будто это было лекарство. Такая безудержность в употреблении алкоголя может кого угодно свести в могилу. На месте Гиффорд следовало бы оказаться Алисии, подумала Эвелин. Это было бы справедливее. Потому что это Алисия, а не Гиффорд, заблудшая овца.

Прикрыв плечи Алисии вязаным покрывалом, Эвелин вышла из комнаты.

Медленно, очень медленно она начала спускаться по лестнице. Прежде чем сделать очередной шаг, она резиновым наконечником трости тыкала в ковровую дорожку, чтобы убедиться, что впереди ее не подстерегает что-либо, за что она могла бы зацепиться и упасть. Ей хорошо запомнился ее восьмидесятый день рождения, который она ознаменовала своим падением. Она не хотела его больше повторять. Это были самые мрачные дни ее старости. Ей пришлось долго проваляться в постели, пока не срослось бедро. Но доктор Роудз сказал, что это пошло на пользу ее сердцу. «Вы доживете до ста лет», – уверил ее он.

Доктор Роудз взял на себя смелость провести операцию на ее глазах, хотя для этого ему пришлось выдержать борьбу с теми, кто считал ее для этого слишком старой. «Ну как вы не понимаете? – говорил он. – Она же скоро совсем ослепнет. А я могу вернуть ей зрение. Тем более что у нее прекрасное умонастроение».

Умонастроение... Ей понравилось это слово, и она ему об этом сказала.

– Почему вы больше ни с кем не разговариваете? – спросил он ее в больнице. – Знаете, из-за этого вас считают слабоумной старушкой.

Она рассмеялась и долго не могла остановиться.

– Но я такая и есть, – ответила она. – К тому же тех, с кем я любила говорить, уже давно нет в живых. Осталась только Мона. Чаще всего именно она говорит со мной.

Теперь пришла его очередь смеяться.

Старуха Эвелин по роду своего воспитания была не слишком разговорчива. Ее приучили к тому, что следует как можно больше молчать. И если бы не Джулиен, вряд ли нашлась бы на свете живая душа, с которой она могла бы надолго поговорить.

Ей очень хотелось когда-нибудь рассказать Моне о Джулиене. Возможно, сегодня как раз такой день настал. От предвкушения этого разговора она ощутила прилив энергии. Кроме того, настала пора рассказать Моне, где находятся вибротрава и жемчуг. Она должна знать, что может заполучить их хоть сейчас.

Эвелин остановилась перед расположенной в нише зеркальной полкой для шляп.

Отражение в зеркале ее вполне удовлетворило. Другими словами, она была в достаточно приличной форме, чтобы выйти на улицу. Правда, всю ночь она проспала в теплом габардиновом платье, но ведь оно совсем не помялось. К тому же отлично подходило для середины весны. Она всегда легко засыпала, сидя в кресле и скрестив пальцы рук на коленях. Перед этим она обычно расстилала на гобеленовой спинке кресла носовой платок, чтобы тот в случае, если она повернет голову и слюни потекут у нее изо рта во время сна, оказался у нее под щекой. Но пятна появлялись на нем крайне редко, поэтому она многократно использовала один и тот же платок.

Но вот беда: у нее не было шляпы. Прошло уже много лет, с тех пор как она выходила на улицу, если не считать свадьбу Роуан Мэйфейр. Поэтому она не знала, куда подевались ее шляпы. Тем не менее на свадебной церемонии она, насколько помнилось, была в каком-то головном уборе, и если постараться, то даже можно вспомнить, в каком именно. Очевидно, на ней была серая шляпка с маленькой старомодной вуалеткой и, кажется, украшенная розовыми цветами. Хотя, может быть, это ей только приснилось, равно как и сама свадьба, которая казалась ей чем-то не вполне реальным.

Подняться наверх, чтобы поискать там шляпу, Эвелин сейчас не могла, а в ее комнатухе, что располагалась внизу, никаких головных уборов не было. Впрочем, ее волосы были вполне аккуратно убраны. На всякий случай она проверила узел на затылке. Он оказался крепким, все шпильки были на месте. Столь немудреную прическу она носила уже многие годы. И была ею вполне довольна, так же как своими седыми волосами, величественно обрамлявшими лицо. Нет, никакая шляпа ей определенно не нужна. Что же касается перчаток, то таковых у нее не было уже очень давно. Да и кому пришлось бы в голову покупать ей перчатки?

Помнится, на свадьбе Роуан эта противная особа, Лорен Мэйфейр, даже сказала: «Сейчас никто не носит перчаток». Дескать, теперь эта деталь туалета ровным счетом не имеет никакого значения. Кто знает, быть может, Лорен в самом деле была права.

Хотя Эвелин не слишком сокрушалась по поводу перчаток. Достаточно того, что у нее была брошь и шпильки, чулки не морщили, а туфли были туго зашнурованы – Мона это сделала всего день назад. Словом, Эвелин была в полной боевой готовности, чтобы совершить выход в люди. Она не рассматривала свое лицо в зеркале и вообще на него никогда не глядела, потому что это было уже не ее, а какое-то чужое лицо. Сморщенное, изрезанное вертикальными бороздами, оно носило печать излишней мрачности и холодности. Над глазами выступали большие складки век, брови и подбородок утратили свои былые очертания. Да и вообще кожи на лице было слишком много для поддерживающих ее костей.

Хорошо было бы обдумать свое путешествие заранее. Вдруг Эвелин вспомнила, что Гиффорд умерла. Выходит, если что-нибудь случится – к примеру, Эвелин упадет и разобьется или, чего доброго, заблудится, – никто не впадет в истерику, как это бывало с ее ныне покойной внучкой. От этой мысли Эвелин стало легко и радостно. Как ни странно, ощутить себя свободной от любви Гиффорд оказалось очень приятно. Как будто ворота в мир открылись еще шире. Вскоре это облегчение, или своего рода освобождение, познает и Мона. Но не сразу.

Миновав длинный холл с высокими потолками, Эвелин открыла входную дверь. Уже год она не спускалась по ступенькам крыльца. Даже в день свадьбы Роуан кто-то пронес ее по лестнице на руках. Дело в том, что по бокам не было перил, за которые можно было держаться. Они сгнили много лет назад, а Алисия с Патриком, не удосужившись их

починить, окончательно сломали и кинули под дом.

– Этот дом построил мой прадедушка! – возмутилась тогда Эвелин. – Он лично заказал эти перила, выбрав их по каталогу. А теперь во что они превратились? И как вам не стыдно? Как вы могли допустить такое?

Впрочем, пошли они ко всем чертям собачьим!

Вместе с ее дедушкой Тобиасом! До чего же она ненавидела этого мрачного типа, преследовавшего ее как тень на протяжении всего детства. Сколько раз этот сумасшедший хватал ее за руку и шипел, словно змея: «Ведьма! А вот и ведьмина метка. Взгляни на нее». При этом он тыкал в ее крошечный шестой пальчик. Она никогда ничего не отвечала, а просто молча его ненавидела. За всю жизнь она не сказала ему ни единого слова.

Однако дом уже давно начал рушиться, и это было гораздо важнее ее лютой ненависти к человеку, который его построил. Возможно, строительство этого дома было единственной заслугой Тобиаса Мэйфейра. Их чудесная плантация Фонтевро, как ей сказали, погибла в топях. По крайней мере, она всегда получала такой ответ на свою просьбу отвезти ее туда. «Тот старый дом? – говорили ей. – Да его Байю^[25] затопила!» Хотя не исключено, что ей намеренно лгали. Может, если ей удастся доковылять до Фонтевро, она собственными глазами увидит, что их дом до сих пор стоит на прежнем месте.

Но это уже было явно из области грез. Меж тем перекресток Амелия-стрит с бульваром, величественный и красивый, находился совсем рядом. Нужно было что-то предпринять...

Не важно, есть перила или нет, с такой помощницей, как трость, одолеть ступеньки не составит большого труда особенно сейчас, когда она стала хорошо видеть. Итак, бабушка Эвелин спустилась вниз и, пройдя по дорожке, открыла металлическую калитку. Подумать только! За столько лет она впервые вышла за пределы дома!

Бросив взгляд на видневшиеся вдали машины, Эвелин, не останавливаясь, пересекла сначала ту сторону улицы, что располагалась ближе к озеру, а потом, немного передохнув, и ту, что находилась ближе к реке.

Эта часть улицы ей всегда была по душе. Она знала, что Патрик, как обычно, завтракает в ресторане на углу.

Миновав Амелия-стрит, затем еще одну небольшую улочку, носившую название Антонайн, Эвелин остановилась на углу и заглянула в окно ресторана. Бледный и худой до костлявости Патрик сидел, как всегда, за последним столом – пил пиво, ел яйца и читал газету. Он даже не заметил ее. Так он просидит до полудня, затем, возможно, ненадолго прогуляется в центр города, чтобы пропустить рюмку-другую в одном из своих любимых баров. Во второй половине дня, скорее всего, проснется Алисия. Позвонит Патрику в бар и набросится на него с криком, требуя, чтобы он шел домой.

Итак, Патрик сидел в ресторане и не видел Эвелин. Разве могло ему прийти в голову, что она решится без посторонней помощи выйти из дому?

И все-таки здорово, что она это сделала! Это было именно то, чего ей не хватало. Никем не замеченная, она продолжала идти по улице, пока не оказалась в центре города.

До чего хороши были чернствольные дубы и низкая трава в парке! После Марди-Гра осталось много неубранного мусора. Он валялся в сточных канавах и вокруг специальных контейнеров, которых всегда не хватало, чтобы справиться с таким количеством отходов.

Эвелин шла дальше. Когда она приблизилась к обветшалым, выкрашенным в грязно-коричневый цвет передвижным туалетам, которые привезли сюда на время Марди-Гра, в нос ей ударил мерзкий запах экскрементов. Но она не остановилась и не повернула назад, а

двигалась дальше и дальше по Луизиана-авеню. Куда бы она ни бросила взгляд, повсюду был мусор. Даже на деревьях висели пластиковые бусы. Очевидно, кто-то забросил их туда во время гулянья, а теперь они отливали бликами на солнце.

Она остановилась на перекрестке, ожидая, когда переключится сигнал светофора. Рядом с ней стояла прилично одетая темнокожая дама.

– Доброе утро, Патрисия, – поприветствовала ее Эвелин.

Та в недоумении уставилась на нее из-под своей черной соломенной шляпки.

– Неужели это вы, мисс Эвелин? Но что вы тут делаете?

– Направляюсь в Садовый квартал. Со мной все будет хорошо, Патрисия. У меня есть трость. Хотелось бы еще надеть шляпу и перчатки, но их у меня в гардеробе, к сожалению, не нашлось.

– Какая досада, мисс Эвелин! – воскликнула пожилая дама мягким, бархатистым голосом.

Патрисия была премилой старушенцией, которая почти никогда не разлучалась со своим внуком – его темная кожа могла бы с возрастом посветлеть, но, очевидно, этого не произошло, по крайней мере пока.

– О, за меня не переживайте, – сказала Эвелин. – Где-то здесь, в Садовом квартале, находится моя внучатая племянница. Мне надо отдать ей виктролу.

Внезапно Эвелин поняла, что ее приятельница ни сном ни духом не ведает о таких вещах, как виктрола, и сразу же осеклась. Патрисия частенько останавливалась у ворот дома Эвелин, чтобы перекинуться с ней словцом-другим, но она ничего не знала о семейных делах. Да и откуда ей было знать?

Патрисия что-то говорила и говорила, но Эвелин не слышала ее слов. Наконец зажегся зеленый свет. Пора переходить.

И бабушка Эвелин пошла по полосатому переходу настолько быстро, насколько могла, потому что всякий шаг – как вперед, так и назад – был для ее старческих сил расточительно трудным.

Но, несмотря на все свое усердие, Эвелин так и не поспела за светофором, чего с ней не случилось двадцать лет назад, когда она зачастую ходила этим путем в дом на Первую улицу, чтобы навестить бедняжку Дейдрре.

«Вся молодежь нынешнего поколения обречена, – размышляла про себя она. – Принесена в жертву порочности и глупости Карлотты Мэйфейр. В жертву той, которая насмерть отравила свою племянницу Дейдрре. Но зачем думать об этом сейчас?»

Казалось, Эвелин терзали тысячи мучительных воспоминаний.

Смерть Кортланда, любимого сына Джулиена, который погиб, упав с лестницы, тоже была на совести Карлотты. Помнится, его отнесли в больницу Туро, которая находилась всего в двух кварталах от дома Эвелин. А сама она сидела на террасе, откуда была видна кирпичная стена больницы. Какое было для нее потрясение узнать, что Кортланд умер недалеко от нее в окружении незнакомых ему людей из отделения интенсивной терапии.

Подумать только! Кортланд был ее отцом! Но это обстоятельство никогда не имело для нее особого значения. Джулиен сыграл большую роль в ее жизни, а также Стелла, но отец с матерью не дали ей ровным счетом ничего, кроме физического существования.

Барбара-Энн, мать Старухи Эвелин, умерла при родах. Так что матери у Эвелин практически не было. Только камей, силуэт, портрет, написанный маслом. «Видишь? Это твоя мать», – говорили ей. От матери ей достался сундук, набитый старой одеждой, четки и

несколько незаконченных вышивок, которые, очевидно, предназначались для саше.

Мысли Эвелин прыгали с одной темы на другую. Тем не менее она не переставала подсчитывать убийства, совершенные Карлоттой Мэйфейр, которая была уже, слава богу, на том свете.

Убийство Стеллы было самым злостным из всех преступлений, в которых была повинна Карлотта. В те прекрасные дни тысяча девятьсот четырнадцатого года Эвелин с Джулиеном предчувствовали приближение ужасных событий, но предотвратить их были не в силах.

На какое-то мгновение перед внутренним взором Эвелин возникли строчки одного стихотворения. Точно так же, как в тот далекий день, когда она декламировала их вслух Джулиену в его спальне в мансарде. «Я их вижу, – сказала она ему тогда. – Но не знаю, что они значат».

Карались ошибки бедой и несчастьем,
Кровавый кошмар их в пути ожидал.
Цветущий Эдем осенен был проклятьем,
И нынче юдолью скорбящих он стал.

О, какой сегодня прекрасный день! Сколько всплыло в памяти давно дремавших воспоминаний! Да и настоящее тоже необычайно свежо и приятно. К примеру, этот чудный легкий ветерок.

Эвелин все шла и шла вперед.

Вот она уже поравнялась с незастроенным участком земли в Толедано. Неужели здесь ничего не собираются возводить? Невозможно без боли смотреть на эти многоквартирные здания, такие незамысловатые, такие отвратительные, а ведь на их месте когда-то возвышались великолепные особняки, выглядевшие еще величественнее, чем ее собственный дом. Сколько людей сменилось здесь с тех времен, как она водила Алисию и Гиффорд в центр или на прогулку в парк и они проходили мимо этих домов. Правда, сама улица все-таки сумела сохранить свою былую прелесть. Вдруг, откуда ни возьмись, появился трамвай и с грохотом начал поворачивать. Собственно говоря, вся улица представляла собой один бесконечный поворот. Ничего не изменилось с тех пор, когда Эвелин ездила на Первую улицу на трамвае. Конечно, сейчас она ни за что не рискнула бы это сделать. Не стоило об этом даже думать.

Старуха Эвелин даже не могла припомнить, когда перестала пользоваться этим видом транспорта. Не иначе как это случилось добрых несколько десятков лет назад. А все началось с того, что однажды вечером, возвращаясь домой, она споткнулась и чуть было не упала, при этом уронив сумки с покупками от Марка Исаака и Мейсон Бланш. Правда, кондуктор помог ей их поднять, тем не менее ее это очень расстроило и взволновало. В знак благодарности она, по своему обыкновению, молча ему кивнула, слегка коснувшись его руки.

Нагнав на нее легкий порыв ветра, трамвай вскоре исчез, и Эвелин осталась на островке безопасности совсем одна. Казалось, поток машин перед ней никогда не иссякнет. Ничто не могло заставить их остановиться, а большой дом, ради которого она проделала столь длинный путь, был совсем рядом и одновременно как будто в другом мире – на другой стороне улицы.

Скажи ей двадцать лет назад, что она проживет еще двадцать лет, дождется смерти

Дейдре и узнает, что бедняжка Гиффорд умерла, она ни за что бы в это не поверила.

Эвелин думала, что умрет в тот же год, когда почил в бозе Стелла. Подобное же предчувствие у нее было тогда, когда отправилась к праотцам Лаура Ли, ее единственная дочь. Эвелин решила, что, если перестанет говорить, к ней придет смерть и заберет ее с собой.

Но она заблуждалась. Она нужна была Алисии и Гиффорд. Потом Алисия вышла замуж, и на свет появилась Мона. Рождение Моны одарило Старуху Эвелин новым голосом.

Нет, нельзя в такое прекрасное утро смотреть на вещи с подобной точки зрения. Она даже пыталась разговаривать с людьми, что было для нее совершенно неестественно, однако далось без малейшего труда.

Она слышала, как другие к ней хотели обратиться, или, точнее, видела, как шевелятся их губы, и догадывалась, что они пытаются привлечь к себе ее внимание. Но она не могла расстаться со своими мечтами и воспоминаниями о былых временах. О том, как она гуляла со Стеллой по Риму, обнимая ее за талию. Как они вместе лежали в маленьком номере отеля и под покровом теней одаривали друг друга ласками и поцелуями. Всего лишь женщина с женщиной, и больше ничего. Но как нежно соприкасались их груди!

О, это было самое прекрасное время в ее жизни! Спасибо Господу, что ей не довелось тогда знать, каким безрадостным и безликим станет ее существование впоследствии. Лишь однажды она познала мир во всей полноте – тогда, когда она была со Стеллой. Но любимая умерла, а с нею погиб для Эвелин и весь остальной мир.

Она не могла сказать, какая любовь была сильнее – к Джулиену за запертой дверью комнаты или к Стелле с ее невероятными приключениями.

Знала наверняка она только одно: именно Джулиен преследовал ее в воспоминаниях. Именно его голос мерещился ей повсюду. Однажды ей даже показалось, что Джулиен взбирается вверх по ступенькам – совсем как много лет назад, когда ей было тринадцать. Как со словами: «Эй ты, мерзавец, сейчас же выпусти девочку!» – он отталкивает ее прадедушку, стоящего на пути. Она тогда вся тряслась от страха на чердаке, а Джулиен явился, чтобы забрать ее с собой. Очевидно, в этом был особый смысл. Джулиен до сих пор незримо присутствовал подле нее. То и дело в голове у нее звучали его слова: «Заведи виктролу, Эвелин. Произнеси мое имя».

Внезапно и трагически уйдя из жизни, Стелла превратилась для Эвелин в прекрасную и бесконечную печаль. Казалось, испустив свой последний вздох, она отправилась прямо в рай. Впрочем, в том, что Стелла пребывала на небесах, Эвелин ничуть не сомневалась. Разве может человек, который своей жизнью осчастливил стольких людей, попасть в ад? Бедняжка Стелла. Настоящей ведьмой ей не суждено было стать, потому что она так и осталась сущим ребенком. Возможно, такие благородные создания, как Стелла, не желают нас тревожить, потому что у них много других добрых дел. И именно поэтому она не стала призраком, а была для Эвелин лишь светлым воспоминанием.

Помнится, в номере римского отеля Стелла, положив свою руку меж бедер Эвелин, сказала:

– Не бойся. Позволь мне прикоснуться к тебе. Дай мне на тебя поглядеть. – Она осторожно раздвинула ноги Эвелин. – Не нужно стыдиться, – продолжала Стелла. – Когда ты с женщиной, нет никаких поводов для опасений. Ты сама это прекрасно знаешь. Кроме того, разве дядюшка Джулиен не был с тобой нежен?

– Мне бы хотелось занавесить окно, – взмолилась Эвелин. – Этот свет, этот шум с

площади.

К этому времени она уже была достаточно возбуждена и горела страстью к Стелле. Тем не менее для Эвелин оказалось сущим потрясением то, что она сама начала осыпать свою возлюбленную бурными ласками: гладить ее тело, сосать грудь. Она даже позволила Стелле лечь на нее сверху. Эвелин так сильно ее любила, что была готова утонуть в этом огне желаний...

Жизнь Эвелин решительно и бесповоротно закончилась в ту ночь тысяча девятьсот двадцать девятого года, когда Стеллу застрелили.

Она видела собственными глазами, как Стелла замятежно упала на пол. Тот человек из Таламаски по имени Артур Лангтри бросился к Лайонелу Мэйфейру, чтобы выхватить у него из руки пистолет. Вскоре сам сотрудник секретного ордена умер на корабле от сердечного приступа. Несчастный глупец, подумала Старуха Эвелин. А Стелла так надеялась сбежать с ним в Европу, оставив своего ребенка Лэшеру. О Стелла, как только могла прийти тебе в голову такая ужасная и нелепая мысль! Эвелин пыталась предупредить ее насчет этих людей из Европы. Она знала, что у них были какие-то тайные книги и записи, и пыталась убедить Стеллу, чтобы она с ними не общалась. Карлотта была уже в курсе дела, потому что ей раскрыла глаза Эвелин, хотя по совершенно другой причине.

Теперь же один из этих людей вновь появился в этих краях, при этом не вызвав ни у кого никакого подозрения. Его звали Эрон Лайтнер. Все о нем отзывались как о святом только потому, что он вел летопись истории клана начиная с времен Доннелейта. Да что они вообще могли знать о Доннелейте? Если там никто, кроме Джулиена, никогда не был. Помнится, когда они, слушая тихую музыку, лежали на диване и у них зашла речь об этом шотландском местечке, Джулиен, тотчас перейдя на таинственный шепот, стал намекать на нечто ужасное.

Наверное, Эвелин должна была последовать за Джулиеном вскоре после его смерти, если бы не Лаура Ли, ее малышка-дочь, которую ей не хотелось оставлять сиротой. И так было всегда. Кто-нибудь из детей, привязывая ее к себе, обязательно заставлял возвращаться к жизни. Тогда это была Лаура Ли, а теперь Мона. Интересно, доживет ли она до того, чтобы повидать ребенка Моны?

Однажды Стелла принесла платье для Лауры Ли, собираясь отвести ее в школу.

– Дорогая моя, выкинь ты весь этот вздор насчет школы из головы, – сказала она тогда. – Бедненькая девочка. Зачем ее так мучить какими-то науками? Помню, я всегда ненавидела школу. Лучше давайте поедem вместе в Европу. Со мной и Лайонелом. Как можно прожить всю жизнь на одном и том же месте? Тоска, да и только!

Если бы не Стелла, Эвелин, пожалуй, никогда не побывала бы ни в Риме, ни в Париже, ни в Лондоне, ни в одном из прочих замечательных мест, которые показала ей возлюбленная. Стелла никогда не была верной, но при этом оставалась по-своему преданной, считая это единственно важным достоинством человека.

В ночь смерти Стеллы на Эвелин было серое шелковое платье и жемчужные бусы Стеллы. Когда свершилась трагедия, Эвелин выбежала из дома и кинулась ничком на лужайку, краем глаза видя, как уводят Лайонела. Платье было навсегда испорчено, потому что на земле было много битого стекла. Стелла еще долго лежала на начищенном до блеска полу – том самом, на котором они с Эвелин когда-то танцевали, – а вокруг нее мелькали вспышки фотоаппаратов. А этот тип из Таламаски как ошалелый бросился прочь. Какой у него был страшный вид. До безобразия страшный...

Предвидел ли ты это, Джулиен? Неужели свершилось пророчество, о котором вещало стихотворение? Эвелин все плакала и плакала, а позже, когда рядом уже никого не было, когда унесли тело Стеллы и наконец воцарилась гробовая тишина, а сам особняк на Первой улице погрузился в беспробудный мрак, нарушаемый едва заметным мерцанием битого стекла, Эвелин пробралась в библиотеку, сняла с полки книги и вскрыла находившийся в стенке тайник своей усопшей возлюбленной.

Там хранились их общие фотографии, письма и вещи, которые Стелла прятала от Карлотты. «Пусть мы не хотим, чтобы она знала о нас, – говорила Стелла своей любовнице, – но я буду трижды проклята, если сожгу наши фотографии».

Эвелин сняла с себя длинную нить жемчуга и положила его в утопающее во тьме углубление в стене, маленькое хранилище свидетельств их нежного и блистательного романа.

– Почему мы не можем всегда любить друг друга, Стелла? – сокрушалась Эвелин, когда они плыли в доме-лодке.

– О, милая, мир никогда не сможет это принять, – отвечала Стелла, у которой к этому времени уже завязался роман с мужчиной. – Но обещаю, что мы будем встречаться. Для этой цели я организую хорошее местечко где-нибудь в центре города.

Стелла выполнила свое обещание и специально для них двоих сняла квартиру с очаровательным внутренним двориком.

У Лауры Ли в связи с отсутствием матери никаких вопросов не возникало. Весь день она была в школе, поэтому ничего не подозревала.

Встречи со Стеллой в маленькой неубранной квартирке с голыми кирпичными стенами, за которыми слышался шум ресторана, Эвелин очень забавляли. Ей нравилась таинственность их романа, о котором ни сном ни духом не ведал никто из клана Мэйфейр.

«Люблю тебя, дорогая моя...»

Только Стелле Эвелин показала виктролу, доставшуюся ей от Джулиена. Только Стелла знала, что по просьбе покойного дядюшки Эвелин унесла ее из дома на Первой улице. Призрак Джулиена был всегда ее спутником, стоило только представить, как она гладит его волосы или прикасается рукой к его коже.

В течение многих лет после его смерти Эвелин, уединясь в своей комнате, проигрывала пластинки на виктроле. Особенно любила она слушать вальс из «Травиаты». Закрывая глаза, она представляла, что танцует с Джулиеном. Веселый и очень грациозный для своего почтенного возраста, он никогда не унывал. Более того, всегда подшучивал над всем и вся, проявляя завидную терпимость к слабостям и лжи других. Нередко Эвелин заводила вальс для своей маленькой Лауры Ли.

– Эту пластинку мне дал твой отец, – говорила она дочери.

Лицо ребенка всегда было так печально, что Эвелин хотелось плакать при одном взгляде на него. Неужели Лаура Ли за всю свою жизнь ни разу не познала счастья? Но зато она познала умиротворение, что, возможно, было не так уж плохо.

Любопытно, умел ли Джулиен в своем нынешнем состоянии слышать звуки виктролы? И правда ли то, что он по собственной воле привязал себя к земной жизни?

– Грядут темные времена, Эви, – предвещал он. – Но я не сдамся. Не спущусь тихо в ад. Не позволю ему торжествовать. Если получится, я преодолею смерть. И буду жить среди теней. Заводи для меня эту мелодию, чтобы я мог ее слышать и там. Пусть она призывает меня к этой жизни.

По прошествии лет Стелла, услышав об этом, насторожилась. Они тогда сидели в каком-

то римском ресторанчике, ели спагетти, пили вино и слушали диксиленд. Эвелин рассказывала ей старые истории Джулиена.

– Так это ты забрала виктролу! – воскликнула Стелла. – Ну да, конечно. Это я помню. Но все остальное я нахожу несколько странным. Ты не могла ничего напутать? Ведь Джулиен всегда был с нами такой веселый, такой неутомимый. Эви, ты уверена, что он чего-то боялся? Ну конечно же, – продолжала она, – я прекрасно помню тот день, когда мать сожгла его книги. Он был вне себя от гнева. Метал громы и молнии. Потом мы пошли к тебе. Помнишь? Кажется, я сказала ему, что тебя заперли на чердаке на Амелия-стрит. Он так разъярился, что, явись за ним в тот самый полдень хоть сама смерть, вряд ли бы она смогла его утомить. Кстати, насчет этих книг. Хотелось бы знать, что такого особенного в них было. Но несмотря ни на что, Эви, он все равно был счастлив. Особенно после того, как ты стала к нему приходить. И оставался счастливым до своего последнего дня.

– Да, он был счастлив, – согласилась Эвелин. – И до самой смерти не терял здравости рассудка.

Эвелин снова перенеслась в мыслях в былое время. Вспомнила о том, как однажды карабкалась по мощной паутине колючей лозы, обвинившей опшугатуренную стену. Если бы можно было хотя бы на миг стать опять такой же здоровой и сильной, как в тот день, когда она, разгребая в стороны цветоносы, лезла по лиане в мансарду! Почти без труда добравшись до крыши террасы второго этажа, выступающей над мощеной дорожкой, Эвелин взглянула в окно и увидела, что Джулиен лежит на своей кровати.

– Эвелин! – воскликнул он, не веря своим глазам. Было видно, что он силится разглядеть ее получше и радостно протягивает к ней руки. Она никогда не рассказывала об этом Стелле.

Когда Джулиен впервые привел ее в эту комнату, Эвелин было только тринадцать.

Кстати сказать, это был тот самый день, когда она начала жить настоящей жизнью. С Джулиеном она могла говорить так просто и откровенно, как ни с кем другим. До чего же бессильна она была в своем молчании, которое нарушала лишь изредка, например когда ее бил дед или кто-то очень просил ее продекламировать свои стихи! На самом деле она никогда их не сочиняла, а просто читала висевшие в воздухе рифмованные строки.

Как-то раз почитать свои странные стихи-пророчества попросил ее Джулиен. Он предчувствовал наступление мрачных времен и ждал их со страхом в сердце.

Старик Джулиен и безгласный ребенок – каждый из них был по-своему беззаботным. Занимаясь в тот день с ней любовью, он отдавался чувству медленно, нежно, истово. Возможно, по сравнению со Стеллой его движения были несколько тяжеловеснее, но что вы хотите: ведь он уже был далеко не молод. Поэтому ему потребовалось немало времени, чтобы хорошенько завести себя. Но зато, прежде чем он сумел достичь сладостного финала, он одарил свою возлюбленную бездной ласк и поцелуев. Какое наслаждение ей доставили его проворные, знающие свое дело пальцы и даже его изящные непристойности, которые он нашептывал ей на ухо. Впрочем, к этому делу у них обоих был особый талант – они всегда знали, как прикасаться и как целовать друг друга.

Они относились к занятиям любовью необычайно трепетно, словно это было для них непозволительной роскошью. Но зато, когда их охватывала неистовая страсть, они оба были к ней полностью готовы.

– Вот и наступили мрачные времена, – говорил ей Джулиен. – К сожалению, не могу рассказать тебе все, милая моя девочка. Просто не могу решиться на это. Видишь ли, она сожгла все мои книги. Сожгла их там, прямо на траве. Уничтожила то, что принадлежало

мне. А значит, уничтожила всю мою жизнь. Поэтому я хочу попросить, чтобы ты кое-что для меня сделала. Чтобы ради меня ты в это верила. Возьми виктролу и унеси ее с собой. Ты должна сохранить ее в память обо мне. Это моя вещь. Я любил ее. Касался ее своими пальцами. Вдохновлял своим духом настолько, насколько это способен сделать грешный человек. Храни ее, Эви. Заводи иногда и ставь для меня вальс.

И еще. Прошу тебя, когда настанет момент, передай ее в надежные руки. Тому, кто будет лелеять ее после смерти Мэри-Бет. Дело в том, что Мэри-Бет не может прожить больше меня. Но только держи виктролу подальше от Карлотты. Пусть даже не прикасается к ней. Придет час...

Не договорив, он снова погрузился в печаль. Нет, уж лучше бы им было заниматься любовью.

– Я бессилён что-либо сделать, – после затянувшегося молчания продолжал он. – Знаю, что может случиться, но ничего не могу предотвратить. Впрочем, известно мне не больше, чем любому другому из смертных. Знаешь, что больше всего меня тревожит? Вдруг ад совсем пуст? Что, если там нет тех, кого можно было бы возненавидеть? Вдруг он окажется просто беспросветным мраком? Вроде темной ночи в шотландской деревне Доннелейт? Если это в самом деле так, то Лэшер вернется из ада.

– Неужели он так и сказал? – изумилась Стелла несколько лет спустя после того, как Джулиен поделился с Эвелин своим мрачным предчувствием. А всего через месяц после этого разговора Стеллу застрелили. Веки Стеллы навечно сомкнулись в тысяча девятьсот двадцать девятом году.

Как долго удалось прожить Эвелин после смерти Стеллы! Сколько поколений сменилось с тех пор! Как неузнаваемо изменился мир!

Иногда она находила для себя небольшое утешение в том, что ее любимая рыжеволосая Мона Мэйфейр ругает модернизм.

– Представляешь, – говорила девочка бабушке Эвелин, – век почти подходит к концу, а все самое лучшее было изобретено в его начале. Все самые гармоничные и удачные стили были придуманы в первые двадцать лет. А значит, Стелла была этому свидетелем. Раз она слышала джаз, видела ар-деко и Кандинского, значит она познала весь двадцатый век. Что хорошего привнесли в эту жизнь последующие поколения? Ровным счетом ничего. Если бы ты взглянула на всякие новшества в отеле в Майами, то могла бы подумать, что они созданы где-то в начале двадцатых. Приблизительно тогда, когда вы со Стеллой путешествовали по Европе.

Да, Мона воистину была утешением Эвелин и не только как собеседница.

– Понимаешь, милая. Я ведь вполне могу сбежать в Англию с этим человеком из Таламаски, – сказала как-то Стелла незадолго до своей смерти.

При этих словах она даже перестала есть спагетти и застыла с вилкой в руке. Казалось, в тот самый миг ей предстояло решить вопрос жизни и смерти, что, собственно говоря, было недалеко от истины, поскольку она намеревалась сбежать с Первой улицы, скрыться от Лэшера и просить защиты у каких-то подозрительных ученых мужей.

– Послушай, Стелла. Джулиен предупреждал нас насчет этих людей. Он утверждал, что они и есть те самые алхимики из моего стихотворного пророчества. Говорил, что они еще долго будут причинять нам вред. Стелла, поверь мне. Он сказал это прямо, без каких-либо намеков. Сказал, что нам с ними вообще нельзя общаться.

– Но этот парень из Таламаски, кто бы он там ни был, собирается выяснить

обстоятельства гибели человека, тело которого нашли у нас на чердаке. Когда ты Мэйфейр, то можешь безнаказанно убивать, кого тебе заблагорассудится. Нам все сходит с рук. И никто ничего не может толком объяснить, – в недоумении пожав плечами, сказала Стела. А буквально через месяц она была убита собственным братом – Лайонелом. Так внезапно оборвалась ее жизнь.

Со смертью Стеллы не осталось в живых никого, кому было известно о виктроле или Джулиене, а также о том, что говорилось в спальне Джулиена. Все свидетели сошли в могилу.

Разговор о виктроле Джулиен завел во время своей последней болезни. Очевидно, потому, что предчувствовал близкий конец. Однако вынести ее из дома оказалось не так-то просто. Для этого пришлось послать прислугу в столовую, чтобы принести оттуда другую «музыкальную шкатулку», как он всегда упорно называл ее.

И только после того, как он взял в руки пластинку, которую собирался проиграть на полной громкости на большом граммофоне, он велел Эвелин забрать маленькую виктролу и поскорее уносить ноги. Кроме того, Джулиен попросил Эвелин все время петь. Просто петь вслух – как будто это играет пластинка. Петь до тех пор, пока она не доберется до своего дома на окраине города.

– Боюсь, люди подумают, что я сошла с ума, – мягким тоном предположила она, взглянув при этом на свою шестипалую ладонь – дьявольский знак, метку ведьмы.

– Разве тебе не безразлично, что они подумают? – расплывшись в своей коронной улыбке, спросил Джулиен, заводя большой граммофон. Надо сказать, что выглядел Джулиен весьма моложаво, и только когда он спал, лицо выдавало его истинный возраст.

– Возьми пластинки с моей любимой оперой, – продолжал он. – У меня есть другие. Неси их под мышкой. У тебя это получится. Унеси их поскорее подальше отсюда, милая. Мне жаль, что я не могу вести себя, как подобает джентльмену. Не могу помочь тебе это сделать. Будь у меня больше сил, уверяю тебя, я бы непременно отнес этот груз к тебе на чердак. Поэтому ты, когда дойдешь до бульвара, возьми такси. Отдашь водителю деньги. А когда он довезет тебя до места, попроси, чтобы он помог тебе отнести твою поклажу в дом.

И Эвелин запела свою песню. Сначала она пела в унисон с большим граммофоном, потом одна. Она, как ей было велено, пела не останавливаясь, на протяжении всего пути, пока выносила маленькую музыкальную шкатулку из злополучного дома.

Потом она вышла на улицу, продолжая тащить свою драгоценность, свою святыню, подобно юноше, несущему службу у алтаря.

Эвелин несла ее до тех пор, пока руки не занемели от боли так, что она не могла дальше двигаться. Ей пришлось присесть прямо на край тротуара на углу Притании и Четвертой улицы. Упершись локтями в колени, она позволила себе немного отдохнуть. Мимо проносились машины. Наконец она остановила такси, возможно, несколько неумело, потому что делала это первый раз в жизни, а когда ее довезли до места, попросила водителя за пять долларов, которые дал ей Джулиен, отнести виктролу в дом.

– Спасибо, мадам! – поблагодарил ее довольный шофер.

Первый из самых мрачных дней ее жизни наступил сразу после смерти Джулиена. Это случилось тогда, когда к ней явилась Мэри-Бет и осведомилась, не передавал ли ей что-нибудь из своих вещей Джулиен. Вернее, не брала ли она что-нибудь из его комнаты. Эвелин, по своему обыкновению не проронив ни слова, отрицательно покачала головой. Мэри-Бет знала, что та говорила неправду, и поэтому спросила напрямик:

– Что тебе дал Джулиен?

Сидя на полу чердака и прислоняясь спиной к закрытому шкафу, в котором находилась виктрола, Эвелин продолжала упорно молчать. Она не могла тогда думать ни о чем другом, кроме Джулиена. Мысль о том, что он только что испустил свой последний вздох, накрепко засела у нее в голове, не давая ей отвлечься ни на что постороннее.

Тогда она еще не знала о ребенке, которого носила под сердцем. О бедной ее дочурке Лауре Ли. По ночам Эвелин подолгу бродила по улице, страдая по Джулиену. И не решалась заводить виктролу, пока в доме на Амелия-стрит горел свет.

По прошествии лет, когда ушла в мир иной Стелла, у Эвелин как будто открылась старая рана, как будто два дорогих ее сердцу человека слились в ее памяти в одно целое. С потерей двух своих возлюбленных она утратила в жизни тот единственный огонек, который освещал тайны ее жизни, утратила музыку, утратила само желание жить.

– Не пытайся заставить ее говорить, – заступился тогда за нее прадед. – Лучше уходи подобру-поздорову. Возвращайся в свой дом. Оставь нас одних. Мы не хотим, чтобы ты находилась здесь. Если в нашем доме осталось что-то от этого негодяя, я уничтожу это собственными руками.

Жестокий он был человек. И пожалуй, убил бы Лауру Ли и глазом не моргнул, если бы только это было в его власти. «Ведьмы!» – во всю глотку вопил он, когда входил в раж. Однажды он даже схватился за кухонный нож, угрожая отрезать Эвелин шестой палец. Она, бедняжка, тогда так кричала, что пришлось за нее вступиться Перлу и Авроре, а также прочим старикам из Фонтевро, свидетелям этой сцены.

Среди старшего поколения Мэйфейров хуже Тобиаса никого не было. По мерзости своего характера он превзошел всех и вся. Джулиена он возненавидел лютой ненавистью из-за выстрела в тысяча восемьсот сорок третьем году, который ненароком убил его отца, Августина. Произошло это в Ривербенде, когда Джулиен был совсем ребенком, а Августин – молодым парнем. Сам же Тобиас еще ходил в детском платье – прежде маленьких детей, независимо от пола, обычно рядили в платья.

– Я видел своими глазами, как мой отец замертво упал возле моих ног! – любил повторять он.

– Я не хотел его убивать, – рассказывал Джулиен, когда они с Эвелин лежали на кровати. – Неужели я смог бы сознательно убить человека, зная, что это повлечет за собой такие последствия? Ведь теперь от нас в гнев и горечи отшатнулась целая семейная ветвь. И сколько мы ни пытались поправить дело, все было тщетно. Мы до сих пор разбиты на два вражьих лагеря. Один сосредоточен тут, а другой – вокруг вашего дома на Амелия-стрит. Мне всегда так горько об этом думать. Ведь я был тогда совсем мальчишкой, а этот кретин понятия не имел, как управлять плантацией. Мне приходилось стрелять в людей, и я никогда не испытывал от этого угрызений совести. Но в тот раз я вовсе не собирался этого делать. Честное слово, этого у меня в мыслях не было. Я не хотел убивать твоего прапрадеда. Если хочешь, это была самая жестокая ошибка с моей стороны.

Однако его объяснения не слишком заботили Эвелин. Она ненавидела Тобиаса. Ненавидела всех стариков.

И, словно ирония судьбы, любовь в ее жизнь принес один из таких стариков. Она пришла к ней не где-нибудь, а на чердаке Джулиена.

Затем последовали долгие ночи их романтических встреч, когда под покровом темноты она приходила в дом на Первой улице и по шпалере взбиралась наверх, в комнату своего

возлюбленного. Находилась та довольно высоко, но Эвелин наловчилась залезать в нее довольно быстро. Раскачиваясь на лозе, она бесстрашно поглядывала на оставшуюся внизу мощенную камнем дорожку.

Ту самую дорожку, на которую замертво рухнула бедняжка Анта. Но когда она поднималась по обвитой лианами стенке, это несчастье еще не произошло. Две ужасные трагедии – смерть Анты и Стеллы – ждали их еще впереди.

Вспоминая о своем восхождении к окну Джулиена, Эвелин, казалось, всякий раз ощущала под своими ногами густые и мягкие, как пушистый ковер, листья лозы, на которые она опиралась.

– О, *chérie*, радость моя. Дикарочка моя, – не без восхищения восклицал Джулиен, поднимая окно, чтобы впустить ее внутрь. – *Mon Dieu*, детка. Ты же могла упасть.

– Ни за что! – шепотом уверяла его она, ощущая себя в его объятиях в полной безопасности.

Даже Ричард Ллуэллин, мальчик, которого содержал Джулиен, об их отношениях никому не говорил ни слова, хотя многое мог порассказать. Правда, Ричард был приучен, прежде чем войти в комнату Джулиена, сначала стучаться в дверь. Много лет спустя Ричард Ллуэллин согласился поговорить с сотрудником из Таламаски, несмотря на то что Эвелин умоляла его этого не делать.

– Ну и что ты разболтал ему обо мне? – набросилась на него Эвелин, когда на следующий день Ричард явился к ней с визитом.

Ричард был слишком стар. Было очевидно, что он долго не протянет.

– Ничего, – ответил он. – Об этой истории я вообще ничего не говорил. Видишь ли, я боялся, что он подумает...

– Что? Что Джулиен был способен затащить в постель совсем ребенка вроде меня? – Она от души расхохоталась. – Тебе вообще не следовало затевать разговор с этим человеком.

Через год после этого случая Ричард умер, оставив ей в наследство свои старые пластинки. Должно быть, ему было известно о виктроле. Иначе зачем ему было оставлять ей старые пластинки?

Эвелин уже давно следовало отдать Моне маленькую виктролу, не церемонясь со своими ненормальными внучками, Алисией и Гиффорд. И угораздило же ее оставить и музыкальную шкатулку, и прекрасное ожерелье Гиффорд!

– Как тебе это только пришло в голову! – твердила она сама себе.

Как она могла сделать столь порочный выбор! Как могла оставить все Гиффорд и тем дать ей возможность извращенно все толковать и задыхаться от негодования, когда Эвелин произносила свое небезызвестное четверостишие.

– Зачем он настаивал, чтобы это осталось у тебя? – спрашивала ее Гиффорд. – Почему считал, что это возымеет на него какое-то действие? А потому, что он был колдуном. И ты это прекрасно знала. Таким же, как и все остальные.

Потом последовало ее ужасное признание в том, что она спрятала виктролу и жемчуг в доме на Первой улице, то есть вернула их на старое место.

– Глупая, как ты могла сделать такое? – обрушилась на нее бабушка Эвелин. – Виктрола должна достаться Моне! Она моя праправнучка! Послушай, Гиффорд, пусть виктрола с жемчугом будут храниться где угодно, только не в этом доме. Только не там, где их может найти и уничтожить Карлотта.

Вдруг Эвелин вспомнила, что Гиффорд умерла сегодня утром!

А она, Эвелин, шла по Сент-Чарльз-авеню в особняк на Первой улице, начисто позабыв о том, что ее несчастное, всем досаждающее и вечно изматывающее всех и вся своим беспокойством дитя совсем недавно простилось с жизнью!

«Почему я не почувствовала это? – спрашивала себя Эвелин. – Джулиен, почему ты не пришел и не предупредил меня заранее?»

Помнится, полвека назад за час до смерти Джулиена она слышала его голос, который раздавался где-то возле ее дома. Эвелин подскочила к окну и широко распахнула его, впустив в дом порыв шквалистого ветра с дождем. Увидев Джулиена внизу, Эвелин мгновенно догадалась, что это был не тот Джулиен, которого она знала, не настоящий. Вместе с этим пониманием ее осенила страшная мысль: она подумала, что он умер, и очень испугалась. Джулиен, у которого был такой веселый, такой жизнерадостный вид, помахал ей рукой. Рядом с ним стояла огромная темная кобылица.

– Au revoir, ma chérie!^[26] – крикнул ей он.

* * *

Стремглав пробежав десять кварталов, она взобралась по уже знакомой шпалере к окну знакомой комнаты и, приподняв раму, увидела его глаза, еще живые глаза, которые были устремлены на нее.

– О Джулиен, – воскликнула она, – я слышала, как ты звал меня. Я видела тебя. Видела воплощение твоей любви.

– Эви, – еле слышно прошептал он. – Эви, я хочу сесть. Помоги мне, Эви. Я умираю, Эви! Это вот-вот случится. Это совсем рядом!

Никто никогда не узнал, что в этот роковой час она была рядом с ним.

На улице бушевала буря. Избиваемая хлесткими ударами дождя, Эвелин прижалась к крыше террасы, прислушиваясь к тому, что происходило в комнате за окном. После того как закрыли и привели в порядок тело покойного, никому не пришло в голову выглянуть наружу. Домочадцы были озабочены только тем, чтобы оповестить всех родственников и знакомых о случившемся. А Эвелин все это время сидела на крыше, прижавшись к дымовой трубе, и, взирая на вспышки молнии, думала: «Почему ты не убьешь меня? Почему я еще жива? Теперь, когда мой Джулиен умер».

– Что он тебе подарил? – допытывалась у нее Мэри-Бет каждый раз, когда они виделись, на протяжении долгих лет.

Мэри-Бет не без любопытства разглядывала Лауру Ли, слабую и тщедушную малышку, отнюдь не внушавшую никому желания себя потискать. Мэри-Бет всегда знала, что ее отцом был Джулиен.

Бедную дочурку Эвелин, казалось, все разом возненавидели.

– Жалкое отродье Джулиена, – говорили ей. – Посмотри-ка, да у нее такая же метка ведьмы, как у тебя!

Что же в этом было плохого? Всего-то лишний маленький пальчик на руке. К тому же большинство людей никогда на него не обращали внимания. Лаура Ли была очень застенчива – качество, которого в школе Святого Сердца не было и в помине.

– Что касается ведьминых меток, – говорил Тобиас, – то на самом деле их много. Самая худшая из них – рыжие волосы. За ней идет шестой палец на руке. А потом – гигантский

рост. А у тебя как раз одна из них. Шесть пальцев на руке. Так что тебе сам Бог велел жить на Первой улице. Проклятой своими сородичами. Ведь это они наградили тебя всеми этими достоинствами. Поэтому убирайся из моего дома!

Конечно, она никуда не ушла, тем более что в доме на Первой улице все еще обреталась Карлотта. Из двух зол Эвелин выбрала меньшее, решив просто не обращать внимание на старика, что они с дочуркой и делали. Лаура Ли была слишком болезненным ребенком, поэтому не смогла закончить среднюю школу. Бедняжка, она всю свою жизнь занималась тем, что подбирала бездомных котов. Любила с ними разговаривать и могла целыми днями бродить по улицам, разыскивая их, чтобы покормить. Так продолжалось до тех пор, пока соседи не начали жаловаться. Замуж Лаура Ли вышла очень поздно и поэтому поздно родила двух дочек.

Но были ли те, кто имел отметину в виде шестого пальца, на самом деле всемогущими ведьмами? А что тогда говорить о Моне с ее рыжими волосами?

С годами огромное состояние Мэйфейров передавалось по наследству: сначала – Стелле, затем – Анте, а за ней – Дейдре...

Никого из тех, кто жил в те мрачные времена, уже не осталось в живых. Никто из них, кроме Стеллы, не оставил в памяти Эвелин яркого воспоминания!

– Но будут и другие времена, – предсказывал Джулиен в ту ночь, когда у них состоялся предсмертный разговор. – Времена борьбы и катастроф. Об этом вещает нам твое четверостишие, Эвелин. Я постараюсь к тому времени вернуться сюда.

Музыка жалобно завывала под глухие удары басов. Когда бы Эвелин ни являлась к Джулиену, он всегда заводил виолончель.

– Знаешь, *chérie*, хочу тебе открыть один секрет, который касается *ego* и музыки, – как-то раз сказал Джулиен. – Он нас не слышит, не может слышать, когда звучит музыка. Это секрет знали еще давно. Его открыла мне моя *grand-mère*^[27] Мари-Клодетт. Музыка привлекает злого демона и в то же время может сбить его с толку. Дело в том, что слышать музыку он может только тогда, когда нет никаких других звуков. Подобным образом действуют на него рифма и ритм. Они являют собой непреодолимое препятствие для призраков, будто те могут неким образом их видеть. Находясь во мраке, бесплотные духи жаждут порядка и симметрии. Поэтому музыку я использую для того, чтобы привлечь *ego* и одновременно смутить. Об этом знает также Мэри-Бет. Как думаешь, зачем в каждой комнате у нас стоит музыкальная шкатулка? Почему Мэри так любит свои многочисленные виолончели? Потому что они позволяют ей ощущать себя огражденной от этой нечисти. Так сказать, охраняют ее покой, который ей время от времени необходим, как, впрочем, каждому из нас. Когда меня не станет, детка, – продолжал он, – заводи виолончель. Ставь пластинки и думай обо мне. Кто знает, может, я услышу ее и приду к тебе. Может, вальс сумеет проникнуть сквозь тьму и я вернусь к самому себе и к тебе.

[Купить полную версию книги](#)

Сеть магазинов в США.

Американская фирма, производящая дорогую одежду и парфюмерию.

Патефон фирмы «Виктор рекордс», одной из первых фирм в США, начавшей производить такую технику.

В 1212–1213 гг. под влиянием религиозных фанатиков около двадцати тысяч детей отправились в крестовый поход в Палестину. Большинство из них погибли, многие были проданы в рабство.

Defeat (*англ.*) – поражение.

Dreams (*англ.*) – сны.

Дорогая (фр.).

Tor – в германо-скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, чудо-богатырь, защищающий богов и людей от страшных чудовищ.

Мэйфейр, хронология *(англ.)*.

Том Беренджер (р. 1949) – популярный американский актер, исполнитель героических ролей в фильмах о войне во Вьетнаме и в боевиках.

Character (*англ.*) – характер.

Американские еженедельные финансовые журналы.

Цитата из романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

Магазин в Новом Орлеане.

В греческой мифологии прекрасный юноша, которого Зевс обрек на вечный сон в пещере.

Американский актер, после исполнения главной роли в фильме «Капитан Сорвиголова» ставший олицетворением силы и мужества.

Итальянский стиль – архитектурный стиль, бытовавший во второй половине девятнадцатого века.

Термин в генетике, обозначающий совокупность наследственных факторов.

Наследственное заболевание, выражающееся в спазматическом сокращении мышц.

Принцип в генетике, согласно которому отпрыски или эмигранты могут отличаться от остальной части населения, поскольку имеют иные биологические корни.

Маленькая (*фр.*).

Американский еженедельный журнал.

Город в Италии.

Аэропорт в окрестностях Лондона.

Заболоченная дельта реки Миссисипи, обширная территория, население которой главным образом составляют потомки выходцев из Франции.

До свидания, моя дорогая! (*фр.*)

Бабушка (фр.).